

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (18)

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOSOPHICAL SCIENCES

№ 2 (18)

Published since 2009

Quarterly

Moscow

2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бессонов Б.Н.

главный редактор

заведующий общеуниверситетской кафедрой философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Бирич И.А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Жукоцкая А.В.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Чёрненькая С.В.

ответственный секретарь

доцент общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, кандидат философских наук, доцент

Черезов А.Е.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Чесноков Г.Д.

профессор общеуниверситетской кафедры философии
и религиоведения Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Мамедова Н.М.

профессор кафедры философии Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова,
доктор философских наук, профессор

Ксенофонтов В.Н.

профессор общеакадемической кафедры философии
и социально-экономических дисциплин Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина, доктор философских наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2074-7829

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Философия и образование

<i>Бессонов Б.Н.</i> Современное образование и философия.....	10
<i>Мамедова Н.М.</i> Образование в зеркале культуры	20
<i>Матренина Л.Ф.</i> Качество образования как условие формирования креативного этоса профессионала	26

Философия в вузе

<i>Понизовкина И.Ф.</i> Реформа философского образования в вузе: решение современных проблем или новые проблемы?.....	34
<i>Черноземова Е.Н.</i> Формирование мировоззрения: внутренние резервы вузовских образовательных программ	43
<i>Сахарова М.В.</i> Философия в вузе: мать всех наук или падчерица?	49

Философия: вопросы преподавания

<i>Жукоцкая А.В.</i> Философия и студенческая эссеистика (некоторые заметки к методике преподавания философии).....	57
<i>Чёрнёнская С.В.</i> Философия языка для аспирантов.....	66

История идей и современность

- Вартамян Е.В.* Формирование категории «экономическая деятельность» в трудах древних и средневековых мыслителей 77
- Чесноков Г.Д.* Эстетическая теория Н.Г. Чернышевского. Часть 2 88
- Бессонов Б.Н.* Николай Александрович Бердяев: жизнь и творчество. Часть 2 100

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки», 2016, № 2 (18)..... 115

Требования к оформлению статей..... 118

CONTENT

The Word of Editor-in-Chief

Tasks of the Issue.....	8
-------------------------	---

Philosophy and Education

<i>Bessonov B.N.</i> Modern Education and Philosophy	10
<i>Mamedova N.M.</i> Education in the Mirror of Culture	20
<i>Matronina L.F.</i> The Quality of Education as a Condition of Formation of Creative Ethos of a Professional.....	26

The Philosophy at the University

<i>Ponizovkina I.F.</i> Reform of Philosophical Education in a University: the Solution of Contemporary Problems or New Problems?.....	34
<i>Chernozemova E.N.</i> Formation of the World Outlook: Internal Resources of University Educational Programs	43
<i>Sakharova M.V.</i> Philosophy in a University: the Mother of All Sciences or Stepdaughter?.....	49

Philosophy: Issues of Teaching

<i>Zhukotskaya A.V.</i> Philosophy and Student Essays (Some Notes to Methods of Teaching Philosophy)	57
<i>Chernenkaya S.V.</i> Philosophy of Language for Postgraduate Students.....	66

The History of Ideas and the Contemporaneity

<i>Vartanian E.V.</i> Formation of Category “Economic Activity” in the Works of Ancient and Medieval Thinkers.....	77
<i>Chesnokov G.D.</i> N.G. Chernyshevsky’s Aesthetic Theory. Part 2.....	88
<i>Bessonov B.N.</i> Nikolai Aleksandrovich Berdyaev: Life and Work. Part 2.....	100

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Philosophical Sciences», 2016, № 2 (18)	115
---	-----

Style Sheet	118
--------------------------	-----

ЗАДАЧИ НОМЕРА

Данный номер журнала посвящен значению философии в системе вузовского, особенно университетского образования. Авторы статей, работающие в разных вузах и живущие в разных регионах нашей необъятной страны, обеспокоены положением преподавания предмета «философия» в вузах, встревожены тем, что чиновники от образования считают, что большой необходимости в преподавании философии нет и что ее вполне можно заменить другими, якобы, более конкретными науками.

Авторы статей (Б.Н. Бессонов, А.В. Жукоцкая, Н.М. Мамедова, Л.Ф. Матренина, И.Ф. Понизовкина, М.В. Сахарова, Е.Н. Черноземова, С.В. Черненькая) убеждены, что, вопреки позитивистскому отказу от философских проблем, философия всегда была, есть и будет. Все попытки принизить ее роль тщетны. Философия охватывает все бытие, тогда как предмет конкретных наук — конкретный фрагмент действительности. В силу того, что философия обладает обобщенными знаниями о мире, она выполняет функции методологии — вооружает науки принципами, законами и категориями, которые

каждая конкретная наука использует в процессе собственно, научного освоения действительности.

Во всяком случае, такие методы философского познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, законы формальной логики, законы диалектики, системный и структурный методы и т. п. выступают и как общенаучные методы, помогая ученым постигать истинные знания без излишней траты интеллектуальных сил.

Именно философия была и остается квинтэссенцией духовной культуры; в философии, подчеркивал Гегель, дух возвышается до своего высшего достоинства. Именно философия учит нас смотреть на окружающий мир с точки зрения человечности и универсализма.

Философия и философы настаивают на том, чтобы в центре современной системы ценностных координат находился человек — человек мыслящий и ответственный, разумно и нравственно относящийся к жизни, природе, обществу, верящий в единство человечества.

Да, быть может, философия в нашей жизни еще не всё, но без философии всё — ничто!

В рубрике «История идей и современность» аспирант Е.В. Вартанян рассматривает процесс формирования категории «экономическая деятельность» в различных культурных, географических, политических и социальных условиях Древности, Античности и Средневековья; печатаются окончания статей Г.Д. Чеснокова и Б.Н. Бессонова, начатые в № 1 (17) нашего журнала. Г.Д. Чесноков убедительно доказывает, что эстетические взгляды Чернышевского

базируются на основополагающих идеях материалистической эстетики и в этой связи решительно противостоят идеалистической логике Гегеля. В статье Б.Н. Бессонова о Н.А. Бердяеве отмечается, что коренная черта личности русского философа — творчество, взлет к трансцендентному. По мнению Бердяева, бесконечен лишь Бог. Все остальное — и человек, и история — конечно. Бердяев описывает состояние русской культуры в предчувствии мировой катастрофы XX века.

Б.Н. Бессонов

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Редколлегия журнала «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» поздравляет **Бориса Николаевича Бессонова** — главного редактора журнала «Вестник МГПУ» серии «Философские науки», доктора философских наук, профессора, заведующего общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения ИГН МГПУ, которой он руководит с 2006 года — с юбилеем!

Желаем нашему дорогому коллеге здоровья и неиссякаемого вдохновения, чтобы он и впредь нас радовал и удивлял своими философскими размышлениями.

В этом номере мы публикуем его статью, как всегда, стратегического характера и открываем ею рубрику «Философия и образование».

Б.Н. Бессонов

Современное образование и философия

В статье рассматривается роль и значение философии для современного образования, прежде всего университетского, подчеркивается, что философия благодаря своей мировоззренческой функции и своему диалектическому методу является решающим фактором формирования специалиста, отвечающего высоким требованиям современного производства и технологий, и воспитания достойного нравственного человека.

Ключевые слова: философия; наука; образование; университет; духовные ценности; гуманизм.

Образование — важнейший фактор, обеспечивающий развитие человека и общества. Сегодня это верно как никогда. Разумеется, образование не единственный фактор, гарантирующий будущее, но без него не решить проблемы современного мира, не защитить, не сохранить нашу землю, не обеспечить мир, не преодолеть ненависть, алчность, равнодушие, не утвердить любовь и сочувствие, дружбу и сотрудничество, не устранить бедность, неравенство, невежество, не воспитать человеческую личность, стремящуюся к интеллектуальному, нравственному, эстетическому, эмоциональному развитию, не сформировать гражданина, свободного и ответственного, с высоким сознанием долга, заботящегося о своей стране, о своем государстве. То есть в конечном счете без образования нельзя идти вперед дорогой развития и прогресса. Планета Земля, на которой мы живем, уникальна. Все расы, нации, народы, государства — производное от человеческого рода *Homo sapiens*. Различия между ними, бесспорно, существенны, но вторичны относительно их планетарного единства.

Однако многие люди, особенно политики, не осознают единства человечества, а если и осознают, то, во всяком случае, отнюдь не действуют в духе такого единства.

Само образование также пока не выполняет своих главных задач — развивать в людях глобальное сознание, помогать преодолению присущих еще

многим людям индивидуалистических интересов, объединять людей идеалом мирной, достойной, творчески целеустремленной, свободной справедливой и солидарной общей жизни на нашей Земле.

Многие преподаватели сами не отличаются необходимой универсальностью, не могут раскрыть учащимся взаимосвязь и взаимозависимость отдельных наук, перспективы науки в целом, не в состоянии показать целостную панораму реальной действительности.

Современным преподавателям-обществоведам необходимо решительно отказаться от догм, от сложившихся стереотипов мышления. Нежелание расставаться с устаревшими представлениями и стереотипами неизбежно ведет к схоластике; нередко вместо научного анализа действительных причин тех или иных явлений, коренящихся в общественном бытии, на первый план выдвигается умозрительное морализаторство, идущее вразрез с реальным ходом жизни.

Общество, его политические руководители также должны решительно изменить свое отношение к общественной теории. С их стороны необходимо уважение к этой теории, понимание ее возрастающей роли в обществе. Политические руководители должны стимулировать творческую активность ученых-обществоведов, формулировать широкий и перспективный социальный заказ, привлекать ученых к разработке и гуманитарной экспертизе важнейших экономических и социальных проектов.

Вместе с тем, несмотря ни на какие негативные явления в самой реальной жизни, общественные науки, особенно философия (благодаря своей мировоззренческой функции, своему диалектическому методу), а точнее — обществоведы, если они желают, чтобы обществоведение было подлинной духовной квинтэссенцией времени, должны и сами противостоять попыткам подчинить их исследования, их выводы текущим, сиюминутным запросам практики, превратить их самих в апологетов текущей политики.

В последние два-три десятилетия в нашей стране философия находится в трудном положении. К сожалению, многие высокопоставленные чиновники считают и продолжают считать, что большой необходимости в существовании философии как особой области знаний в России нет, более того, несомненен ее вред. Философия-де чрезмерно идеологизирована, закоснела в догмах и т. п. Такое отношение к философии напоминает ситуацию в России в середине XIX века, когда по указанию Николая I философия как наука, внушающая «дух вольнодумства», была «изъята» из числа дисциплин, преподаваемых в университетах. Вместо нее было введено преподавание... артиллерии, фортификации и богословия. Не желают ли и сегодняшние российские руководители науки и системы образования последовать этому примеру? Количество часов, выделяемых на преподавание философии из года в год сокращается. В частности, учебная нагрузка общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ в текущем учебном году уменьшилась более чем на 5 тысяч часов по сравнению с 2007/2008 учебным годом. По нашему

мнению, все это пагубно сказывается на мировоззрении и духовной культуре учащихся. Во всяком случае, мы, преподаватели, это отчетливо ощущаем.

Вместе с тем мы убеждены, что все усилия «устранить», «закрыть» философию или принизить ее социальную роль тщетны. Что такое Вселенная, мир, жизнь, смерть, боль, счастье? Какова природа человека? Почему мир зачастую противостоит человеку как чуждая сила? Каковы моральные обязанности человека? Почему существует отчуждение между «Я» и «ТЫ»? Поиск ответов на эти и подобные беспокоящие ум вопросы всегда, во все времена, был и останется потребностью мыслящего человека. И именно философия помогает находить соответствующие ответы. Причем она отвергает простые ответы. Размышляя об основаниях бытия человека, философия предполагает постановку новых вопросов, выдвижение новых проблем. В философии каждый ответ, по сути, стимулирует новый вопрос. И, конечно же, философское мышление не противопоставляет, не разрывает уже познанное и еще непознанное, а видит их в противоречивом и вместе с тем неразрывном единстве. Непознанное стимулирует стремление к познанию.

Вот почему мы считаем неправомерным принижение роли философии в системе общественных отношений противопоставление философского и научного познания. Несомненно, философия отличается от конкретных наук, однако объект их познания совпадает. И философия, и другие науки изучают объективный мир, в котором мы живем. Между конкретными научными и философскими знаниями не существует раз и навсегда установленных границ.

В свете сказанного выше, по нашему мнению, философия должна быть ядром образования, особенно университетского. В свое время И. Кант в работе «Спор факультетов» так охарактеризовал университетское образование: «в каждом университете, наряду с богословским, юридическим и медицинским факультетами, должен быть факультет философский. Он должен контролировать три других факультета, ибо важнее всего истина как существенное и первое условие учености вообще.

«Философский факультет имеет два отделения: отделение исторического познания (к которому относятся история, география, языкознание, гуманитаристика со всем, что дает ей природоведение, опирающееся на эмпирическое знание) и отделение чистого познания разумом (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов); между обоими отделениями существует взаимная связь. Именно поэтому философский факультет включает все части человеческого знания, делая их предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук» [2: с. 325].

Университет, в отличие от других высших учебных заведений, соединяет в себе все основные отрасли знания, осуществляет профессиональную и научно-исследовательскую подготовку, обеспечивает высокий универсальный уровень образования учащихся, поднимает их к высочайшим достижениям духовной культуры.

Но всего этого невозможно достичь без философии, являющейся теоретическим ядром мировоззрения, фундаментом всей духовной культуры, всегда остро ставящей перед человеком вопрос о смысле его жизни, о его нравственных целях и идеалах.

Какой же должна быть современная философия, какие задачи должна она решать в нынешнюю эпоху?

Прежде всего подчеркнем, что философия, осмысливая сегодняшние проблемы, стоящие перед человеком, должна вместе с тем постоянно обращаться к духовному наследию человечества, к тем ответам, которые давали относительно бытия человека и смысла его жизни Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Дж. Локк, Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше, К. Маркс и другие великие мыслители.

В то же время современная философия развивает и углубляет диалектический метод мышления, познания природы и внутреннего мира человека, который разрабатывали философы прошлого.

В отличие от прошлой эпохи, остро противопоставлявшей материализм идеализму, современная философия делает большой акцент на неразрывную связь материи и сознания, на их взаимодействие. В гносеологии она признает как рациональное, так и чувственное познание. В современной философии все больше нарастает тенденция сближения методологических принципов познания мира. Неопозитивизм и герменевтика, в XX веке остро противопоставлявшие друг другу «объяснение» и «понимание», сегодня все более сближаются, принимают и обосновывают положение: «и объяснение, и понимание». Понимание предваряет объяснение путем сближения с субъективными замыслами исследователя, оно призвано преодолеть культурную дистанцию между исследователем и событием. Больше объяснять, чтобы лучше понимать, глубже понимать, чтобы четче, яснее объяснять.

Сегодня при рассмотрении генезиса явлений и процессов философия все в большей мере должна учитывать и их структуру. Сегодня философия должна изучать историю не как какой-то исключительно каузально обусловленный процесс, но как деятельность людей, при анализе и оценке которой необходимо учитывать оба аспекта: и каузальность, и свободу, ибо в истории социальной жизни есть сферы, развитие которых невозможно предвидеть; исходя из модели каузальности, они — результат свободной деятельности человека.

Пожалуй, больший акцент, чем прежде, на ценность и свободу человека должен стать самой специфической чертой философского мышления XXI века. (И соответственно, специфической чертой преподавания философии в наше время).

При этом, изучая побуждения и поступки людей, их воздействие на ход общественной жизни, важно учитывать как сознательное, так и неосознанное воздействие, как рационально обоснованные мотивы действий, так и воздействие бессознательного. Идеи З. Фрейда, А. Адлера, К.Г. Юнга, К. Леви-Строса

и других мыслителей насчет фактора бессознательного вполне обоснованны, хотя, разумеется, бессознательное нельзя гипертрофировать.

В процессе осмысления исторических событий, любых факторов социальной жизни мы неизбежно даем им оценку, выступаем либо как обвинители, либо как защитники тех или иных исторических событий, тех или иных исторических деятелей.

Но какой будет эта оценка? И нравственные идеалы, и нормы поведения в ходе истории зачастую изменяются. Насколько сегодняшние наши ценности приемлемы для оценки прошлой истории?

В этой ситуации важно понять, воссоздать социально-исторический контекст изучаемых явлений. Нужно избегать осовременивания истории. Необходимо исходить из диалектики сущего и должного, то есть реально объективного и оценочного подходов. От субъективности оценок не уйти, но важно как можно в большей мере дистанцироваться от того, чтобы оценивать действительность только с позиций, какой она должна быть.

В условиях многообразного и быстро меняющегося мира философам следует изменить свое отношение к таким категориям, как случайность, нестабильность, неустойчивость, перестать рассматривать их исключительно со знаком минус, как фактор дезорганизации, нарушающий поступательное развитие общества. В духе синергетики эти категории можно и нужно рассматривать как момент социальной самоорганизации.

Важным моментом познания сегодня является также то, что все более утверждается гносеологическая установка, в соответствии с которой обращение к реальности означает обращение к тому, что можно сконструировать. Если в Новое время человек был обращен к настоящему и прошлому, то ныне он все в большей степени ориентируется на будущее, на то, что может быть им самим создано.

И если в XIX и даже XX вв. в целом все-таки господствовала вера в прогресс, то в наше время безоговорочной веры в прогресс уже нет. Эту веру разрушают противоречивый характер развития науки и техники, антидемократические, авторитарные «срывы» в политике, упадок в духовно-культурной сфере. Если в XIX–XX вв. многие философы, ученые, политики связывали прогресс, как правило, с одним классом (буржуазией, а затем пролетариатом), с одним регионом (Западной Европой), то сегодня прогресс должен признаваться как прогресс всего человечества.

В прошлом веке прогресс в решающей степени связывался с достижениями экономики, науки и техники. В наше время признается, что он зависит от взаимодействия всех сфер общественной жизни (экономики, политики, морали). Особенно морали.

В XIX веке в мире главенствовала Европа. Первая мировая война подорвала ее главенство. Вторая мировая война положила конец господству Европы, привела к доминированию двух сверхдержав: СССР и США. Сегодня

после разрушения СССР осталась лишь одна сверхдержава — США, претендующая, по сути, на мировое господство. Но сегодняшняя реальность такова: попытка установления господства над миром одной страны чревата угрозой новой мировой войны, которая может привести человечество к самоуничтожению. Осознание этой опасности, конечно, способствует упрочению мира. Однако подлинный мир базируется на духовном единстве, на единой морали, способной объединить все человечество.

С. Кьеркегор и Ф. Ницше, а также наш выдающийся отечественный философ Вл.С. Соловьев были одними из первых мыслителей, которые еще накануне XX столетия осознали возможные негативные последствия исторического развития. Они предостерегали: культура деградирует, духовная субстанциональность человека подавляется. На передний план социальной арены все более выдвигается посредственность, средний человек, человек «массы». Многие современные мыслители, такие как К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, А. Швейцер, М. Хайдеггер оценивают современную ситуацию в подобном же духе. И они правы. Поэтому сегодня философия, как никогда прежде, должна быть действенной, должна пробуждать совесть, чувство ответственности людей за все происходящее в мире. Должна формировать в людях чувство достоинства и чести. И сегодня философия должна выполнять свою миссию быть «учительницей жизни», как говорил о ней Цицерон; она должна учить людей правильно жить, указывать им на высокие образцы общественной жизни и личного поведения.

Настоящие философы всегда были воспитателями человечества, людьми высокой нравственности, всегда жили общественными интересами. В своих разговорах с людьми Сократ всегда поднимал самые важные вопросы жизни: что есть справедливость и несправедливость, добро и зло, красота и безобразия, набожность и безбожие, благоразумие и храбрость; что такое государство и каким должны быть его правители и т. д.

В любом случае философия и философы должны защищать и утверждать высокие духовные ценности. Ради утверждения духовных ценностей, защиты своей чести и чести других людей философ должен быть бескомпромиссным в защите максимы: жизнь, свобода, достоинство человека — превыше всего. Философия призвана утверждать добро, бороться со злом как внутри нас, так и вовне.

Сегодня человек должен осознать свою ответственность за окружающий его мир, должен гармонизировать свои отношения с природой, стремясь не к покорению, а к ее сбережению, должен понять, что цивилизация выступает как органическое единство природы и общества. Он должен осознать, что человечество, несмотря на государственные, национальные, социальные, культурные различия, едино — едино как вид, как *Homo sapiens*. Сегодня человечеству нужна общая, единая концепция выживания, совместные усилия для спасения и развития природы, культуры, жизни.

Философия и философы должны учить людей пониманию этой задачи, этой цели. Они должны возродить в человеке космоцентрический взгляд на природный и социальный мир, вновь научить его подчиняться Логосу, все-ленской необходимости. Установка на коэволюцию человека и биосферы, сотрудничество и диалог культур должны стать интеллектуальной и нравственной доминантой современного человека.

Сегодня прогресс науки и техники должен быть органично связан с проблемой ответственности людей за их общее будущее. Сегодня наука, техника и этика внутренне взаимосвязаны. Те, кто олицетворяют научно-технический прогресс, отвечают за то, что наука и техника несут человечеству — благо или зло. Без ответственности сегодня не будет ни мира, ни прогресса.

Философия должна объяснять людям, что современная ситуация духовного упадка отнюдь не стихийно-объективный процесс, что во многом процесс этот обусловлен деятельностью самих людей, прежде всего власть имущих. Философы должны помочь людям понять, что политические амбиции властей предрешающих таят опасность авторитаризма и тоталитаризма, базовым человеческим ценностям и прежде всего свободе. Поэтому сегодня так важны формирование гражданского общества, упрочение правового государства, поиск противовесов всех звеньев власти, но еще важнее найти способ уравновесить политические структуры конституционно и реально гарантированными социальными правами на достойную счастливую жизнь.

И самое главное: философия должна помочь людям обрести ценности и идеалы, придающие высокий смысл их жизни, то есть абсолютные общечеловеческие ценности.

Развитие человека, его целостность, достоинство и свободу философия рассматривала и рассматривает как свою высшую цель. Счастье человек призван видеть не в том, чтобы обладать многим, а в том, чтобы быть многим. Он должен стремиться не к превосходству над другими людьми, а к солидарности с ними. Именно поэтому философия и философы решительно настаивают на утверждении абсолютных общечеловеческих ценностей.

История человечества подтверждает, что все эпохи, в которые царила вера в абсолютные ценности, в абсолютный смысл, добивались больших успехов, больших достижений во всех сферах жизни по сравнению с эпохами, в которых господствовали исключительно прагматичные цели и релятивистские ценности.

Но что значит абсолютные ценности? Возможны ли они? Каков путь к их достижению? Для этого, учит философия, к самому бытию человек должен относиться как к последней истине. Не разрушать, не покорять окружающий мир, а заботиться о нем, сохранять его. В противном случае люди утрачивают способность целостно мыслить, нравственно чувствовать.

Именно поэтому главное для современного человека — глубокое интеллектуальное и нравственное осмысление сущего, ответственный поиск истины.

Русские религиозные философы подчеркивали, что без допущения трансцендентной цели непостижим смысл бытия, смысл человеческой жизни. Философия призвана осуществлять связь материальной жизни с высшей сферой — божественной. Она должна способствовать «переосознанию действительности» на абсолютных началах Добра, Истины и Красоты, что и должно привести к осуществлению христианской идеи примирения людей в составе единого человечества. В этом триединстве Добра, Истины и Красоты Вл.С. Соловьев приоритет отдает Добру. Лишь оправдание добра и как нравственности, и как истины, и как красоты может быть окончательным ручательством его торжества [3: с. 546, 548], подчеркивал Вл. Соловьев.

Единство Добра, Истины и Красоты обуславливает равновесие космоса и всех его частей, а также взаимную солидарность людей [там же].

Свободная любовь к Богу — вот цель жизни человека, выражение его творческой силы, путь созидания им добра, писал Н.А. Бердяев. «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри. Но свобода не есть индивидуализм... Свобода не есть самозамыкание и изоляция, свобода есть размыкание и творчество, путь к раскрытию во мне универсума» [1: с. 61, 63].

Бесспорно, сегодня люди должны осмысливать современную действительность с позиций вечных, абсолютных ценностей — Истины, Добра и Красоты, неразрывности их единства.

И здесь нет ничего невозможного. Ведь во все времена люди апеллировали к добродетели, мудрости, добру, справедливости, уважали такие человеческие качества, как благородство, сочувствие, верность дружбе, служение общему делу. Ценили красоту, музыку, литературу, искусство. А все это и есть в своем органическом единстве Добро, Истина и Красота.

Конечно, в современных условиях быть слепым оптимистом глупо, но быть пессимистом еще более нелепо. Выдающийся гуманист А. Швейцер так различает оптимизм и пессимизм: «пессимизм — это понижение воли к жизни, оптимизм — это последовательное утверждение жизни и мира» [4: с. 109, 111].

Слепой вере в разум и прогресс он противопоставляет веру в новый рационализм. Рационализм мистический, согретый верой в святость жизни, благоговейщий перед жизнью.

Современная философия должна быть пронизана духом оптимизма — оптимизма рационального, просвещенного, критического и конструктивного. Философия и философы должны быть терпимыми или, как сейчас говорят, толерантными ко всем поискам ответов на животрепещущие вопросы, волнующие человека и человечество. Толерантность выражается не в принципе: «Не буду мешать, пусть говорят, что хотят, поскольку мне все равно», а в принципе: «Я уважаю ваше мнение»...

Ответы на волнующие человека и человечество вопросы, конечно же, могут отличаться друг от друга. Важно одно: в любом случае в центре современной философии, как и прежде в истории философии, должен быть человек.

В свое время И. Кант сформулировал формальное правило, обеспечивающее соблюдение этой максимы: поступай так, чтобы ты и другой могли сказать, что твои поступки одновременно являются и всеобщим законом поведения. Каждый, кто игнорирует эту максиму, поступает аморально и асоциально.

Современная философия должна воссоздать в сознании людей твердое ядро таких моральных ценностей, как справедливость, равноправие, равенство шансов, ответственное отношение к свободе, уважение к другим, защиты слабых, солидарность и т. п.

Одной из важнейших предпосылок того, что эта цель может быть достигнута, является растущая сегодня взаимозависимость различных культур и цивилизаций, обуславливающая в свою очередь выравнивание в методологических правах различных принципов освоения мира. Все это и требует от философов в процессе познания мира учитывать научный анализ и интуицию, формальную логику и нелинейное мышление, свободомыслие и религиозность, веру в поступательный прогресс и убеждение в циклическом движении истории.

Многие идеи китайской и индийской философии, а также философские идеи других народов и регионов также способны обогатить современную философскую науку. Одностороннее возвышение европейской философии неверно, несправедливо.

В сегодняшних условиях нужно объединить идеи Будды и Конфуция, И. Канта и Вл. Соловьева, К. Маркса и М. Ганди. Необходимо в равной мере исследовать объективную и субъективную реальность, все стороны жизни: познавательную, моральную, религиозную, эстетическую, следует создать всеобъемлющий и согласованный взгляд на мир как единое целое.

Лишь разрешив эту задачу, мировая философия сможет стать наставницей всех людей во всех странах, объединив их усилия для построения справедливого общества.

Эта благородная задача, эта цель еще раз подтверждает вечный и непреходящий характер философии. А человек, философ, участвующий в решении этой задачи, находит в великих духовных ценностях философии огромную жизненную поддержку. И в этом также кроется перспектива философии.

И, конечно, принципиальное значение для развития самой философии, для повышения эффективности философских исследований имеет создание творческой атмосферы, широкое обсуждение в философской среде проблем философского осмысления жизни. Философия — это соревнование идей, в котором победу одержат те идеи, которые глубже, точнее, вернее отражают объективную истину, которые открывают для их реализации новые возможности. Суть подлинной философии — творческое мышление и новаторство в постановке проблем.

Современное социальное развитие характеризуется гигантскими и быстрыми изменениями, охватывающими все сферы человеческой жизни и деятельности. Философы должны постоянно изучать эти сферы, чтобы постоянно

совершенствовать свою теорию, свою методологию, обеспечивать их неразрывную связь с жизнью, практикой. В конечном счете, главное, чем объясняется выдающаяся роль и место философии в современном мире, — это то, что она служит инструментом верной ориентации в самых сложных и противоречивых событиях эпохи, позволяет разобраться в них и дать им правильную оценку с точки зрения социального и нравственного прогресса.

Наше время требует резкой интенсификации теоретической деятельности, глубокого обогащения философии новыми, свежими идеями. Сегодня, на новом витке истории, когда человечество встало перед дилеммой: быть или не быть человеческой цивилизации, самой жизни на земле, необходимо решительно расчистить путь для смелых фундаментальных прорывов в науке об обществе, разрабатывать глубокие, перспективные идеи и концепции, обеспечивающие устойчивый социальный динамизм, всестороннее физическое и духовное совершенствование человека.

И в этой связи еще раз подчеркнем: без философии достичь этого невозможно!

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.
2. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 742 с.
3. Соловьев Вл.С. Оправдание добра // Соловьев Вл.С. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 894 с.
4. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 344 с.

Literatura

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie. M.: Kniga, 1991. 446 s.
2. Kant I. Spor fakul'tetov // Kant I. Sobr. soch.: v 6 t. T. 6. M.: My'sl', 1966. 742 s.
3. Solov'ev Vl.S. Opravdanie dobra // Solov'ev Vl.S. Sobr. soch.: v 2 t. T. 1. M.: My'sl', 1988. 894 s.
4. Shvejcer A. Kul'tura i e'tika. M.: Progress, 1973. 344 s.

B.N. Bessonov

Modern Education and Philosophy

The article considers the role and importance of philosophy for modern education, particularly university education. The author emphasized that philosophy, because of its worldview function and its dialectical method, is a crucial factor in the formation of specialist, that meets the high requirements of modern production and technologies, and upbringing of a decent moral person.

Keywords: philosophy; the science; education; university; spiritual values; humanism.

Н.М. Мамедова

Образование в зеркале культуры

В статье рассмотрена специфика современной модели образования через призму социокультурных трансформаций. В основе авторской концепции — обоснование духовной миссии образования как средства самореализации личности. Технологии упрощают жизнь, упрощают даже мышление. Задача образования состоит в том, чтобы морально и интеллектуально лимитировать последствия технологических новаций, чтобы не потерять человека разумного.

Ключевые слова: либеральная парадигма образования; инструментальная парадигма образования; клип; самореализация; гуманизм.

Образование — часть культуры, причем в значительной степени более консервативная ее часть, чем, предположим, искусство или наука. Оно должно воспроизводить сложившийся уровень научных знаний и технологических практик, а также органично включать воспитательную составляющую. Образование, как в зеркале, отражает процессы, происходящие в культуре, и надо постараться, чтобы это зеркало не оказалось кривым. Технологии, средства массовой коммуникации создают новый ландшафт культуры. В индустриально развитых странах возникает общий культурный климат, универсальные мировые условия. Формирующееся информационное общество порождает беспрецедентные перспективы в области диалога культур, обмена знаниями и кооперации в духовной сфере. Каждая новая волна в развитии информационных технологий порождает специфический социокультурный контекст. В свое время канадский философ Маршалл Маклюэн говорил, что телевидение превратило мир в глобальную деревню, сделавшую всех людей соседями. Сегодня Интернет — это одновременно и электронная деревня, и университетский городок, где вся информация организуется в огромную библиотеку. Информацию можно получить в Интернете, но научиться ею пользоваться можно, только получив теоретическое образование. Обучение и технологии должны дополнять друг друга. Этот эпохальный вызов современной культуры является важной проблемой образования.

Современный человек в значительной степени утратил вертикальные корни, уходящие в родную почву, наши корни расходятся в горизонтальном направлении. Они повторяют маршруты распространения знаний, которые мы способны воспринять. Производство символов повсюду опережает производство товаров и услуг. Человек погружен в символическую вселенную.

Отсюда возникает еще одна особенность современной культуры — клиповость, не целостность и завершенность, а разорванность и упрощенность. Телевизионные образы создают символическую реальность, обладающую новым семантическим контекстом, в котором произвольно сочетаются различные пространственно-временные фрагменты; одинаковой экзистенциальной ценностью наделяются как подлинные человеческие драмы, так и суррогатные реалити-шоу. Смысловая интерпретация происходящего подменяется скоростью сменяющихся друг друга «картинок-происшествий», «картинок-ужастиков», эротических картинок и многих других. «Фрагментарное, “клиповое” сознание в наибольшей степени выражает умонастроение эпохи, в которой человеку проще заглянуть в телевизор, как в окно, зафиксировав сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. Наблюдение вместо рассуждения — вот одна из установок такой культуры» [4: с. 453].

Содержание такой коммуникации более не отражает личностные смыслы. Оно скользит по поверхности, апеллирует к телу, чувственности, к частично-му человеку, тиражируемому рекламой, модой. Происходит тотальная унификация смыслов, достигающая апофеоза в потребительстве. Массы производят неразличимость, считает Бодрийяр, «требующему критической оценки сообщению они предпочитают погружающий в гипноз медиум. Гипнотическое состояние свободно от смысла... Оно имеет место там, где царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея, истина» [2: с. 43]. Ситуация «потери смысла» такова, что реакция на информацию все больше заменяет осмысленное действие вследствие информации. Клип становится средством адаптации к информационной перегруженности. Классическая культура предполагала завершенность. Клип можно смотреть, слушать, воспринимать с любого места и в любой момент. Он господствует во всех формах культуры. Но страшно, если он станет основой образования, и вместо систематических, основанных на фундаментальных науках знаний, мы получим упрощенную совокупность разрозненных сведений. Недопустима клиповость, фрагментарность в университетском образовании, которое должно давать системные знания. В культуре сложилось классическое понимание университета как пространства, в котором происходит «ничем не обусловленное изыскание истины», которое «является претензией человека как человека» [6: с. 13].

В условиях новой коммуникативной среды повышается теоретическая, методологическая, мировоззренческая роль университетского образования. Университет является центром духовного образования народа. Начиная с Античности формировались две магистральные традиции в отношении знаний. Первая традиция культивировала знания, которые были привилегией свободных граждан, принимавших участие в управлении городом-государством, и служили способом личного совершенствования. Эти знания касались важнейших этических тем: что есть добродетель, счастье, в чем смысл жизни,

как наилучшим образом управлять государством, чтобы достигнуть общественного блага, справедливости. Им придавалось великое значение, они подпитывали идеи политических вождей, законодателей. Идущая от Сократа традиция радикального вопрошания как средства поиска истины и смысла существования формирует стойкую познавательную установку, образующую культурную ценность, реализуемую в парадигме университетского образования. Сократическое незнание является в субъективном и психологическом плане великолепным и достойным выражением честности и самокритики познающего разума.

Бескорыстное отношение к знаниям как к источнику познания и личностного развития является источником гуманитарной парадигмы образования, основанной на признании высшей ценности познания как такового, вдохновляемого процессом открытия истины. Вторая парадигма образования — инструментальная — имеет прагматическую направленность, также восходит к Античности. Прикладное знание *техне* служило основой архитектуры, медицины, пользовалось уважением. Университетское образование должно реализовать обе эти парадигмы. Инструментальное, прагматически ориентированное знание включает весь спектр специальных дисциплин, которые определяются профессиональным образовательным стандартом.

Большую тревогу в кругах общественности вызывает умаление духовной миссии университетского образования. Так, итальянский профессор Эвандро Агацци пишет, что «современная ментальность имеет тенденцию приписывать ценность только знаниям или таким видам деятельности, которые “полезны”, по крайней мере потенциально. Но чего можем мы ждать от литературы или философии? Важно подчеркнуть, что ни какая-то отдельная наука или технология, ни вся система техно-науки в целом не могут служить основой для ценностных суждений по той простой причине, что наука и техника говорят нам о том, каковы вещи, но не о том, какими они должны быть. Эти ценностные суждения должным образом вырабатываются и обосновываются в типично философских областях» [1: с. 3, 4]. Поэтому философия, этика, эстетика, логика являются теми дисциплинами, которые помогают человеку информационной культуры не превратиться в «одномерного человека» (Г. Маркузе).

В свое время Э. Гуссерль пророчески усматривал кризис культуры в забвении жизненного мира. Задача философии в этом смысле — вернуть человека к его истокам, то есть к тому жизненному миру, который является основой всех его разумных действий. Акт феноменологической редукции превращается в акт исторической рефлексии. Преодолеть кризис культуры означает преодолеть разрыв между жизнью и разумом. Поэтому современная культура в различных ее проявлениях пытается найти универсальные смыслообразующие ценности. Вопрос о статусе гуманизма, его месте в системе ценностных координат, необходимых сегодня планетарному сообществу, не потерял своего значения. Гуманизм предполагает не только индивидуально значимое,

но и родовое, общечеловеческое. Самореализация индивида должна ориентироваться на универсальные смысловые константы культуры Истины, Красоты, Добра, Свободы [4: с. 22]. Выход из кризиса смысла видится в возрождении духовности как смыслового центра культуры.

Ценность университетского образования измеряется тем, насколько оно способствует духовному совершенствованию и личностной самоактуализации. Одной из самых разрушительных форм духовного кризиса является утрата доверия к собственному мышлению. Современный человек всю жизнь испытывает воздействие сил, стремящихся отнять у него веру в самостоятельность своего мышления. В частности, телевидение, Интернет, открывшие дорогу общественному сознанию в сферу индивидуального, представляют собой некую форму коллективного воображения, усредняющего надежды и страхи путем разветвленной системы духовного манипулирования. Недоверие к своему мышлению делает человека легко внушаемым, беззащитным, превращает его в объект манипулятивного воздействия. Экономия мышления становится жизненным кредо.

Отсутствие работы над своим мыслительным процессом, а соответственно и над собой, приводит к деструкции смысловых оснований существования как отдельного человека, так и культуры в целом. В обществе распространяется безразличие к главным вопросам бытия как следствие отрицания ценности и смысла культуры. «Кризис смысла» проявляется в настроениях отчаяния по поводу цели жизни отдельного человека и культуры в целом. Благодаря информационным технологиям возникают невиданные ранее возможности манипулирования человеческим сознанием с помощью методов подсознательного стимулирования. Вследствие двойного воздействия (открытого и закодированного, апеллирующего к «неявным знаниям») возникает иллюзия свободного выбора. В процессе манипулирования изменяется когнитивный аппарат — вместо рационально-осмысленного восприятия информации активизируются периферийные способы ее переработки (эмоции, бессознательное). Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия. Реальное значение приобретают не характеристики действительности, а образы.

Современная культура порождает центральную проблему, от решения которой зависит ее самосохранение, — воссоздание универсальности человека, что предполагает возрождение гуманистических ценностей, духовности, культуры мышления. Духовная культура является фундаментом человеческого общества, двигателем исторического прогресса. Там, где кончается духовность, исторический прогресс останавливается, начинается социальная и личностная деградация. Существует огромная область человеческой культуры, которая выходит за рамки прагматических интересов. Это представления о должном социальном устройстве, справедливости, правах человека, нравственные ценности, идеалы, которые придают смысл человеческой жизни,

и не выводимы из каких-либо технознаний. Эти представления всегда составляли ядро культуры, отражая ее сущность [3: с. 50]. Поэтому современная культура в различных ее проявлениях пытается найти универсальные смыслообразующие ценности, которые должны транслироваться в образовании.

Гуманистическое наследие остается важным компонентом культурной традиции. Однако есть отрицательные следствия в абсолютизации антропоцентризма. Творчество, лишённое универсальной смысловой перспективы, может быть использовано во зло людям. Вырастая из жизненной стихии, человек сам является ее частью, хотя его мысль постоянно заставляет дистанцироваться от нее. Ориентиры природы и жизни неминуемо должны войти в набор его универсальных ценностей. Гуманизм предполагает не только индивидуально значимое, но и родовое, общечеловеческое, смысловые константы культуры, культурные универсалии — то, что значимо само по себе и бесполезно с позиции узкого прагматизма.

Возможно ли представить педагога, не имеющего представления о морали, не способного давать этическую оценку принимаемым решениям? Экономиста, не владеющего методами социального анализа, не обладающего глобальным мышлением? Ознакомление студентов с классическими и современными философскими дискурсами, овладение основными методологиями анализа общественных процессов, формирование масштабного, глобального мышления и мышления рефлексивного — это задачи, которые решает философия. Формирование ценностных ориентаций, представлений об этических стандартах создает инструментарий для анализа и принятия этических решений в конкретных ситуациях жизни. Такой «университет вместе со всем существом воспитания представляет для государства наивысший интерес в его внутренней политике, так как речь идет об этическом будущем собственного народа, связанном с истиной» [6: с. 13, 15].

Образование и технологии должны дополнять друг друга. Учитывая темпы развития научно-технического прогресса и динамику происходящих вслед социокультурных процессов, в недалеком будущем произойдут колоссальные цивилизационные и даже антропологические сдвиги. Технологии упрощают жизнь, упрощают даже мышление. Задача состоит в том, чтобы морально и интеллектуально их лимитировать, чтобы не потерять человека разумного. Поэтому образование, а тем более университетское, должно усиливать гуманитарную оставляющую. Культура мышления, взаимоотношений, способность увидеть за гранью материальной цивилизации глубинный смысл — это важные цели образования.

Литература

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–20.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 98 с.

3. Мамедова Н.М. Проблема универсалий в культуре // Научный вестник МГТУ ГА. М., 2008. № 129. С. 48–52.
4. Мамедова Н.М. Новый культурный синтез современности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2014. № 1 (9). С. 20–28.
5. Миронов В.В. Коммуникация глобальная. Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
6. Ясперс К. Идея университета // Топос. 2000. № 3. 168 с.

Literatura

1. Agacci E'. Ideya obshhestva, osnovannogo na znaniyah // Voprosy filosofii. 2012. № 10. S. 3–20.
2. Bodriyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva ili konec social'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2000. 98 s.
3. Mamedova N.M. Problema universalij v kul'ture // Nauchny'j vestnik MGTU GA. M., 2008. № 129. S. 48–52.
4. Mamedova N.M. Novy'j kul'turny'j sintez sovremennosti // Vestnik MPGU. Seriya «Filosofskie nauki». 2014. № 1 (9). S. 20–28.
5. Mironov V.V. Kommunikaciya global'naya. Globalistika: e'nciklopediya. M.: Raduga, 2003. 1328 s.
6. Yaspers K. Ideya universiteta // Topos. 2000. № 3. 168 s.

N.M. Mamedova

Education in the Mirror of Culture

The article considered the specifics of the modern model of education through the prism of social and cultural transformations. At the heart of the author's conception is justification of the spiritual mission of education as a means of self-realization of a personality. Technologies simplify life, simplify even thinking. The aim of education is to morally and intellectually limit the effects of technological innovations in order not to lose the reasonable person.

Keywords: liberal paradigm of education; instrumental paradigm of education; clip; self-realization; humanism.

Л.Ф. Матронина

Качество образования как условие формирования креативного этоса профессионала

Возрастание интеллектуального, творческого содержания труда в обществе знания выдвигает новые требования к качеству высшего образования, одна и важнейших задач которого заключается в формировании креативного этоса профессионала. В связи с этим актуализируется необходимость внедрения новых форм и методов организации учебно-образовательной деятельности в вузе. В статье выявляется творческий потенциал ИКТ-проектирования в преподавании философии.

Ключевые слова: общество знания; образование; качество образования; креативный класс; философия; ИКТ-проектирование.

На рубеже XX–XXI веков информационное общество переходит к новой стадии развития — обществу знаний (*knowledge society*). В известном Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) подчеркивается тот факт, что общество знания не следует сводить к информационному обществу прежде всего потому, что информационное общество основывается на достижениях технологии, а общество знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические изменения, которые обусловлены ростом индустрии знания, новых форм его воспроизводства и распределения [7: с. 19]. Общество знания — динамично развивающаяся структура, для которой характерно, прежде всего, осознание роли знания как фактора успеха в любой сфере деятельности. Знания, вовлеченные в практическую переработку ресурсов, становятся источником стоимости и превращаются в интеллектуальный капитал, участвующий в создании ценностей. Американский экономист и публицист Т. Стюарт [5: с. 121–123] рассматривает интеллектуальный капитал как результат взаимодействия человеческого, структурного и потребительского капиталов, отражающий интеллектуальные ресурсы организации или компании. Структурный капитал — нематериальный актив (знания и информация), принадлежащий организации, ею воспроизводимый и распределяемый. Потребительский капитал определяет отношения организации с потребителями, степень их удовлетворенности. Анализируя составляющие интеллектуального капитала, исследователь особо отмечает экономическую ценность человеческого капитала, который является источником обновления и прогресса, проявляясь в виде мозговой атаки, лабораторных исследований и т. д.: «Интеллект растет в цене» [5: с. 82].

В обществе стремительно возрастает социальная роль интеллектуалов (работников умственного труда), которые достигли значительных успехов в решении конкретных социальных задач — свободы и ответственности личности за свое благополучие, создание элементов социального партнерства, улучшения качества жизни; с помощью новейших технологий интеллектуалы сделали будущее осязаемым.

Глубокие «трансформации повседневности», по мнению Р. Флориды, известного американского исследователя, основным ресурсом, обеспечивающим функционирование и развитие «информационной» экономики или «экономики знаний», следует считать уже не знания, а креативность как создание на основе знаний новых практических форм (инноваций). Поэтому, считает он, ключевым фактором успешного экономического развития общества знания становится новый общественный класс — креативный класс (*creative class*), а не просто интеллектуалы («работники умственного труда», «символические аналитики», «профессионалы и технологи»). «Радикальное отличие между креативным и другими классами заключается в том, за что они получают свои деньги. Представителям рабочего и обслуживающего класса платят, главным образом, за выполнение работы согласно плану, тогда как креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое, и делает это с большей степенью автономии и гибкости, чем два другие класса» [6: с. 23–24]. Раскрывая структуру креативного класса, Р. Флорида выделяет в ней суперкреативное ядро и «креативных специалистов». Первую группу, по его мнению, составляют люди, которые продуцируют новые идеи, новые значимые формы или модели на регулярной основе: ученые, инженеры, университетские профессора, поэты, писатели, художники, актеры, кинорежиссеры, архитекторы, программисты, эксперты аналитических центров и т. д. Их характеризует высшая степень творческой деятельности. К группе «креативных специалистов» относятся люди, работающие в отраслях, основанных на знаниях: бизнесе, финансах, праве, здравоохранении, секторе высоких технологий: «Эти люди участвуют в творческом решении проблем, используя комплексные знания при подходе к специфическим проблемам» [6: с. 86–87]. В их профессиональные обязанности не входит создание методов или продуктов, находящих широкое применение; эта деятельность, скорее, является «сопутствующей». Однако при выполнении профессиональных обязанностей от них требуется умение мыслить самостоятельно, предлагать новое решение стандартных проблем, давать независимую оценку. Более того, отмечает Р. Флорида, креативность все более проникает в иные сферы деятельности. Так, например, технический персонал «все чаще проявляет самостоятельность в понимании своих задач и принятии решений...» [6: с. 87], что свидетельствует о стирании различий между умственной (выполняемой теми, кто принимает решения) и физической (выполняемой теми, кто следует указаниям) деятельностью: на смену *homo economicus* приходит *homo creativus*.

Несмотря на определённые различия в трактовках доминирующего класса общества знания, будь то интеллектуалы, работники умственного труда или креативный класс, большинство исследователей при выявлении трансформации социальной структуры общества единодушны в том, что происходит изменение норм и ценностных ориентиров, определяющих креативный этос (от др.-греч. *ethos* — обычай, нрав, характер) нового класса.

Так, американский социолог Р. Инглхарт полагает, что отказ от образцов потребительского общества значительно увеличивает возможности для реализации креативного потенциала индивида: на смену материальным приходят постматериалистические ценности, связанные с желанием повысить свой статус и качество жизни [1: с. 254]. Превалирование постматериалистических ценностей приводит к становлению новой мотивации деятельности. Престиж, известность, свобода индивидуального самовыражения, — всё то, что обуславливает положение человека в обществе, становится значимым для данной группы людей. Будучи собственником результатов своей высокопрофессиональной творческой деятельности в нормативных рамках определенного сообщества профессионалов, постматериалист действует строго нормативно в своей специальной области и в своём отношении к действительности. Он обладает способностью реализовывать на практике полученные знания, выбирать адекватные способы и методы решения проблем, добывать нужную информацию, налаживать коммуникативные связи и отношения. Постматериалист высоко ценит свободу индивидуального самовыражения и делает «...акцент не столько на обязательную занятость и высокий доход, сколько на работу интересную, осмысленную, осуществляющуюся в контакте в близких им по духу людьми» [1: с. 254]. В силу этого он мобилен, способен менять существующие связи и отношения в том случае, если не может реализовать имеющиеся навыки и творческую энергию в рамках конкретной организации. Обладание интеллектуальной собственностью позволяет сохранить преданность своей профессии вместо преданности организации.

Соглашаясь с мнением Р. Инглхарта в том, что для современных людей большое значение имеют постматериалистические ценности, Р. Флорида также отмечает, что «индивидуализм, самовыражение, открытость различиям ценятся больше, чем гомогенность, конформизм и “приспособленчество” организационной жизни» [6: с. 24]. Общим для всех креативных людей является успех, потребность общественного признания, достойная оценка их деятельности, которые бы побуждали их к творчеству и продуцированию новых идей. Поэтому «креативный этос знаменует радикальный поворот от конформистского по духу прошлого» [6: с. 46]. Заметим при этом, что нормы и ценности данной социальной группы людей становятся своего рода культурной метафорой, имеющей тенденцию к распространению в иные культурные плоскости. Это позволяет сделать вывод о том, что формируются новые глобальные ориентиры социального поведения: общество «проникается» креативным этосом. Прав

Р. Флорида, утверждая, что «дух современности диктуется нашей приверженностью креативности в ее многообразных проявлениях» [6: с. 35].

Возрастание интеллектуального, творческого содержания труда выдвигает новые требования к образованию, которое должно соответствовать времени. Существенная перестройка традиционной (классической) системы образования в целом и ее структуры обусловлена тем, что уже сегодня образование более не является привилегией какой-либо социальной группы или фактом принадлежности к какой-либо возрастной категории; оно сопровождает индивида на протяжении всей его жизни. Современное образование — это не просто процесс «передачи знаний» от учителя/преподавателя к ученику/студенту (как это было в традиционной системе образования, где образование было связано не с расширением или обновлением знания, а с передачей и усвоением социальных образцов/традиций — *Repetitio est mater studiorum*). Современный профессионал должен не просто освоить определённую совокупность знаний, а, в первую очередь, владеть методологией поиска нового, уметь применять знания в своей деятельности. Одна из важнейших задач образования заключается в том, чтобы, развивая логическое мышление и выявляя естественные склонности ума обучаемого, стимулировать его к поиску самостоятельного решения проблем. Самостоятельность — важнейшее качество человека как субъекта общественных отношений и деятельности. Именно она составляет основу человеческой целостности и представляет собой способность собственным трудом обеспечивать свое существование и развитие. Самостоятельность — это умение адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, свободно ориентироваться в них, осуществляя выбор [2].

Основу концепции модернизации системы образования составляет обеспечение качества образования. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 2) качество образования определяется как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и/или потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы».

С одной стороны, образовательный стандарт как нормативный документ фиксирует содержание, совокупность требований к подготовке обучающихся и, по мнению специалистов, является основой объективной оценки уровня образования. Не случайно, поэтому, сегодня наблюдается повышенный интерес к научно-теоретическим и технологическим аспектам стандартизации образования, которая представляет собой деятельность, направленную на установление норм, правил и требований к образовательной деятельности и ее результату с целью достижения оптимальной упорядоченности и устойчивости системы образования [4].

С другой стороны, важным фактором обеспечения качества образования, наряду с образовательными стандартами, является степень соответствия образовательной деятельности и подготовки обучающегося потребностям субъекта, в интересах которого осуществляется эта деятельность и подготовка. Эффективность функционирования системы образования во многом определяется тем, насколько «встроены» в нее механизмы выявления потребительских интересов и ожиданий. Для того чтобы быть успешным в современном мире и быть востребованным на рынке труда, специалисту необходимо оперативно обновлять имеющиеся знания и виды деятельности. В то же время он должен быть готов к тому, чтобы менять профиль деятельности: жесткая конкуренция требует умения быстро принимать решения, зачастую в условиях неопределённости. Острая потребность в инновационных инициативах увеличивает значимость оперативного реагирования на запросы сегодняшнего дня. Одной из важнейших проблем является выработка особых качеств индивида, связанных с постоянным переобучением и своего рода «перепрограммированием» самого себя в зависимости от меняющихся потребностей интенсивно развивающейся деловой среды.

В современном обществе стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий, позволяющих гипердинамично распространять знание и информацию и получать доступ к ним, приводит к подмене и даже вытеснению доказательного знания фрагментарной информацией. Знание теряет системность и целостность, превращаясь в мозаичный набор отдельных фрагментов. Человек оказывается в условиях информационных потоков («информационного шума»), поглощая огромное количество неупорядоченной информации, которая затрудняет осмысление происходящих процессов, оказывает негативное влияние на становление личности, усложняя процесс её самоидентификации как субъективного переживания человеком своей индивидуальности путем поиска и выбора ценностных ориентиров. Формируется стиль мышления, отличительной чертой которого становится фрагментарность, отсутствие внутренней смысловой связи между различными элементами. Глобальный риск информационной цивилизации — утрата смысла дискурса, критически мыслящего сознания как основного условия становления свободной личности, её самостоятельности. Как следствие, возрастает необходимость не только профессиональной подготовки (специализации), но и социализации будущих специалистов: понимание ими общественного (социального) и гуманитарного смысла той деятельности, к которой их готовит высшая школа, осознание ответственности за результаты своей деятельности перед будущими поколениями [3]. «Креативность ради чего?», — именно этим вопросом задается Р. Флорида в заключении своей фундаментальной работы «Креативный класс: люди, которые меняют будущее»: «Необходимо задуматься о том, на какие цели мы направляем свою креативность» [6: с. 352]. Вопрос важный и актуальный.

Думается, что решение данного вопроса напрямую связано с осознанием места и роли философии в подготовке современных профессионалов. Учитывая все возрастающую необходимость формирования креативного этоса профессионала в условиях интенсивного инновационного развития общества, представляется необходимым в преподавание философии наряду с применением традиционных форм учебно-образовательной деятельности внедрять новые приёмы и методы. Значительными эвристическими возможностями обладает ИКТ-проектирование — обучение проектированием посредством информационно-коммуникативных технологий — как новаторская интеллектуальная технология, в которой преобладает исследовательский компонент: постановка и анализ проблемы, цели и задач проектируемой работы; оценка умственных и материальных ресурсов; поиск знаний, необходимых для решения проблемы, и на этой основе создание возможных вариантов; проектирование приемлемых решений и вероятностных результатов; рефлексия по поводу сделанного и т. д.

Сложность использования инновационных технологий в преподавании философии заключается в том, что философские выводы, в отличие от точных наук, являются умозрениями: здесь невозможно дать однозначные ответы на фундаментальные мировоззренческие вопросы. Тем не менее существуют разнообразные формы организации учебно-образовательной работы с использованием информационно-коммуникативных технологий, основу которых составляет медиа- и сетевое проектирование: слайд-лекции, электронные презентации и видеofilмы, стендовые доклады и постеры, вебинары и сетевые конференции и т. д. На кафедре философии, социологии и политологии МИРЭА (ныне Московский технологический университет) накоплен значительный опыт применения ИКТ-проектирования в процессе изучения философии. В рамках межвузовской комплексной работы «Информационные технологии образования» Министерства образования и науки РФ разработан мультимедийный учебно-образовательный комплекс «Философия». Под руководством преподавателей студенты осуществляют разнообразные медиапроекты, посвящённые философской проблематике, принимают участие в сетевых проектах. Некоторые результаты проектно-исследовательской работы студентов представлены на сайте кафедры философии, социологии и политологии МИРЭА: <http://www.philosophy.mirea.ru/>.

В заключение отметим, что использование ИКТ-проектирования в процессе изучения философии не означает формирования «мышления в картинках», оно не должно приводить к утрате рефлексивного качества знания, порождающего сомнение. Скорее, речь идет об активизации учебно-познавательной деятельности студентов: обеспечении доступного изложения учебного материала повышенной сложности и усвоении категориального аппарата философии, систематизации знаний, развитии как логического, так и образного мышления. ИКТ-проектирование не заменяет непосредственного общения «лицом к лицу» (что является чрезвычайно важным для философского

дискурса), но оно существенно дополняет традиционные формы работы, являясь продолжением дискуссии, которая была начата на семинарском занятии, касаясь вопросов и проблем, не входящих в программу курса. Применение медиа- и сетевого проектирования позволяет обучающимся включаться в современное образовательное пространство ИКТ-культуры, а у преподавателей появляются новые возможности для реализации личностно-ориентированного обучения, формирования профессиональных и культурных компетенций обучающихся.

Литература

1. *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
2. *Кондратьев В.М.* Социальность образования: введение в методологию исследования: монография. М.: МГПУ, 2011. 144 с.
3. *Малюкова О.В.* Отложенная ответственность и правовая задолженность перед будущими поколениями // European Social Science Journal. 2013. № 12–2 (39). С. 42–48.
4. *Матронина Л.Ф., Ручкина Г.Ф.* Стандартизация образования в информационную эпоху. Методологический анализ // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2012. № 4. С. 21–25.
5. *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / пер. с англ. В. Ноздриной. М.: Поколение, 2007. 368 с.
6. *Флорида Р.* Креативный класс: люди которые меняют будущее: пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2011. 432 с.
7. К обществам знаний. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Изд. UNESCO, 2005. 231 с. [Электронный ресурс] URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 25.03.2016).

Literatura

1. *Inglegart R.* Kul'turny'j sdvig v zrelom industrial'nom obshhestve // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: Antologiya / pod red. V.L. Inozemceva. M.: Academia, 1999. 640 s.
2. *Kondrat'ev V.M.* Social'nost' obrazovaniya: vvedenie v metodologiyu issledovaniya: monografiya. M.: MGPU, 2011. 144 s.
3. *Malyukova O.V.* Otlozhennaya otvetstvennost' i pravovaya zadolzhennost' pered budushhimi pokoleniyami // European Social Science Journal. 2013. № 12–2 (39). S. 42–48.
4. *Matronina L.F., Ruchkina G.F.* Standartizaciya obrazovaniya v informacionnuyu e'poxu. Metodologicheskij analiz // Alma Mater. Vestnik vy'sshej shkoly'. 2012. № 4. S. 21–25.
5. *Styuart T.* Intellektual'ny'j kapital. Novy'j istochnik bogatstva organizacij / per. s angl. V. Nozdrinoj. M.: Pokolenie, 2007. 368 s.
6. *Florida R.* Kreativny'j klass: lyudi kotory'e menyayut budushhee: per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Klassika – XXI», 2011. 432 s.
7. К обshhestvam znaniy. Vsemirny'j doklad YuNESKO. Izd. UNESCO, 2005. 231 s. [E'lektronnyj resurs] URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (data obrashheniya: 25.03.2016).

L.F. Matronina

**The Quality of Education
as a Condition of Formation of Creative Ethos of a Professional**

The increase in intellectual and creative content of labour in the knowledge society advances new demands on the quality of higher education, one of the most important tasks of which is to form creative ethos of a professional. In this regard, the need for introduction of new forms and methods of organization of teaching and educational activity at the university is actualized. The article reveals the creative potential of ICT-design in the teaching of philosophy.

Keywords: knowledge society; education; the quality of education; creative class; philosophy; ICT design.

И.Ф. Понизовкина

Реформа философского образования в вузе: решение современных проблем или новые проблемы?

Науки, изошряющие ум, без веры, без нравственности, не составят благоденствия народного... Одно обучение наукам не есть воспитание и даже вредно без воздeльвания нравственности.

Министр народного просвещения *А.С. Шишков*

В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях. Особое внимание уделяется анализу влияния современных тенденций общественного развития на философское образование в России. Автор статьи опирается в своих выводах на конкретные факты и предлагает свои ответы на принципиальные для сегодняшнего образования вопросы.

Ключевые слова: современное образование; философское образование; общество постмодерна; информационное общество; общегуманитарная подготовка.

Популярный и знаменитый своими афоризмами персонаж Козьма Прутков еще в XIX веке сказал: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Удивительно, как эта короткая фраза вместила в себя всю остроту и глубину происходящего ныне. Реформа российского профессионального образования по западному образцу была призвана улучшить качество образования и компетентность специалистов, заметно снизившиеся за годы перестройки. На деле же образовательный дилетантизм одного рода был заменен, а, точнее, дополнен дилетантизмом иного свойства, который может стать еще более опасным для социума. Под дилетантизмом принято обычно понимать поверхностность знаний и суждений: «обо всём понемногу». Но почти никто, кроме философов, не говорит о дилетантизме другого рода, распространившемся весьма широко за последние десятилетия благодаря новой модели высшего образования, основанной на углубленном

изучении узкопрофессиональных вопросов в отрыве от контекста и всей совокупности фактов реальной жизни и более широких гуманитарных проблем.

Для преодоления обоих видов современного образовательного дилетантизма существует один рецепт — возврат в вузы полноценного философско-гуманитарного образования, которое ныне воспринимается чиновниками от образования скорее в качестве ненужного «довеска», лишь удорожающего реализацию образовательных программ. В этом просматривается не только узость, но и недальновидность взглядов тех, кто отвечает за стратегию нынешнего образовательного процесса.

Однако в серьезных проблемах сегодняшнего высшего образования следует искать не только субъективных виновников-волюнтаристов, но и объективные тенденции общественного развития. Такими тенденциями современности, значительно усложняющими картину нынешней социальной реальности, являются глобализация, формирование информационного общества и «общества знания». При этом между этими феноменами возникают далеко неоднозначные отношения.

Естественный процесс глобализации привел к необходимости интеграции российской системы образования в Болонский процесс, целью которого было сближение разных национальных систем образования и унификация образовательных стандартов. Это вполне соответствует и устремлениям потребительского общества. «В рамках Болонского процесса одной из тенденций развития современного образования становится его ориентация на потребителя и всесторонняя коммерциализация. Передаваемые знания становятся товаром, система обучения — образовательными услугами с сопроводительным документооборотом. Преподаватели-ученые начинают выполнять функции экспертов, деятельность которых желательно подвергнуть формализации и стандартизации. Руководители должны приобрести качества менеджеров. Главным показателем качества образования является овладение, прежде всего, профессиональными компетенциями» [7: с. 36–37]. Параметры контроля качества строго регламентируются с помощью разнообразных видов тестирования, письменных экзаменов, ФОСов и т. п. Причем, как правило, без учета специфики дисциплин. Возможно, для каких-либо предметов это вполне приемлемо и даже эффективно. Для философии такие стандартизированные формы контроля знаний могут выступать лишь в качестве вспомогательного дополнительного средства, поскольку выхолащивают саму суть философии и философствования. И в конечном итоге будут делать философию в таком виде ненужной и нежизнеспособной дисциплиной.

Философия — это не набор фактов и готовых знаний, а способность к диалогу, возможность формулирования и отстаивания определенных взглядов по принципиальным смыслообразующим вопросам на основе усвоенных понятий, фактов и знаний по истории и теории философии, а также умение через призму этих вопросов взглянуть на свою будущую профессию. Философия

изначально развивалась и существует как диалог мировоззрений. В этом её уникальность и образовательно-педагогический потенциал как учебной дисциплины в непрофильных вузах.

Однако стандартизация коснулась и оценки труда преподавателей. Известный специалист в области менеджмента, профессор Школы бизнеса и государственных административных систем при университете им. Джорджа Вашингтона П. Вейлл отмечает, что «услуги нельзя «упаковать» в стандартную упаковку», ведь они складываются из взаимодействия людей, а не «единиц продукции» [2: с. 27.]. Эти слова не стоит забывать при оценке труда ученого, вписанного ныне в сферу услуг. Качества преподавателя, личность и статус ученого низведены до статуса эксперта-контролера и единицы научно-духовного производства, «ремесло» которого также подвержено строгому контролю и регламенту — по количеству и виду публикаций, индексу Хирша, получению грантов, тем или иным рейтингам и т. д. Удивительно, что монографии как главный результат исследований и размышлений ученого-философа в списках необходимых и значимых для оценки его труда публикаций уже не значатся. РИНЦ и Scopus теперь куда важнее. Похоже, что преподавательский труд и педагогический талант ученого, самораскрытие его как личности в общении со студентами, незаменимые в сфере философии, по новым регламентам также формально не востребованы. Наукометрия выходит на первый план и всё больше начинает беспокоить научное сообщество.

Есть еще одна проблема, весьма острая для философов и гуманитариев вообще. Погоня за грантами различных фондов с не совсем ясными уставными целями подчас не способствует чистоте и беспристрастности исследований [10]. Сегодня в европейском научном сообществе всё чаще звучит критика *grantwriting* как болезни западной науки [9].

Эпоха постмодерна и особенности переживаемой ныне постмодернистской атмосферы объясняют многие общественные явления, в том числе в образовательной сфере, и напрямую влияют на развитие и положение философии как особой сферы знания и образовательной дисциплины. Это настоящий вызов современному образованию [8].

Современное общество с его эклектизмом, восприятием мира как неопределенности и некоего хаоса, абсолютизацией всего относительного, установкой на потребительство имеет значительное воздействие на изменение ценностных установок в обществе [4]. Это выражается в признании относительности любых (даже веками устоявшихся) ценностей, которые подвергаются пересмотру в контексте новых веяний и парадигм общественного сознания. Для исследователя З. Баумана сегодняшний мир представляется неустойчиво-фрагментарной «текучей современностью», когда «сама почва движется» (по выражению Ф. Эмери). Э. Гидденс видит действительность постоянно «ускользающей» и вызывающей чувство непредсказуемости, а П. Вейлл сравнивает её с постоянно бурлящей водой, когда возникает ощущение постоянного беспорядка.

Эти постмодернистские тенденции и создание информационного общества являются катализаторами друг друга в формировании современного мозаичного «расколотого» сознания, господство которого в полной мере проявляется в образовательной среде. Развитые мультимедийные технологии (ТВ, Интернет, реклама и т. п.) с калейдоскопом новостей, беспорядочных фактов, навязыванием разнообразных смыслов, мельканием сюжетов и акцентацией на успехе приводят к отказу от поиска системы и направленности в развитии общественных процессов и замене его технологизацией подходов.

Дополняющая эти тенденции коммерциализация профессионального обучения заставляет заменять «затратную» общегуманитарную составляющую узкопрофессиональными, прикладными курсами, количество, время изучения и последовательность которых иной раз не поддается никакому разумному объяснению, но удачно вписывается в общую атмосферу утилитаризма. Например, 52 часа аудиторных занятий на курс «Оформление деловой документации» против 32 часов на курс философии не могут не вызывать удивления. И последствия такой ошибочной политики уже очевидны.

Складывается тип мышления студента, отказывающегося от попыток четкой структуризации знаний о мире, не обнаруживающего системных связей между результатами познания разных дисциплин, не оперирующего базовыми понятиями и стирающего грань между научным и обыденным познанием. Вместо ясных аргументированных знаний у нынешних студентов в ходу стереотипы: «как всем известно...», «у каждого свое мнение на этот счет», онлайн-поиск ответов на сомнительных сайтах и т. п. Недавно одна из студенток, рассказывая о нравственных качествах, необходимых современному человеку и специалисту, в числе первых неожиданно для меня назвала эгоизм. Как выяснилось в ходе беседы, она четко не представляла себе существенные черты этого понятия, но читала в Интернете интересную статью об этом. Такие студенты уже не единичны. Это подтверждает руководитель лаборатории социальной психологии СПбГУ, глава центра «Диагностика и развитие способностей» Л. Ясюкова, на основе результатов мониторинга интеллектуального развития школьников и студентов пришедшая к выводу, что сегодня менее 20 % людей обладают полноценным понятийным мышлением [10].

Такие факты свидетельствуют о важности серьезной теоретической подготовки слушателей по базовым смыслообразующим вопросам, которые лежат в основе миропонимания. Этот пробел могут восполнить только гуманитарно-философские дисциплины. Однако часы на такую серьезную методологическую работу теперь не выделяются. Что противоречит ценностям формирующегося ныне «общества знания» с его установкой: «знание есть сила». А силу дает только истинное глубокое знание, а не игра в знание.

Глубина и фундаментальность знаний нынче не в моде. Многочисленные прикладные и вроде бы нужные курсы, основанные на разнообразных компетенциях, не выстраиваются без философских дисциплин, обладающих

цементирующим свойством, в стройную систему знаний, а являют собой всё те же не складывающиеся пазлы мозаичного сознания. Такие узкоспециальные фрагментарные знания могут устареть, исчезнуть, не понадобиться — и что останется в итоге? Неспособность к самообразованию... С очевидностью это было продемонстрировано на Западе и в США в период кризиса, когда компетентностный подход не проявил себя достаточно гибким в условиях массовой социальной мобильности и необходимости переквалификации.

Социальные катаклизмы XXI века, обострение и расширение экологических проблем, локальные конфликты, социально-политические противоречия показали их зависимость от характера ведения дел в обществе и значение духовно-нравственной составляющей. Однако многие субъекты рыночных отношений, окончившие вуз специалисты сегодня оказываются не вписанными в определенный культурно-исторический контекст своего времени, его духовно-социальных проблем, общечеловеческих ценностей и не могут взглянуть широко, взаимосвязанно на проблемы социума (в том числе и свои профессиональные), осмыслить их через культурно-этические категории ответственности.

Для глобализирующегося мира, находящегося в крайне неустойчивом состоянии, это может иметь катастрофические последствия. В современных условиях сложных и неопределенных динамических систем многократно возрастает моральная ответственность активных субъектов-профессионалов за свои действия и их социально-исторические последствия. От предпринимателей, учителей, инженеров и т. д. требуется мыслить уже не в «каузальных цепях», а в «каузальных сетях», прогнозировать экспоненциальные процессы, учитывать многообразные интересы и взаимозависимости окружающей социоприродной и культурно-исторической среды, давать социальную и аксиологическую оценку возникающим ситуациям.

Узкопрофессиональные дисциплины этому не учат. Экономисты (преподаватели вуза и приглашенные бизнесмены) умудряются читать курс «Социальная корпоративная ответственность», ни разу не произнеся слово «нравственность», и делают акцент на извлечении финансовой выгоды из СКО. В такой ситуации уже не удивляет, но вызывает тревогу следующий факт. Ни один студент нескольких учебных групп будущих экономистов на вопрос: чем вы руководствуетесь в своей деятельности при совершении того или иного поступка? — не ответил: «моральными нормами» или «совестью». Молодежь сегодня ориентирована прагматически. Самые распространенные ответы — «выгодой», «успехом», «результатом», «интересами», «потребностями». О совести и нравственности как-то не подумали. Нынешняя ситуация тотальной коммерциализации всех сфер жизни общества вызвала серьезный перекося в системе аксиологических установок. Это грозит этической слепотой в профессиональной деятельности, об опасности которой много говорят последние годы на Западе. Термин «этическая слепота» стал широко использоваться в западной бизнес-практике и теории менеджмента

с 2008 года, в период финансового, а затем экономического кризиса, когда это явление проявилось наиболее ярко.

В сегодняшнем обществе формирование ценностей и идеалов, направляющих и воодушевляющих человека, отходит на второй план. Нет иных курсов в вузе, кроме гуманитарных дисциплин, которые бы обращали внимание на самоопределение и самоосуществление человека в соответствии с девизом Э. Фромма «Быть!». Быть активной, открытой окружающей действительности, всесторонней Личностью, заинтересованной миром и его непростыми проблемами, преодолевшей рамки собственного изолированного «Я». Известный американский мыслитель А. Маслоу, изучая жизнь известных людей, состоявшихся и самореализовавшихся, выявил их особенности. Среди черт, присущих им, он отметил высокий интерес к окружающему миру и общественным проблемам [5]. Исследователь пришел к выводу, что это были Личности с большой буквы, движимые высшими побуждениями, преодолевающими рамки задач их профессиональной деятельности. «Самоактуализировавшиеся люди, без единого исключения, вовлечены в дело, выходящее за пределы их шкурных интересов, в нечто вовне себя» [6].

В периоды кризисов многие российские исследователи, изыскивая возможности быстрого экономического роста в России, обращают внимание на ее ресурсы: учитывают наличие полезных ископаемых и географическое положение («природный капитал»), говорят о науке как производительной силе и новых технологиях («технологический капитал»), упоминают о необходимости высокого уровня профобразования, квалификации рабочей силы, ввели понятие «интеллектуальный потенциал». Но оказалось, что эти виды капитала могут лежать без движения, разрушаться или обогащать другие страны, если нет еще одного ресурса — духовно-нравственного. Это ресурс духовных ориентиров тех, кто задействован в производстве. И в деле освоения этого ресурса большая роль принадлежит высшему профессиональному образованию. Накопление духовного капитала не только повышает общекультурный уровень специалиста, но и расширяет горизонты его сознания, профессионального мышления и практической деятельности [1].

Неслучайно знаменитый русский философ В.С. Соловьев ставил этику на первое место среди всех сфер знания. Подлинное понимание позиции Соловьева пришло лишь сегодня, когда стали ясны глобальные последствия «безнравственной политики», «безнравственной экономики», «безнравственного искусства», руководствующихся исключительно сиюминутными интересами и выгодой.

Некогда провозглашенные российским государством идеи гуманитаризации и гуманизации образования, незаметно сошедшие на нет, справедливо отражали потребности человеческого сообщества XXI века в специалистах нового типа — не только информированных, профессионально компетентных, принимающих самостоятельные решения, но и способных нести социальную ответственность за свои действия и поступки, предполагая не только

ближайшие, но и отдаленные их последствия не только для себя, но и окружающего мира. Это нашло отражение в формулировках общекультурных компетенций специалиста: «понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы», «принять нравственные обязанности по отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе», «осознавать значение гуманистических ценностей...» и т. д., — подразумевающими социализацию личности учащихся в новых быстро меняющихся условиях и обогащение их духовного багажа. Однако при анализе совокупности общекультурных компетенций нельзя не заметить, что они сформулированы будто наспех и не складываются в стройную систему.

Новые задачи высшего профессионального образования предполагают совершенствование учебных технологий, в том числе посредством более широкого внедрения в образовательный процесс методов и приемов интерактивного обучения, с которым связаны, пожалуй, основные методические инновации в области философского образования. Не лишним, однако, будет напомнить, что диалоговое философское обучение имеет древние корни и насчитывает не одно тысячелетие. Как не вспомнить Сократа... В ходе такого обучения практически все студенты оказываются вовлеченными в творческий процесс активного «самостоятельного» познания и подготовки к действию в разнообразных ситуациях неопределенного будущего. Такая педагогика сотрудничества исключает доминирование одних участников (в том числе и преподавателя) над другими, приоритет лишь одной точки зрения и таким образом способствует индивидуальному саморазвитию и самореализации студента. Неоспоримым преимуществом таких технологий обучения является то, что в ходе совместной творческой деятельности каждый участник образовательного процесса чувствует свою интеллектуальную состоятельность и индивидуальную значимость. Из пассивного объекта информационного воздействия студент переходит в статус равноправного активно-деятельностного субъекта процесса образования.

Однако, на мой взгляд, интерактивное обучение в современных условиях имеет немало подводных камней. Приоритет таких методов, по сути, отражает постмодернистскую ситуацию абсолютизации всего относительного (знания, истины, ценностей и т. д.) и может способствовать (и уже способствует) широкому распространению этического релятивизма и конформизма в молодежной среде. Интерактивная деятельность будет подлинно эвристической и плодотворной лишь в том случае, если будет опираться на крепкий базис — усвоение студентами философских идей как подлинных культурно-исторических ценностей и общечеловеческих универсалий, целостное системное видение проблем, подразумевающее овладение фундаментальными теоретическими знаниями.

Инновационные методы в философии требуют большой предварительной, в том числе теоретической, подготовки. Игра призвана активизировать, актуализировать имеющиеся знания, вовлекая их в оборот непосредственного практического использования и творческого преобразования. Однако в условиях

сегодняшней тенденции значительного сокращения продолжительности курсов философских дисциплин в непрофильных вузах и одновременного безусловно-го переноса акцента на инновационные игровые формы нужного образовательного-воспитательного эффекта достичь трудно.

Известный ученый, доктор технических наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники С.Х. Карпенков очень точно выразил суть обучения в вузе: «это бесценный творческий процесс, возвращающий воспитанных, просвещенных и образованных людей, способных творить великие чудеса во имя спасения цивилизации и дальнейшего развития всего человечества» [3: с. 14]. Высшее образование — это освоение высших культурных и интеллектуальных ценностей и внедрение их в профессиональную деятельность. Это возможно лишь с помощью гуманитарно-философского образования.

Литература

1. Баркова Э.В. К определению человека XXI века: философия образования в поисках целеполагающих стратегий // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2013. № 1 (7).
2. Вейлл П. Искусство менеджмента / пер. с англ. И.Б. Козыревой. М.: Новости, 1993. 224 с.
3. Карпенков С.Х. Свобода образования или свобода от образования // Вузовский вестник. 2011. № 7 (127).
4. Мамедова Н.М. Новый культурный синтез современности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1 (9). С. 20–28.
5. Маслоу А. Мотивация и личность // URL: <http://www.psychology.ru/library/00010.shtml>
6. Маслоу А. Достижения человеческой природы // URL: <http://www.psychology.ru/library/>
7. Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35–43.
8. Понизовкина И.Ф. Влияние общества postmodernity на философско-гуманитарное образование // Роль философии в пространстве информационного общества: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / Ред.: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород, 2016. С. 48–58.
9. Роль философии в пространстве информационного общества: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (25 января 2016 г.) / Ред.: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 68 с. // Медиа портал Gazeta.kz URL: <http://www.sim.kz/interviews/view/29743>
10. Разрыв между умными и глупыми нарастает: Беседа Татьяны Чесноковой с социопсихологом Людмилой Ясюковой // Информационное агентство «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/04/1207437.html> (дата обращения: 04.12.2013).

11. *Blommaert J.* Rationalizing the unreasonable: there are no good academics in the EU // URL: <http://alternative-democracy-research.org/2015/06/10/rationalizing-the-unreasonable-there-are-no-good-academics-in-the-eu/>

Literatura

1. *Barkova E'.V.* K opredeleniyu cheloveka XXI veka: filosofiya obrazovaniya v poiskakh celepolagayushhix strategij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2013. № 1 (7).

2. *Vejl P.* Iskusstvo menedzhmenta / per. s angl. I.B. Kozy'revoj. M.: Novosti, 1993. 224 s.

3. *Karpenkov S.X.* Svoboda obrazovaniya ili svoboda ot obrazovaniya // Vuzovskij vestnik. 2011. № 7 (127).

4. *Mamedova N.M.* Novy'j kul'turny'j sintez sovremennosti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2014. № 1 (9). S. 20–28.

5. *Maslou A.* Motivaciya i lichnost' // URL: <http://www.psychology.ru/library/00010.shtml>

6. *Maslou A.* Dostizheniya chelovecheskoj prirody // URL: <http://www.psychology.ru/library/>

7. *Ponizovkina I.F.* Sovremenny'j obrazovatel'ny'j process: po puti li budushhemu e'konomistu s filosofiej // Vestnik Rossijskogo e'konomicheskogo universiteta im. G.V. Plexanova. 2014. № 1. S. 35–43.

8. *Ponizovkina I.F.* Vliyanie obshhestva postmodernity' na filosofsko-gumanitarnoe obrazovanie // Rol' filosofii v prostranstve informacionnogo obshhestva: sbornik nauchny'x trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Red.: N.A. Krasnova, T.N. Pleskanyuk. Nizhnij Novgorod, 2016. S. 48–58.

9. Rol' filosofii v prostranstve informacionnogo obshhestva: sbornik nauchny'x trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25 yanvara 2016 g.) / Red.: N.A. Krasnova, T.N. Pleskanyuk. Nizhnij Novgorod: NOO «Professional'naya nauka», 2016. 68 s. // Media portal Gazeta.kz URL: <http://www.sim.kz/interviews/view/29743>

10. Razry'v mezhdu umny'mi i glupy'mi narastaet: Beseda Tat'yany Chesnokovoj s sociopsixologom Lyudmiloj Yasyukovoj // Informacionnoe agentstvo «Rosbalt». URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/04/1207437.html> (data obrashheniya: 04.12.2013).

11. *Blommaert J.* Rationalizing the unreasonable: there are no good academics in the EU // URL: <http://alternative-democracy-research.org/2015/06/10/rationalizing-the-unreasonable-there-are-no-good-academics-in-the-eu/>

I.F. Ponizovkina

Reform of Philosophical Education in a University: the Solution of Contemporary Problems or New Problems?

The article considers topical problems of teaching the humanities in higher educational institutions. Special attention is paid to analysis of influence of modern trends of social development on philosophical education in Russia. The author of the article rests in her conclusions on definite facts and suggests her own answers to the principal questions relevant to education today.

Keywords: contemporary education; philosophical education; postmodern society; information society; general humanitarian training.

Е.Н. Черноземова

Формирование мировоззрения: внутренние резервы вузовских образовательных программ

Университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом. Основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины.

В.И. Вернадский

В статье выдвигаются основообразующие задачи вузовского образования, ведущей из которых видится возвращение широкой мировоззренческой позиции на основе возможностей курсов истории философии и литературы, во многом опирающихся на положения классиков русского космизма.

Ключевые слова: оптимизация; академическая свобода; мировоззрение; творческое сознание; предназначение человека во Вселенной.

Реформирование и оптимизация вузовского образования, ориентированные на внедрение современных моделей образования, впрямую касаются специалистов — носителей глубочайших отечественных традиций, представителей уникальных научных школ, требующих не консервации при сохранении, а деятельного творческого развития.

Любая жизнеспособная научная школа, как любой живой организм, обладает открытостью, требует питания: притока новых сил, идей, точек зрения — и в свою очередь сама научная школа, являясь частью системы, питает и возвращает новые силы и жизнеспособные идеи. Для существования и развития такие составляющие общего организма образования нуждаются в воздухе и свободе как необходимом условии для творчества. Творческую свободу, однако, как оказалось, можно понимать абсолютно по-разному. На опасность некоторых ее прочтений указывал в начале XX века В.И. Вернадский [1], подчеркивая, что осознание необходимых и достаточных условий для жизни организма научной школы вырастает изнутри. Многое из необходимого для развития предсказывается интуитивно, не может быть запланировано и обосновано строгой логикой.

Жесткость кризисных ситуаций, диктующих условия оптимизации, идет, казалось бы, по внешним формальным параметрам, таким как сокращение часов на преподавание курсов и дисциплин. Однако такие «внешние»

вмешательства ведут к пересмотру структуры и содержания курсов, исключению ряда дисциплин из образовательной системы, скороговорке при освоении важнейших аспектов изучаемого материала — воздуха, необходимого для возвращения сознания, способного к творческому освоению предлагаемого материала. Оптимизации не внушают оптимизма.

То, что принципы организации университетской жизни должны определять именно носители традиций, т. е. представители научных школ, доказательно утверждал с опорой на историю университетского движения В.И. Вернадский — авторитетный ученый, создавший концепцию и обосновавший структуру институтов отечественной Академии наук XX века. В последнее десятилетие XIX века он — тридцатилетний профессор — отстаивал автономию университетов. Его единомышленниками были профессора Н.А. Умов, С.Н. Трубецкой, К.А. Тимирязев. О роли каждого из них в формировании студенческого мировоззрения можно создать полноценную специальную работу.

Вот как об этом написал один из воспитанных ими студентов — поэт Андрей Белый, учившийся на естественном отделении физико-математического факультета:

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...
И строгой физикой мой ум
Переполюнял профессор Умов.
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновские вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...
— «Мир — взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Ницше... [2: с. 29]

Тому, как шла университетская реформа, на которую отозвался В.И. Вернадский, посвящены специальные работы [3; 4].

В.И. Вернадский, видевший проблему изнутри, писал о том, что в обсуждении реформы «стало на первом месте выяснение идей и задач русского университета». Он активно возражал тем, кто под маской требований «свобод» имеет ввиду «полное уничтожение университетов с заменой их специальными школами и научными институтами» [1: с. 9]. Далее В.И. Вернадским подчеркивается не научно-исследовательская составляющая, как можно было бы ожидать, но то, что ему видится гораздо более значимым: «исчезает его

(университета. — *Е. Ч.*) служение для выработки личности в молодом подрастающем поколении страны» [там же]. Реформа, по утверждению ученого, должна была укрепить организации, воспитывающие гражданский дух в юношестве, дать им «известную опору и устойчивость для продолжения непрерывной энергичной научной работы, для умственного развития и выработки сознательной личности в молодом подрастающем поколении» [1: с. 11].

Ситуация, описываемая В.И. Вернадским в записке «Об основаниях университетской реформы», в деталях совпадает с современной: в ней отмечены и анонимность реформаторских концепций, и увеличение вдвое комиссий (инспекции), готовящей документы, и возвращение готового и обсужденного проекта при смене министра. Но вся суэта и неразбериха вокруг «канцелярских тайн» не смогли уничтожить подспудно идущей научной жизни, того ошеломляющего, захватывающего процесса познания, который с таким вдохновением воспринимали студенты и так ярко выразил в своем поэтическом творчестве Андрей Белый. В этой негромкой подспудности тоже есть свои переклички с современностью.

Сегодня становится особенно ясным и очевидным, что идеи, формирующие мировоззрение, должны не только лежать в основе концепции высшего образования, но и составлять сущность ее наполнения, содержания, дидактики.

Открытия XX века, освоение ближайшего и дальнего космического пространства, признание и осмысление роли и значения человека в универсуме ведут к осознанию особой миссии каждой личности, осмыслению ее места во Вселенской иерархии, утверждению в педагогической практике отношения к каждому пришедшему в аудиторию студенту как к субъекту, а не объекту образования и воспитания.

В академической вузовской среде редко звучит высокая лексика — Честь, Доблесть, Достоинство, Вселенная, Космос. Слишком велик разрыв между обыденностью и долженствованием. Но это не означает того, что разговор о высоких материях неуместен, невозможен или не нужен. Опыт работы со студентами показывает, что они таких бесед ждут и воспринимают как необходимые. Для них важен и интересен круг вопросов, связанных со смыслом жизни, предназначением человека, материал для которых есть в любом цикле дисциплин. К актуализирующимся проблемам бытия особенно важно обратиться в момент, когда долго и обстоятельно, но без достаточного успеха обсуждается вопрос о духовном воспитании, вводится в школьную практику курс основ религиозных культур и светской этики при снижении учебных часов в школах и вузах на литературу и философию. Такой разговор необходим в условиях неопределенности, царящей во многих сферах жизни: в интеллектуальной, эмоциональной и бытовой.

Важно найти пути своевременного разговора с обучающимися, выстроенного грамотно, на научной основе, на понятном им языке — без упрощения и профанации. Академический аудиторный разговор об основополагающих

проблемах призван вырабатывать иммунитет против передергивания, выхолащивания глубоких идей, которые, становясь модными, вместо того, чтобы возвышать души, лишь способствуют коммерциализации целых проектов с целью их бездушной эксплуатации. Цель истинного образования сегодня — научить студентов умению ориентироваться в многообразном мире, помочь им выработать свою позицию, способность к неизбежным изменениям при сохранении главного.

Глубокий и насыщенный материал для обсуждения важных мировоззренческих тем содержат произведения мировой художественной литературы, оказывающиеся за бортом обсуждения при предлагаемой учебными планами для их освоения скороговорке. Внимательное и проникновенное освоение текстов, в которых запечатлена «память жанров» (термин М.М. Бахтина) духовной письменности — исповедальность, молитвенность, притчеобразность — начал, отражающих сущность взаимоотношения и взаимодействия человека с Космосом, подчиненность законам Вселенной, помогает прояснить ряд мировоззренчески важных вопросов. Нецелесообразно исключать из учебных планов высших учебных заведений занятия, в ходе которых на историко-литературном материале рассматриваются жанровые черты притчи, молитвы, исповеди, проповеди. Внимательный подход к структуре жанров духовной словесности, их функциям позволяет вскрыть заложенную в них глубокую традицию духовного самосознания, веками утвердившийся единственно возможный способ жить в согласии с Богом, Космосом, Вселенной.

Готовность сознания современных старшеклассников, стремящихся стать студентами, к осмысленному восприятию философско-мировоззренческих вопросов очевидна. Анализ их воззрений сделан в ряде публикаций. В одной из них рассказано о научно-исследовательской работе ученицы 10-го класса города Артёмовска (ныне Бахмут) Донецкой области (Украина) Екатерины Чуприной, представившей на ученический конкурс исследование «Перспективы эволюции человечества с точки зрения антропного принципа организации Вселенной и взглядов учёных-космистов В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского». Помимо анализа взглядов философов-космистов и обоснования избранных для исследования подходов в работе старшеклассницы проведено тестирование 57 старшеклассников и 20 учителей с целью выявления степени креативности сознания и потребности в философском осмыслении действительности. Начинаящий исследователь использовала четыре теста Торранса, изначально предназначенных для разных возрастов, по-своему переформулировав традиционно предлагаемые в них вопросы. В результате были получены ответы, анализ которых позволил выделить группу школьников, индивидуальные показатели креативности которых были существенно выше средних. Их количество составило 27 % от общего числа учеников, участников опроса. Среди учителей группа, отличающаяся показателями, явно превышающими средние, составила только 1 %. [5: с. 15].

Подсказанный способ нетрадиционного использования традиционных тестов был применен и с целью выявления того, что из предметов повседневного окружения современные дети осознают как необходимые для творчества [5: с. 16–21], а также как прием, способствующий осмыслению важных философских категорий и облегчающий начало разговора о них. Этот прием был предложен учителям в ходе мастер-классов и получил положительный отклик как нужный и востребованный в работе [6: с. 8–14].

Обсуждение мировоззренческих вопросов приводит к осознанию того, что освоение знаний не цель образовательного процесса, но средство, помогающее осознать свое положение в мире. Расширение границ осознаваемого мира способствует преодолению ошибок, допускаемых человеком в определении целей своего существования. Признание необходимости широты воззрений современного человека утверждает важность познания законов, по которым живет и существует Космос, и имеет прежде всего воспитательное значение: способствует противостоянию примитивной позиции потребителя, навязываемой менеджментом общества потребления, ограждает человека от ненужной тщеславной суеты, вырабатывает у него представление о достоинстве, самоуважении, формирует упорство в отстаивании своей точки зрения и в достижении поставленных целей.

Одним из важнейших положений, которое должно быть осознано и принято в многополярном, разнообразном, многоцветном мире, становится признание жизни духа, которая остается за пределами осмысления и обсуждения в образовательно-воспитательном процессе при утвердившейся дихотомии «душа – тело». Не только при проникновении в глубинные смыслы поэтических текстов, но и в повседневности человек замечает, что потешить свою душу не означает пережить счастливые, высокие моменты. Внимание к смысловым и эмоциональным оттенкам повседневной речи дает возможность почувствовать и осознать осуждающий смысловой оттенок, отрицательную коннотацию выражений «делай, как твоей душе угодно» или «сделал, как бог на душу положил». Счастье оказывается достижимым только в преодолении того, что делать было трудно, может быть, вовсе не хотелось, но что делалось вопреки утехам, к чему вело некое высшее знание, устремленность духа — того начала, которое вписывает человека в жизнь Космоса, Вселенной.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Об основаниях университетской реформы // Вернадский В.И. О науке. Т. II: Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 115–143.
2. *Белый А.* Первое свидание / Автографы поэмы «Первое свидание» в архиве Р.В. Иванова-Разумника // Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 29.
3. *Борисов В., Дружкин А., Олесеюк Е.* и др. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры. СПб.: Изд. Федерального Центра образовательного законодательства, 2005.

4. *Панченко О.Г.* Образовательный процесс как источник ноосферного преобразования планеты // *Философия русского космизма и будущее мировоззрение: сб. статей по материалам межвузовской конференции / отв. ред. И.А. Бирич. М.: МГПУ, 2014. С. 187–195.*
5. *Черноземова Е.Н.* Повседневность настоящего и будущего в сознании детей // *Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. Воронеж: ВГПУ, 2012. С. 15–21.*
6. *Черноземова Е.Н.* Повседневность в педагогическом сознании современного учителя // *Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке: материалы IV всероссийской научно-практической заочной интернет-конференции. Воронеж, 2014. С. 8–14. URL: <http://www.vspu.ac.ru/download/povsednevnost/2014/E.Chernozemova.doc>*

Literatura

1. *Vernadskij V.I.* Ob osnovaniyah universitetskoj reformy' // *Vernadskij V.I. O nauke. T. II: Nauchnaya deyatel'nost'. Nauchnoe obrazovanie. SPb.: Izd-vo RXGI, 2002. S. 115–143.*
2. *Bely'j A.* Pervoe svidanie / Avtografy' poe'my' «Pervoe svidanie» v arxive R.V. Ivanova-Razumnika // *Russkij modernizm. Problemy' tekstologii. SPb., 2001. S. 29.*
3. *Borisov V., Druzhkin A., Olesyuk E.* i dr. Otechestvenny'e universitety' v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury'. SPb., 2005.
4. *Panchenko O.G.* Obrazovatel'ny'j process kak istochnik noosfernogo preobrazheniya planety' // *Filosofiya russkogo kosmizma i budushhee mirovozzrenie: sb. statej po materialam mezhvuzovskoj konferencii / отв. ред. I.A. Birich. М.: МГПУ, 2014. С. 187–195.*
5. *Chernozemova E.N.* Povsednevnost' nastoyashhego i budushhego v soznanii detej // *Gumanitarny'e aspekty' povsednevnosti: problemy' i perspektivy' razvitiya v XXI veke. Voronezh: VGPU, 2012. S. 15–21.*
6. *Chernozemova E.N.* Povsednevnost' v pedagogicheskom soznanii sovremennogo uchitelya // *Gumanitarny'e aspekty' povsednevnosti: problemy' i perspektivy' razvitiya v XXI veke: materialy' IV vserossijskoj nauchno-prakticheskoj zaochnoj internet-konferencii. Voronezh, 2014. S. 8–14. URL: <http://www.vspu.ac.ru/download/povsednevnost/2014/E.Chernozemova.doc>*

E.N. Chernozemova

Formation of the World Outlook: Internal Resources of University Educational Programs

The author in the article puts forward and justifies underlying problems of higher education. We see the leading of these problems — the cultivation of a wide worldview position based on opportunities of courses of history of philosophy and literature, largely based on the provisions of the classics of Russian cosmism.

Keywords: optimization; academic freedom; world outlook; creative consciousness; human destiny in the universe.

М.В. Сахарова

Философия в вузе: мать всех наук или падчерица?

Статья посвящена проблеме недооценки преподавателями и студентами учебного предмета «Философия». Автор выделяет причины подобного положения дел и предлагает пути решения проблемы, представляя свое видение философии как учебного предмета.

Ключевые слова: философия; преподавание философии; мировоззрение; критическое мышление.

Начало очередного семестра. Как обычно, составляю календарно-тематический план курса, продумываю, какие темы разбирать на лекциях, какие — на семинарах, какие оставить на самостоятельное изучение. В который раз по-всякому тасую темы, мучаясь и пытаюсь втиснуть программу курса в жалкие 36 часов (18 пар). С тоской вспоминаю времена, когда на изучение философии отводилось в два раза больше времени. Тоже было маловато, особенно если вспомнить, что сама я изучала философию на историческом факультете целых три семестра. Но все, как известно, познается в сравнении. И теперь даже 72 часа кажутся роскошью...

Тоскливо на душе еще и от того, что нет не только единодушия в вопросе «что изучать?», нет даже понимания того, что философия вообще нужна. «Да зачем вы их мучаете? Это же не специальный предмет! Поставьте всем...» — подобные фразы нередки. Даже «преподаватели-нефилософы» с трудом понимают, зачем биологам, юристам, физкультурникам нужна философия. Просто в учебном плане она была всегда. Но если сверху дадут команду «убрать», расстроятся немногие. А ведь философия входит в федеральный компонент образовательной программы, то есть является обязательным предметом. И изучают ее все студенты — независимо от того, учатся они на педагога, медика, историка, математика, инженера или художника. Но еще до знакомства с философией у студента складывается отрицательное мнение о ней, в результате преподаватель должен не только учить философии, но и преодолеть сопротивление студентов, побороть дурную репутацию философии.

Как же так получилось, что «мать всех наук» оказалась в роли падчерицы в стенах университета? Мне не хочется копаться в извечном российском «кто виноват?», но чтобы понять происходящее, без выяснения причин не обойтись.

За последние 10–15 лет наше образование было серьезно реформировано, и одной из главных задач реформ было сломать существовавшую систему,

включавшую в себя как фундаментальную теоретическую, так и общекультурную подготовку. Был взят курс на подготовку специалистов узкого профиля. А чтобы стать хорошим узким специалистом, совсем не обязательно быть широкообразованным культурным человеком и не обязательно быть человеком с критическим мышлением. Как сказано в одноименной статье Б. Кагарлицкого: «Мы слишком много знаем...» [3]. Слишком много для страны — сырьевого придатка. И один из способов добиться поставленных целей — сокращение и постепенное вытеснение общегуманитарных дисциплин из учебных планов. Если использовать современную терминологию, то на философию нет социального заказа — данная «образовательная услуга не пользуется спросом». Об этом написано немало, в том числе и автором этих строк [5], и в мои цели не входит сейчас обсуждать реформу образования — это отдельная тема. Есть и другие — внутренние — причины.

Долгое время философия в нашей стране существовала в качестве триады «диамат, истмат, научный коммунизм» и была насквозь догматизирована и идеологизирована. Однако с распадом Советского Союза и сменой идеологии положение дел не улучшилось. Избавились от одной проблемы, но нажили другую.

На первом занятии я обычно задаю студентам вопрос: «Когда вы увидели в расписании слово “философия”, о чем вы подумали в первый момент?» И наряду с такими словами, как «думать», «сложно», «заумно», «скучно», студенты говорят о «трепе», «болтовне», «поговорить о жизни»... В погоне за неидеологичностью и методологическим плюрализмом, в отчаянных попытках не быть похожей на советскую философию, наша философия потеряла себя, растеряла свой научный статус. «Антифилософский образ философии» формируем мы сами — преподаватели.

«Философия изучает всеобщее», «философия изучает вечные проблемы бытия», «философия говорит нам о смысле жизни», «философия — это мировоззрение». Современные учебники пестрят подобными фразами. Но всеобщее слишком абстрактно. Каждый под ним понимает что-то свое. Да и существует ли оно? Смысл жизни у каждого свой. Да и мировоззрение тоже... Так что же мы предлагаем изучать? Что мы хотим преподавать? Просто поговорить о жизни? Или рассказать, что об этой жизни говорили (мыслили) древние философы? Может быть, стоит согласиться с философом Мерабом Мамардашвили, который писал, что «философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею» [4: с. 10]?

Преподавание философии начинается с определения того, что такое философия, каков ее предмет и объект. Однако даже дав определение философии, мы не ответим на вопрос, что нужно преподавать в качестве философии. Ведь философия как наука и философия как учебный предмет — это разные вещи. Поэтому нужно для самого себя решить, какие ты ставишь цели в процессе

преподавания. И они отнюдь не обязательно должны совпадать полностью с твоим видением философии. Это первое предварительное замечание. И второе: необходимо признать, что «изучить философию» за 36 часов невозможно. Не нужно и пытаться за девять встреч (18 пар) «пройти со студентами всю философию», нужно наконец признать, что официальную программу в подобных условиях освоить («усвоить») невозможно. Хватит лицемерить, составлять официальные 50–60 вопросов к экзамену, давайте изучим то, что можем.

Гегель писал: «Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них *сын своего времени*; и философия есть также время, *постигнутое в мысли*» [1: с. 55]. Но как тогда изучать философию, если студенты не могут перечислить исторические эпохи, не знают, что в Древней Греции экономика была рабовладельческой, а в Средневековье — феодальной? Если такие слова как «полис», «агора» им ничего не говорят? Как можно изучать философию, если молодые люди не могут назвать дату Французской революции, не понимают, почему она произошла и что дала миру? А как говорить о рождении науки Нового времени, когда им ничего не известно о капитализме и его развитии?

Нет, конечно, говорить можно. Но тогда, без того культурного контекста, в который должна вписываться философия, вырастающая из культуры, из социальной жизни общества и как в зеркале отражающая происходящие социальные процессы, она повисает в воздухе. Перечислить набор фактов еще не значит обеспечить их осмысление. Осмысление возможно, только если прослеживаются причинно-следственные связи, выявляются закономерности как внутренние философские, так и внешние — взаимосвязь философии и других общественных явлений.

Но тот исторический фон, на который должна накладываться философская проблематика, отсутствует. Общий культурный уровень нынешних студентов низок, и часто преподавателю вуза приходится давать студенту то, что он недополучил в школе. Не будем сетовать на это, а посмотрим на проблему с другой стороны: изучение истории философии дает возможность этот культурный уровень поднять. Не просто давая знания о философах той или иной эпохи и их идеях, а рисуя картину жизни эпохи, прослеживая взаимосвязь философии и социальной жизни. Ведь одну и ту же тему можно подать по-разному. Так, можно просто констатировать, что философия возникла в Древней Греции, а можно объяснить, почему именно тогда и почему именно в VI в. до н. э., а не раньше, например, в ахейский период. Можно обсудить, какие социальные условия способствовали зарождению философии. Можно просто перечислить, какие вопросы ставили и какие ответы давали первые натурфилософы. А можно более подробно остановиться на том, чем же эти, кажущиеся теперь фантастическими ответы, были важны для дальнейшего развития философской мысли. Чем они отличались от мифологических и религиозных объяснений? Можно просто рассказать об идеальном государстве

Платона, а можно обсудить со студентами вопрос, почему в идеальном государстве рабам отводилось место орудий труда, почему они даже в касту ремесленников и земледельцев не попали. И почему такой гений, как Платон, не додумался просто отменить рабство?

Именно подобные вопросы будят мысль, заставляют активизировать те знания, которые получены в школе, помогают вписать философию в историю культуры и — шире — человечества в целом, проследить истоки нашего современного мировоззрения. Понятно, что на это все нужно время и, если мы станем обсуждать эти вопросы, то придется пропустить что-то другое. И здесь уже каждый преподаватель сам решает, что важнее. Я считаю, что в нынешних условиях гораздо важнее сформировать у студентов представление об истории человечества в целом (сквозь призму философии, делая акцент на философии и философских проблемах), чем просто изложить им некую сумму философских идей. Можно переформулировать эту мысль так: одна из целей — «приобщить студентов к ценностям и культуре в условиях доминирования в вузе узкоспециализированного технического образования» [8: с. 108]. В рамках какого еще предмета это можно сделать? В курсе истории изучается только история России. Культурология, как, впрочем, и социология, уже не являются обязательными дисциплинами...

Будь все так просто, можно было бы ограничиться изучением истории философии. Многие так и делают, и преподавание философии в вузах часто превращается в преподавание другой дисциплины — истории философии. Но ведь ни одна другая наука так не преподается! А философии есть что поведать людям. Но как из многообразия философских доктрин и проблем выбрать те, о которых просто необходимо рассказать?

Я придерживаюсь точки зрения, что ядром философии является гносеология. Истина и процесс познания истины — вот главный предмет философии, тот предмет, которым не занимается никакая другая наука. Подобное понимание философии имеет долгую традицию: Аристотель, Гегель, Маркс, Ильенков. «Философия — наука о процессе постижения истины, процессе познания истины. Познать процесс движения к истине можно только одним путем — создать теорию этого процесса. Поэтому *философия есть теория процесса познания истины*, или, короче, *теория познания*. <...> Философия, таким образом, как и любая другая наука, занимается познанием, но если все остальные науки занимаются познанием чего-то отличного от познания, то философия — познанием познания, познанием природы самого познания. Она есть знание знания о самом себе» [6: с. 53–54]. Если придерживаться этой точки зрения, то придется признать, что все же у философии есть набор знаний, который она может сообщить студенту.

Гносеология — тема, которая, на мой взгляд, обязательна для изучения. Мышление — это то, с чем имеет дело каждый человек. Процесс познания и истина — основной предмет философии. И вряд ли при изучении других

дисциплин подобные вопросы поднимаются. Поэтому вопросы «Откуда мы что-либо знаем?», «Что такое истина?», «Каковы критерии истины и границы истинностной оценки?» обязательны для обсуждения.

Кроме того, в любой науке есть такие проблемы, которые носят философский характер. Философия формирует самые общие понятия любой науки. Но обычно студенты, оказываясь в вузе, попадают, как сейчас принято говорить, в определенную «научную парадигму» — они просто записывают под диктовку, запоминают определения основных понятий своей науки. Их позиция по этим вопросам не проблематизирована и не отрефлексирована. Именно поэтому со студентами-психологами, например, необходимо остановиться на проблеме происхождения сознания и проблеме определения психики; со студентами-историками — разобрать различные концепции философии истории, а со студентами-социологами — окунуться в проблему социологического номинализма и реализма. Причем не просто разобрать различные концепции, а показать, как разные подходы к этим — основным для их наук — вопросам определяют (детерминируют) ответы и на другие более частные вопросы науки.

Но здесь нет и не может быть жесткой зависимости. Так как есть темы, которые волнуют любого человека — мораль, свобода, социальные ограничения, а есть темы, которые подсказывает сам учебный процесс — они всплывают в ходе обсуждения. И тогда стоит отступить от намеченного плана и посвятить им целое занятие. Нужно ориентироваться не только на значимость темы или проблемы (а возможно, и персоналии) для истории философии, но и на их значимость для современного студента. Например, изучая И. Канта, на мой взгляд, гораздо важнее разобраться в том, что такое категорический императив, чем трансцендентальное единство апперцепции.

И «вечные вопросы» служат преподавателям подспорьем. Только стоит иметь в виду, что отнюдь не все проблемы, которые именуются вечными, таковым являются. К ним относится лишь небольшое количество проблем — а именно: смысл жизни, счастье, свобода, справедливость и т. п. То есть все то, что связано с социумом. И со студентами их стоит обсуждать, предварительно объяснив, почему они вечные и чем на каждом этапе развития человечества определяются ответы на них. И актуальность этих вопросов должна стать только отправной точкой в их обсуждении. Опираясь на вроде бы обыденные вещи и ситуации, можно поднять размышление на уровень абстракции, на уровень философии. У всех есть моральные нормы. Но кто сможет четко объяснить, чем они отличаются от правовых норм или норм этикета? Все казалось бы понимают, откуда эти нормы у них. Но кто сможет ответить на вопрос: «Откуда они в обществе?» или «Почему они меняются с течением времени?» А есть ли конфликт между моими нормами и теми требованиями, которые предъявляет ко мне общество или между моим пониманием справедливости и тем, что мне диктуется государством или правом? Интуитивно это знают все, а вот прояснить для себя природу, сущность этих

конфликтов — это уже другой уровень понимания. Другой уровень — это уровень проблемный, когда философское знание предстает не набором фактов, информацией, вариантами ответа, а *проблемой*. «...Вся человеческая наука (все знания, вся культура человечества) есть не что иное, как с трудом обретенный, нащупанный, часто лишь угаданный — и, может быть, не во всем верно и точно — ответ на вопросы. На вопросы, перед которыми жизнь (история) когда-то поставила людей, заставив их над собой задуматься. На вопросы, которые с тех пор вновь и вновь встают перед людьми из гущи живой, реальной жизни, а потому понятные и поныне каждому живому человеку» [2: с. 47]. В учебниках же мы обычно видим иное. «Мы не даем им [студентам] заглянуть в "кухню науки", не помогаем им рассмотреть тот процесс, в ходе которого сырой, еще не переваренный и не пережеванный материал жизни постепенно превращается в систему "чистых" теоретических абстракций, дефиниций, правил, законов и алгоритмов» [2: с. 45].

Знания должны быть практичными. Мне симпатична в целом следующая позиция: «Для решения проблемы профилизации и для усиления интереса студентов к философии мы практикуем следующую методику: одну и ту же идею "проговариваем" на лекции трижды. Сначала она объясняется на метафизическом, самом общем уровне, так, как она изложена в теоретической философии. Многие преподаватели часто этим и ограничиваются, оставив студента в недоумении, зачем ему это нужно знать. После метафизического уровня нужно конкретизировать эту идею, проецировав ее на социальную реальность. Полагаем, что это нужно делать на любом факультете, так как студент является членом общества и ощущает на себе социальные проблемы. И ему интересно узнать, как эта идея "работает" при решении социальных проблем. В третий раз идея конкретизируется на примере тех наук, которые тесно связаны с будущей специальностью студента. Например, изложив суть позитивистской парадигмы на метафизическом уровне, нужно показать, как эта методология "работает" на социальном уровне (отказ от общих моделей развития общества, идеи "идеального государства" и т. д.). После этого нужно показать, как эта же идея "работает" в сфере будущей профессиональной деятельности студента» [7]. А итогом изучения философии в вузе должна стать отрефлексированная мировоззренческая позиция студента. И как следствие — его гражданская позиция.

Но есть еще одна цель, про которую не следует забывать: формирование у студентов умения работать с философскими текстами и шире — с тестами вообще. Нельзя изучать философию и «не пощупать» ни одного философского текста. Чтение текстов важно не только для погружения в философию, но и для выработки умения учиться — самостоятельно извлекать знания из того или иного источника, умения анализировать текст, выделять в нем основную мысль, прослеживать аргументацию автора и оценивать ее на состоятельность.

Чтобы не быть голословной, приведу один пример, как читая и обсуждая конкретный философский текст, можно решать все перечисленные выше

задачи. Это статья Жана-Поля Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946). Считаю его изучение почти обязательным. Во-первых, потому что, изучая философию XX века, невозможно пройти мимо экзистенциализма. Это не только философское, но и социальное, культурное явление. А судьба самого Сартра, его превращение из кабинетного философа в философа — общественного деятеля, его отношения с женой, тоже философом, Симоной де Бовуар и ее книги — все это только подогревает интерес и интригует. Во-вторых, потому что в статье поднимаются темы, которые однозначно стоит обсуждать со студентами: проблема свободы, проблема сущности человека, проблема морали... В-третьих, рискну утверждать, что этот текст Сартра не может оставить равнодушным ни одного студента. Студенты обычно до хрипоты готовы спорить друг с другом, свободны ли они? Но мало кто из них представляет, как их представления о свободе определяются онтологическими и социологическими концепциями (представлениями об устройстве мира и общества). Главное, обсуждение нужно построить таким образом, чтобы, с одной стороны, анализ философского текста плавно перетекал в обсуждение конкретных жизненных примеров и ситуаций, а с другой — чтобы не опускаться до обычного трепа, постоянно возвращать студентов к аргументам Сартра, просить их проанализировать ту или иную жизненную ситуацию с помощью философских понятий «сущность», «существование», «тревога», «пограничная ситуация» и т. д. И если студент примерит на себя точку зрения Сартра, то не скоро ее забудет. А если и забудет, то свой след она оставит — его собственная мировоззренческая позиция станет более четкой и ясной. Не стоит забывать, что мировоззрение — это система взглядов... А над формированием системы нужно работать.

Многообразие философских подходов, сложность самих философских проблем позволяет не давать готовые ответы, а предлагать разные варианты, побуждать взвешивать «за» и «против» для каждого из них, анализировать и занимать собственную позицию. Философия как никакая другая наука позволяет «разбудить мысль». Позволяет избежать той ситуации, когда мы «предлагаем ему (студенту. — М.С.) знания — истины — в готовом виде, пригодном лишь к тому, чтобы погрузить их в память, а потом — на экзамене — из этой памяти извлечь в том же самом виде, в каком их туда погрузили. <...> И мало заботимся (потому что не умеем) о построении процесса усвоения знаний так, чтобы он одновременно был процессом развития той самой способности, которой эти знания обязаны своим рождением, — способности осмысливать ещё не осмысленный, ещё не выраженный в школьных понятиях, окружающий нас чувственно созерцаемый мир — объективную реальность во всем богатстве ее красок, переливов, противоположностей и контрастов...» [2: с. 46].

Поэтому реальная функция философии в системе современного вузовского образования сводится к формированию умения мыслить. Причем мыслить не как попало, а системно, критически. Хочется добавить — мыслить с использованием философского инструментария. Жаль, что в нынешних условиях это лишь мечта.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Ильенков Э.В. Учитесь мыслить // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 43–56.
3. Кагарлицкий Б.Ю. «Мы слишком много знаем...» Неoliberalизм как он есть: в мировой политике и российском образовании // Skepsis. 2005. № 3–4.
4. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
5. Сахарова М.В. Становление личности: вопреки или благодаря образовательной системе (заметки преподавателя) // Вестник Московского университета. Серия 20. «Педагогическое образование». 2012. № 3. С. 65–74.
6. Семенов Ю.И. Введение в науку философии. Кн. 1: Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. М.: УРСС, 2013. 224 с.
7. Семенова Э.Р., Рахматуллин Р.Ю. Современные проблемы преподавания философии в вузе. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Pedagogica/2_150262.doc.htm (дата обращения: 20.03.2016).
8. Южанинова Е.Р. О методах, формах и средствах преподавания философии в вузах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3 (164). С. 108–113.

Literatura

1. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M.: My'sl', 1990. 524 s.
2. Il'enkov E'.V. Uchites' my'slit' // Il'enkov E'.V. Filosofiya i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. S. 43–56.
3. Kagarliczkij B.Yu. «My' slishkom mnogo znaem...» Neoliberalizm kak on est': v mirovoj politike i rossijskom obrazovanii // Skepsis. 2005. № 3–4.
4. Mamardashvili M.K. Neobxodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu. M.: Labirint, 1996. 432 s.
5. Saxarova M.V. Stanovlenie lichnosti: vopreki ili blagodarya obrazovatel'noj sisteme (zametki prepodavatelya) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. «Pedagogicheskoe obrazovanie». 2012. № 3. S. 65–74.
6. Semenov Yu.I. Vvedenie v nauku filosofii. Kn. 1: Predmet filosofii, ee osnovny'e ponyatiya i mesto v sisteme chelovecheskogo znaniya. M.: URSS, 2013. 224 s.
7. Semenova E'.R., Raxmatullin R.Yu. Sovremenny'e problemy' prepodavaniya filosofii v vuze. URL: http://www.rusnauka.com/33_DWS_2013/Pedagogica/2_150262.doc.htm (data obrashheniya: 20.03.2016).
8. Yuzhaninova E.R. O metodax, formax i sredstvax prepodavaniya filosofii v vuzax // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3 (164). S. 108–113.

M.V. Sakharova

Philosophy in a University: the Mother of All Sciences or Stepdaughter?

The article is devoted to the problem of underestimation by teachers and students of the academic subject "Philosophy". The author identifies the reasons for this state of affairs and suggests ways of solution of the problem, presenting her vision of philosophy as an academic subject.

Keywords: philosophy; the teaching of philosophy; world outlook; critical thinking.

Философия: ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

А.В. Жукоцкая

Философия и студенческая эссеистика (некоторые заметки к методике преподавания философии)

В статье рассматривается специфика философии как гуманитарной дисциплины, дидактические особенности в преподавании философии, отмечается актуальность и эффективность использования в преподавании философии такого дидактического приема, как написание эссе. В статье отмечаются положительные стороны этого дидактического инструмента, при этом обращается внимание на его возможные недостатки. Позиция автора аргументируется фрагментами студенческих эссе.

Ключевые слова: дидактика философии; студенческие эссе; гуманитарное образование; философская рефлексия; творческий продукт.

«Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет такой: нет, но, наверное, мы живем в век просвещения. <...> Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз просвещения» [3: с. 29]. Эти слова были написаны И. Кантом в 1784 году, но и по сей день они остаются актуальными.

Гуманитарное образование — это образование «формообразующее». Именно гуманитарным образованием задается сущность («внутренняя форма») личности. Оно формирует и воспитывает интеллект, делает его гибким и сильным, способным к решению любых задач. Такое образование, безусловно, основой своей имеет систему философских понятий и идей. Без огромного понятийного аппарата, полученного нами из философии двух великих античных культур — Греции и Рима (космос, хаос, материя, идея, республика,

демократия, право, поэзия, драма и т. д.), наше мышление было бы просто невозможно. Поэтому философия — это по сути «генеалогия духа» [2: с. 211].

Но изучение философии имеет и нравственное значение. И. Кант отмечал, что «философия есть система философских знаний или рациональных знаний из понятий. Таково школьное понятие этой науки. По мировому же понятию, (*Weltbe-griff*) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии достоинство, т. е. абсолютную ценность... Virtuоз ума, или, как его называет Сократ, филодокс, стремится только к спекулятивному знанию, не обращая внимания на то, насколько содействует это знание последним целям человеческого разума: он дает правила применения разума для всевозможных произвольных целей. Практический философ — наставник мудрости учением и делом — есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума. <...> Философия... является единственной наукой, которая имеет систематическую связь в собственном смысле и придает всем другим наукам систематическое единство. Что же касается философии по мировому понятию (*in sensu cosmico*), то ее можно назвать также наукой о высшей максиме применения нашего разума, поскольку под максимой разумеется внутренний принцип выбора между различными целями. Ибо и в последнем значении философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой как высшей подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство» [4: с. 332].

К сожалению, сейчас наша страна переживает такой этап своего развития, когда те знания, которые в первую очередь отвечают за развитие и сохранение нравственности и культуры, а именно — философские знания, не рассматриваются в чиновничьих кругах как источник духовного роста, как высшая ценность. Утилитарно-прагматическая система ценностей, органичная для Западной Европы и США и неорганичная для русской духовной традиции, настойчиво внедряется в массовое сознание, подменяя истинные ценности успешностью профессиональной социализации и карьерным ростом.

Нам представляется, что частично эту проблему можно снять за счет коррекции методов, форм и средств преподавания гуманитарных дисциплин, в первую очередь философии, в высшей школе. «Традиционно под формой обучения подразумевается целенаправленная, чётко организованная, содержательно насыщенная и методически оснащённая система познавательного общения, взаимодействия» [5: с. 108].

Всякая методика предполагает сочетание традиционных и инновационных приемов, способов и средств преподавания. В этом контексте нас интересует скорее не инновационная форма преподавания, а традиционная, но слегка подзабытая. Речь идет о письменных творческих работах студентов — эссе.

Преподавание философии в высшей школе во многом зависит от личности преподавателя, его профессионализма, его собственного понимания

сути излагаемых проблем. Конечно, каждый преподаватель в своем методическом арсенале имеет помимо общепринятых, традиционных методик еще и собственные, авторские. Безусловно, в философии основной дидактической единицей является текст. В изучении философии очень важна роль «образцовых», канонических текстов. Работая с классическими философскими текстами, студенты учатся основам интерпретации. Они стараются проникнуть в смысл сказанного тем или иным философом, произвести реконструкцию понятий, учитывая исторический контекст. В то же время формируется и их собственный взгляд, собственная мировоззренческая и философская позиция. Эту позицию они в дальнейшем могут сравнить и с позициями других авторов, и с позицией своего преподавателя.

Кроме того, оригинальный текст в большей мере способствует пониманию хода мысли его автора, чем рассказы даже самого талантливого лектора. Текст погружает в язык и атмосферу эпохи, делает мировоззрение философа более доступным, приучает к логике философского размышления, формирует аналитические навыки, учит воспринимать и различать философские жанры и стили. На первом этапе работы с текстом, конечно, преподаватель объясняет, как обнаружить основную тему и идею автора, как реконструировать все ценностно-смысловое поле рассуждений, какова логика доказательства той или иной позиции, какие использованы аргументы, каков итог размышлений философа и как можно сформировать собственную позицию по отношению к основной мысли текста.

Обычно на следующем этапе в процессе анализа и контроля преподавателем задаются проблемные вопросы, организуется беседа или дискуссия о возможных вариантах иных интерпретаций рассматриваемой проблемы. Все это формирует полезные навыки философского чтения, поиска и отбора информации, ее анализа и изложения. Но «за кадром», на наш взгляд, остается одна очень важная проблема — проблема самостоятельного, «приватного» обдумывания прочитанного, синтеза прочитанного, услышанного и увиденного ранее, и не только в курсе преподавания философии, но и самостоятельного более или менее логичного формирования и изложения собственной позиции.

Другими словами, студентом должна быть проведена философская рефлексия в самом широком интегративном контексте его (студента) общей культуры. Это та самая обратная связь, которая дает возможность преподавателю понять, какие результаты приносит его педагогическая деятельность, что ему удалось донести до студентов и какие уголки его души были затронуты теми или иными философскими проблемами. На наш взгляд, такого рода коммуникация между преподавателем и студентом устанавливается в процессе создания студентами собственного творческого продукта, объективации их собственных идей и позиций. Таким творческим продуктом является жанр эссе. И. Кант отмечал: «Для просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться

собственным разумом» [3: с. 29]. Эссе в полной мере позволяет студентам свободно пользоваться своим разумом.

Эссе, на наш взгляд, является дидактической единицей, порой более подходящей, чем написание рефератов или контрольных работ. Не секрет, что, имея такой неисчерпаемый источник уже готовых рефератов и контрольных работ, размещенных в Сети, преподаватель рискует собственным репутацией, выставляя оценку за реферат. Он хорошо понимает, что в лучшем случае реферат есть удачная компиляция, в худшем — прямой плагиат. За такого рода рефератами совсем не видно именно этого, конкретного студента, его личности, его миропонимания, его стремлений и ценностных установок. Речь не идет о том, что надо «отменить» такую форму самостоятельной работы, как реферативная деятельность. Написание рефератов, если это, конечно, самостоятельная работа, — первый шаг к формированию навыков исследовательской деятельности. Это, безусловно, необходимая методическая составляющая учебного процесса. Но никакой реферат не раскроет перед преподавателем личности студента так, как это делает самое простенькое, порой с ошибками написанное эссе.

Кстати об орфографии. Обращаемся к великому Гегелю и с удивлением читаем: «Как член научно-экзаменационной комиссии, в которую соблаговолило включить меня Королевское министерство, я имел возможность видеть, что невежество лиц, получающих свидетельство для поступления в университет, объемлет все степени, и подготовка, которая может быть организована для более или менее значительного количества таких субъектов, иной раз должна была бы начинаться с орфографии родного языка. Являясь одновременно профессором здешнего университета, я при виде такого недостатка знаний и образования у учащихся университета могу только опасаться за себя и своих коллег, когда подумаю, что учить таких людей — наша задача и что на нас лежит ответственность в тех нередких случаях, когда цель, преследуемая затратами всевысочайшего правительства, не достигается — цель, состоящая не только в узкой подготовке по специальности, но и в образовании духа у оканчивающих университет. Что честь и уважение университетского образования не умножаются от допуска таких совершенно незрелых юношей — это, вероятно, не нуждается в дальнейших комментариях» [1: с. 567]. Как видим, безграмотность абитуриентов — это проблема из разряда «вечных» педагогических проблем.

Итак, создание студентами творческого самостоятельного продукта — эссе — позволяет решить следующие дидактические задачи: во-первых, стимулирует их к самостоятельному вдумчивому чтению философских текстов; во-вторых, позволяет осмыслить ту или иную проблему в широком социокультурном контексте, максимально привлекая знания не только из философии, но и из других социальных и гуманитарных дисциплин; в-третьих, способствует формированию самостоятельности мышления; в-четвертых, позволяет

произвести философскую рефлексию; в-пятых, тренирует логическое мышление, необходимое для стройного изложения своих идей и мыслей; в-шестых, позволяет в свободной форме высказать свое отношение к той или иной проблеме, вступая и с авторами, на которых опирается студент, и с преподавателем в мысленно-письменный «диалог», предполагающий разные формы коммуникации: конвенцию, консенсус, диссенсус.

Было бы некорректно не отметить и той опасности, которую таит в себе этот замечательный дидактический прием — написание эссе. Выразим ее словами Г. Гегеля: «По общему заблуждению иному кажется, что мысль лишь тогда несет печать самостоятельности, когда она отклоняется от мыслей других людей, и тогда обыкновенно находит применение известное положение, что новое — не истинно, а истина — не нова. Вообще, отсюда идет стремление к тому, чтобы у каждого была своя собственная система и что выдумка считается тем оригинальнее и замечательнее, чем более она безвкусна и безумна, потому что именно этим она в большинстве случаев доказывает своеобразие и отличие от мыслей других людей» [1: с. 421]. Хотя это написано применительно к преподаванию «своих философских систем» рядом философов — современников Гегеля, но эту мысль без ущерба можно экстраполировать и на содержание студенческих эссе. Поэтому дело преподавателя, объясняя, что представляет собой этот жанр, задавая параметры эссе, помогая в формулировке темы и подборе иллюстративного материала для усиления аргументации, также объяснить студентам, что самостоятельность мышления может базироваться только на знаниях, а не на спекулятивных рассуждениях.

«Насколько правильно я могу полагать, — писал Г. Гегель, — преподавание философии в университетах, как мне кажется, должно вести к приобретению определенных знаний, а это возможно лишь тогда, когда оно пойдет определенным, методическим, включающим детали и упорядочивающим путем. Только в такой форме эта наука, как и всякая другая, становится доступной изучению. <...> Предрассудком не только философского образования, но и педагогики... стало положение, что самостоятельное мышление следует развивать и упражнять, что, во-первых, при этом не важен материал, и, во-вторых, будто бы обучение противоположно самостоятельному мышлению, так как в самом деле мышление можно упражнять на таком материале, который не является порождением и комбинированием фантазии или созерцанием, будь оно чувственным или интеллектуальным, а является мыслью и не может изучаться иначе, как мышлением о самой себе» [1: с. 422].

Таким образом, на наш взгляд, эссе является одним из эффективных дидактических средств, формирующих свободу студента не только в понимании сложнейших философских проблем, но и в изложении своей мировоззренческой и философской позиции. Непременным условием успешности и эффективности использования этого дидактического инструмента является предварительная подготовка студентов к написанию эссе, которая сопровождается

глубокой проработкой философских текстов, погружением в проблему, привлечением всех имеющихся знаний по этой проблеме из других социально-гуманитарных дисциплин.

В заключение приведу лишь некоторые фрагменты студенческих эссе, написанных в 2015 году студентами-бакалаврами 4 курса музыкального отделения Института культуры и искусств. Орфография и синтаксис полностью сохранены.

Из эссе Ирины Жмаевой «Восток и Запад русской души»:

«...Мне кажется, что Россия — это не Запад и не Восток и не что-то среднее. Это просто страна, которая, если и сложилась под влиянием двух соседей, то сейчас живёт уже по совсем иным, каким-то своим, сложившимся нормам. В ней, конечно, ещё сохранились значительные элементы этих двух противоположностей, но и появились свои, которые не найти ни в одной части света, ни в другой! В этом уникальность России, в этом сложность её развития и постоянного ориентирования на какую-то из сторон. То, что так необходимо нашей стране находится внутри её самой, но мы не понимаем этого, не видим спасительных сил самого государства, не обращаем внимания на истину, лежащую у нас под ногами. Это совсем не значит, что я отвергаю всё новое, даже наоборот, говорю о том, что Россия может вылечиться от давно мучившей её болезни только заглянув в себя и не иначе. Хотя, опять же, повторяюсь, это лишь моё мнение, и каждый из вас может не согласиться с ним. Ум и Россия...

Меня заинтересовали высказывания Владимира Кантора в ответ на стихотворение Ф.И. Тютчева, вошедшее в наше сознание, как дважды два:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

Мне никогда в голову не приходила мысль, что подобные слова можно опровергнуть, но, вчитываясь в почти неоспоримые утверждения господина Кантора, я потихоньку начала задумываться над этой проблемой ума и России... Мы упорно отказываемся понимать Россию с точки зрения логики, похоже, легче воспринимать её, как неподдающуюся этой «глупой и никчемной» логике. Но так ли это на самом деле? По-моему, когда человек чего-то не понимает или не хочет понять, то он очень часто начинает опровергать это, говоря при том, что большей чуши в жизни не слыхивал! Или же пытается отмолчаться, а если это не удаётся, то старается придумать наскоро что-нибудь простенькое, что могло бы сойти за гениальное, и остаётся очень рад своей ловкости. Мы превзошли всех, используя как элемент первого, так и элемент второго! Находясь в культурной зависимости от Европы и территориальной от Азии, (а также экономической, идеологической, а иногда и политической), мы, как ни странно, пытаемся возвысить себя за счёт своей легенды, притом не упускаем возможности принизить Запад, говоря о чрезмерной материальности, и Восток, обвиняя его в какой-то халатности

и необразованности. Но... как бы я не отрицала, мне тоже свойственна эта вера. Я тоже склонна считать, что моя страна самая-самая, притом не поддающаяся никакому пониманию из-за её величественной внутренней силы. И те русские гении, которые пытались постичь её могущество, либо сходили с ума, либо спивались, либо просто умирали, подчас именно от своих рук. Мне ближе считать, что мы духовно богаче и умнее всего остального мира, просто правительство у нас такое вот плохое, не даёт нам ничего достичь...

<...> Россия есть Россия, есть индивидуальность, подвластная уму или нет, но индивидуальность, а не просто совместные ростки двух её соседей! Недаром воспитала сама Россия немало талантливых и гениальных людей, (позволю себе немного не согласиться здесь с Владимиром Кантором, который утверждал, что Запад более одухотворён, чем мы; я считаю, что нельзя быть более или менее одухотворённой страной, ум и душа людей талантливых чтится и ценится везде, так как каждый гениален по-своему, а сравнивать здесь неуместно), а это уже признак неповторимости и значимости страны. Не стоит сильно ориентироваться на кого бы то ни было, нужно самим учиться, создавать и творить! Что ж, главное, что я хотела сказать в этой творческой работе — надеюсь, что Россия всё-таки сможет выйти на нужную ей дорогу, какая бы она не была, чтобы продолжать жить, жить хорошо и воспитывать еще как можно больше умных и талантливых людей, которым захотелось бы остаться именно в своей родной стране, в которой они были бы востребованы и могли ей гордиться!»

Из эссе Никоновой Татьяны «Русский народ как миф»:

«Человечество не может жить без сказки. В каждом из нас заложено ожидание чуда — маленького семечка, которое растет в душе с самого рождения. Даже если на первый взгляд кажется, что выхода нет, человек не перестаёт надеяться на лучшее и непримиримо верит в счастливый конец. Тысячелетиями по всему миру из уст в уста передаются мифы — большие и маленькие, добрые и злые, весёлые и грустные. А русский человек имеет особенное пристрастие к сказке: будучи своеобразным перфекционистом, он склонен идеализировать все, что его окружает — работу, быт, семью, людей и, как ни парадоксально, даже самого себя.

Мы, русские, стали самым настоящим мифом — как в глазах других, так и в глазах других русских. Запад не может прекратить смотреть на нашу уникальную страну с нескрываемым интересом, бесконечно задаваясь вопросами: как живут эти люди? Что это за человек, казалось бы, такой же, как и мы, только совершенно особенный? Тогда в чем заключается его особенность, и чем можно её объяснить? Ведь неспроста для многих иностранцев знакомство с самобытной русской культурой и непростыми людьми зачастую является большой и необычной интригой.

Я считаю, что по-настоящему русского выделяет из толпы бесконечная, искренняя, в каком-то смысле алчная жажда правды, неумолимое стремление

к лучшему. Ещё одна удивительная особенность русской души — неизменное сочетание на первый взгляд несочетаемых качеств. Эта черта проявляется во всех стезях российского бытия. Знаменитый философ Н.А. Бердяев в своих трудах не раз говорит о том, что русская душа часто мечется между крайностями, и русский народ можно охарактеризовать в полярных противоположностях. Из истории мы знаем, что русские могут быть как бесконечно добрыми, милосердными, так и злыми, жестокими; как ведущими, так и ведомыми; как активными, так и пассивными. Кроме того, русский человек никогда не сможет отказаться от своих высоких моральных и нравственных ценностей, которые не исключались из общенационального воспитания как во времена православия, так и во времена коммунизма, а также никогда не сможет стать безразличным к судьбе своей земли и народа. Из этого всего следует, что образ русского человека не перестанет быть особенным и загадочным в глазах западного мира до тех пор, пока россияне будут помнить свои истоки и историю.

Каким образом русский народ смог создать миф о себе и для себя? Как известно, над Россией веками, как солнце, светила идея. Можно очень долго и горячо рассуждать о том, была ли она правдой или предрассудком; так или иначе, она существовала и проникала во все уголки нашей необъятной Родины. Наше православие, самобытное в своей бескомпромиссности, во всякое время призвано взрастить в личности самые высокие общечеловеческие ценности. Для демократического Запада это неведомо по многим причинам. К сожалению, западное просвещение, принесенное Петром в наши земли, не смогло полноценно вжиться в догматическую православную идеологию, в результате чего оно положило начало внутреннему конфликту душ, конфликту объективности и субъективности. Болезненным, но, как ни странно, закономерным разрешением от этого смутного бремени и стала русская революция. Несмотря на то, что к власти пришли коммунисты, люди не стали в корне другими, но в очередной раз вдалились в столь присущую им крайность, будто бы найдя то, чего им долгие годы так не хватало. Идеи коммунизма не противоречили русской душе, поэтому и смогли на достаточно долгое время прижиться в коллективном сознании.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что русский народ нельзя сравнить с мифом, потому что он и есть сам миф. Противоречивый, разносторонний и такой загадочный, русский человек знает, что русским человеком невозможно стать, им можно только родиться»

Литература

1. Гегель Г. О преподавании философии в гимназиях. Доклад королевскому прусскому министерству просвещения // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 668 с. С. 417–426, 563–574.
2. Джимбинов С. Коэффициент искажения. Революция и культура // Новый мир. 1992. № 9. С. 211.

3. *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: юбил. изд., 1794–1994: в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. 718 с. С. 29–37. (Мировая философская мысль.)

4. *Кант И.* Понятие философии вообще // Кант И. Трактаты и письма / пер. с нем.; отв. ред. и авт. вступ. ст. А.В. Гулыга; АН СССР; Ин-т философии. М.: Наука, 1980. 709 с. С. 331–334.

5. *Южанинова Е.Р.* О методах, формах и средствах преподавания философии в вузе // Вестник ОГУ. Март 2014. № 3 (164). С. 108–113.

Literatura

1. *Gegel' G.* O prepodavanii filosofii v gimnaziayah. Doklad korolevskomu prusskomu ministerstvu prosveshheniya // *Gegel' G. Raboty' razny'x let: v 2 t. T. 1.* М.: My'sl', 1972. 668 s. S. 417–426, 563–574.

2. *Dzhimbinov S.* Koe'fficient iskazheniya. Revolyuciya i kul'tura // *Novy'j mir.* 1992. № 9. S. 211.

3. *Kant I.* Otvet na vopros: Chto takoe prosveshhenie? // *Kant I. Sobranie sochinenij: yubil. izd., 1794–1994: v 8 t. / pod obshh. red. A.V. Guly'gi.* Т. 8. М.: ChORO, 1994. 718 s. S. 29–37. (Mirovaya filosofskaya my'sl'.)

4. *Kant I.* Ponyatie filosofii voobshhe // *Kant I. Traktaty' i pis'ma / per. s nem.; otv. red. i avt. vstup. st. A.V. Guly'ga; AN SSSR; In-t filosofii.* М.: Nauka, 1980. 709 s. S. 331–334.

5. *Yuzhaninova E.R.* O metodax, formax i sredstvax prepodavaniya filosofii v vuze // *Vestnik OGU.* Март 2014. № 3 (164). S. 108–113.

A.V. Zhukotskaya

Philosophy and Student Essays (Some Notes to Methods of Teaching Philosophy)

The article considers specifics of philosophy as a humanitarian discipline, didactic features in teaching philosophy. The author notes the relevance and efficiency of use in philosophy teaching such a didactic method as writing an essay. In the article we note the positive sides of this didactic tool, at the same time attention is drawn to its potential shortcomings. The author's position is argued by fragments of student essays.

Keywords: didactics of philosophy; student essays; humanitarian education; philosophical reflection; creative product.

С.В. Черненькая

Философия языка для аспирантов

В статье предлагается видение курса по философии языка для аспирантов-лингвистов, читаемого в рамках истории и философии науки и раскрывающего специфику истории и методологии лингвистики, связь философских и специально-научных исследований языка. Особое внимание в рамках курса уделяется языку науки.

Ключевые слова: язык; мышление; методология; философия языка; лингвистика; семантика.

«История и философия науки» является обязательной дисциплиной при сдаче кандидатского минимума для всех специальностей. Введение данного экзамена с июля 2005 г вызвало бурные дискуссии в нашем обществе, по крайней мере среди преподавателей-философов, которые продолжаются и сейчас. Но мне хотелось бы остановиться в статье не на критической стороне вопроса, а на позитивно-содержательной: что и как излагать в рамках данного курса¹.

Концепцией курса предусмотрены общий раздел, включающий вопросы истории и методологии науки, и специальный раздел, освещающий философские вопросы конкретных научных дисциплин. Предмет изучения истории и философии науки совпадает с тем, что традиционно принадлежало сфере гносеологии, логики и методологии науки. Но оформляющаяся на рубеже XIX–XX вв. философия науки не просто наследует традиционные вопросы теории познания. Сложившееся в настоящее время соотношение истории науки и философии науки претерпело изменения в течение всего XX века — принципиально изменился как облик самой истории науки, так и ее философский анализ.

История науки и философия науки, выступавшая прежде всего как логика, существовали к началу XX века независимо друг от друга. Логика, будучи нормативной дисциплиной, ставила своей целью выработку критериев истинности знания и процедур доказательств, приводящих к установлению истины. Неопозитивизм также рассматривал логику в контексте решения проблемы обоснования научного знания. К середине столетия разрыв между логико-методологическими представлениями о знании и историко-научными описаниями становится настолько очевидным, что его уже не удастся объяснить ссылкой на различие «нормативного» и «описательного» подходов.

¹ Опираюсь на опыт работы с аспирантами-лингвистами 1-го года обучения 2015 г.

Новый этап в развитии философии науки характеризуется именно обращением к истории науки как к своему эмпирическому базису, а также попытками привести в соответствие логические нормы, методологические правила и практику научного исследования. И. Лакатос (1922–1974) выразил наметившиеся изменения во взаимоотношениях истории и философии науки так: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа». Именно история науки, подчеркивал он, выступает «пробным камнем» для любых концепций в области философии науки.

Соответственно, в рамках раздела «Философия языка», рассчитанного на аспирантов-лингвистов, язык рассматривается как объект исследования философии — логики и отдельных направлений современной философии: аналитической философии, герменевтики, структурализма — и лингвистики, выделяется различие подходов к языку, прослеживаются их взаимодействие и трансформации в связи с развитием как философии в целом, так и наук о языке.

Как научная дисциплина и отдельная область исследования философия языка возникает в XX веке на стыке философских (логики, теории познания) и лингвистических исследований языка. Но имплицитно эта область исследования существовала и прежде в виде определённого теоретического содержания, характеризующего различные лингвофилософские аспекты изучения языка. В настоящее время философия языка представляет различные (в том числе альтернативные) научные программы, исходящие из определённой идеализации языка и исследующие язык как деятельность в системе социокультурных связей и отношений. При этом не только в философии языка, но и в языкознании многие вопросы остаются открытыми: нет единства в определении таких основополагающих понятий, как «знак», «произвольность знака», «смысл», неоднозначно определяются отношения между синтаксисом и семантикой, вопрос о происхождении языка и др.

Следует иметь в виду, что на протяжении более двух тысяч лет европейской традиции исследования языка философские и эмпирические теории языка не имели строго разграничения (например, диалог Платона «Кратил» считается лингвистами первым специальным исследованием по лингвистике), и только с XIX века различия в подходах оформляются в самостоятельные области исследования как в философии, так и в языкознании. Уже древнегреческая философия выдвигала философские вопросы языка, известные сегодня как вопросы «знаковости языка», в частности, проблему связи имени и обозначаемого им предмета (произволен или непроизволен словесный знак). Сущность этой проблемы, которая несколько видоизменялась в разных философских школах, сводится к ответу на вопрос, присваиваются ли слова вещам в соответствии с природой последних (по природе — $\phi\upsilon\beta\epsilon\iota$) или же связь между словом и вещью устанавливается по обычаю ($\nu\omicron\mu\omega$, $\sigma\upsilon\nu\theta\eta\kappa\eta$, $\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota$), т. е. произвольно. В этом споре, занимая различные позиции, приняли участие Гераклит, Демокрит, Протагор, Эпикур и другие. В диалоге «Кратил» Платон подробно разбирает аргументы в пользу обеих точек зрения, представленных Кратилом и Гермогеном.

Кратил утверждает, что в словах отражается «естественное сходство» между формой слова и изображаемой им вещью; возражающий ему Гермоген, напротив, говорит, что «какое имя кто чему-либо установил, такое и будет правильным». Аргументация Сократа в пользу Кратила интересна, в частности, тем, что он отталкивается от тезиса об «инструментальности» языка: «имя есть некое орудие... распределения сущностей, как, скажем, челнок — орудие распределения нити» [2: с. 650]. Поскольку язык является инструментом, а имена служат для различения вещей, которые они обозначают, то они не могут не отражать природу самих вещей. «Отыскав для каждого дела орудие, назначенное ему от природы, человек должен и тому, из чего он создает изделие, придать не какой угодно [образ], но такой, какой назначен природой» [2: с. 658].

Поскольку язык выступает инструментом, а любой инструмент должен отражать природу материала, с которым он работает (как челнок должен быть челноком, а не чем-то иным, чтобы разделять нити пряжи), то знаки языка отражают природу обозначаемых ими предметов, и, таким образом, произвольность обозначения ограничивается самой природой обозначаемых вещей.

Сократ приводит один из критериев «естественности» (природной детерминированности) имен: одни имена воспроизводят предмет по звуку, издаваемому им в реальной жизни, другие — по его визуальной стороне и т. д. Гермоген, возражая, указывает на слабость такой аргументации, поскольку множество имен совершенно не напоминают (т. е. никак не воспроизводят на чувственном уровне) обозначаемые ими предметы. Сократ ссылается на особенности употребления — иностранное происхождение имен, либо на их изменение в процессе употребления, что затрудняет выяснение связи между ними и обозначаемыми предметами. Следовательно, решить вопрос о произвольности слова невозможно без анализа природы значения и, далее, — без рассмотрения степени обусловленности этой природы.

В диалоге не дается решения проблемы: ни одну, ни другую точку зрения нельзя признать правильной, так как «правильный по природе» язык может существовать только в идее.

«Кратил» Платона стал первым в европейской науке специальным сочинением по лингвистике, содержащим некоторую систему представлений о преобразовании идеи в текст. Согласно Платону, сущности вещей («идеи») отражаются в индивидуальном человеческом сознании различными сторонами и соответственно обозначаются различными именами. В высказывании каждое имя, будучи окруженным другими именами и сопоставленным с ними, уточняется и становится доступно сообщению другому человеку.

В «Кратиле», «Федоне», «Евтифроне» и других диалогах Платон затрагивает один из основных вопросов философии языка — как слова приобретают значение. Семантика занимала особое место не только в античной традиции. «Исправления имен» в Китае (если правление императора было несчастливym, девиз правления объявлялся «неправильным» и изменялся), арабская традиция (Ибн Джинни) и др. поднимали вопросы семантизирования. Многие

традиции искали причинные связи в процессе именованя, пытались выявить природные свойства предмета или явления, которые потребовали его назвать именно таким способом, использовать в слове с соответствующим значением те, а не другие звуки. Каждый конкретный подход имел особенности, связанные, в частности, со строем изучаемого языка, однако почти во всех традициях считалось, что имена даны вещам не случайно и что через значение слов можно постичь качества того, что ими обозначено.

Точка зрения об их «естественной» связи (так называемая платоновская) существовала в лингвистике очень долго. Данный вопрос будет обсуждаться и В. фон Гумбольдтом, и Ф. де Соссюром, и Р. Якобсоном и др. Аспиранты также включаются в обсуждение проблемы, опираясь на имеющиеся знания и представления, связанные с профессиональной деятельностью. На вопрос «Какие аргументы могли бы вы привести в пользу позиции Кратила или Гермогена?» Наталья К.², ссылаясь на Ю. Лотмана, отметила, что *«существуют различные типы культур, в одних наименование не связано с природой вещей, в других, напротив, идея данной связи крайне важна. В частности, в эпоху классицизма авторы давали героям своих произведений условные имена, выражающие основное качество героя (Правдин, Свиньин и т. д.). В XIX в. О. де Бальзак в своих произведениях («З. Маркас» и др.) посвятил немало страниц защите связи имени и его носителя, всегда уделял особое внимание именам своих персонажей, долго искал их. Между ним и другими писателями также произошел спор, в котором был поставлен вопрос, аналогичный главному вопросу “Кратила”»*. Александра Г. связала именоване с пониманием: *«Имена, даваемые людьми, могут быть как правильными, так и неправильными. Правильность наименования предмета зависит от понимания этого предмета»*. Тот же подход у Натальи К.: *«Люди старались отразить при наименовании суть вещи так, как они ее понимали. Например, совр. фр. слово «сорайн» — «товарищ», «приятель» — состоит из двух частей «со» — «совместно» и «райн» — «хлеб», т. е. «товарищ» — это тот, с кем преломляется, делится хлеб»*.

В целом вопросы, соприкасающиеся с профессиональными интересами, полезны, поскольку стимулируют творческую активность, помогают аспиранту философские абстрактные формулировки и общие категории обратиться на свою профессиональную деятельность, достроить до ясной, конкретной картины.

В изложении истории науки историками-специалистами и философами есть существенное различие. В учебниках по специальности история науки излагается, как правило, как последовательная смена идей, проблем и их решений. Концепция курса по истории и философии науки рассматривает последнюю как феномен культуры, что предполагает изучение исторических закономерностей развития науки во взаимосвязи с другими сферами культуры, а также с особенностями

² Привожу ответы аспирантов 1-го года обучения отделений «Лингвистика» и «Языкознание» 2016 г.

общественной жизни, установками в познании, культурными моделями мышления и поведения. История науки предстает как борьба школ, история открытий и их общественного признания, эволюции мышления, другими словами, как социальная и когнитивная история науки. Применительно к нашему предмету это означает, что в курсе по философии науки для того, чтобы понять ту или иную концепцию, актуальность проблематики как для времени ее создания, так и для современности, необходимо знакомиться с культурными особенностями времени. Такая постановка вопроса заставляет задуматься о немаловажном для современной жизни вопросе — о том, что могут быть формы культуры и стили мышления, отличные от тех, к которым мы привыкли. В то же время анализ науки в социокультурном контексте позволяет аспирантам убедиться в зависимости науки от своей истории и шире — от культуры в целом. А это показывает, что философское осмысление такой культурной преемственности полезно даже для специалистов-нефилософов.

Смена исторических типов рациональности и картин мира отражалась и на судьбе языкознания. На ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своем языке как единственном человеческом, а о других языках как о чем-то близком к выкрикам животных (слова типа «варвары» или «немцы») этимологически означали «бормочущие»). Культурное превосходство данного народа над соседями могло усиливать такие представления. Допустим, древние греки приравнивали бормотание варваров к мычанию быков. И в Античности, и в средневековой Европе исследования языка замыкались в границах одного языка — языка культуры — древнегреческого или латинского. Подобная традиция наблюдалась и в Индии, и в Китае. Арабы, в отличие от греков, китайцев и индусов, сравнительно позже создавшие свою цивилизацию, не могли игнорировать другие языки, в частности, персидский или греческий. Но создание Корана на арабском языке позволяло не считать другие языки достойным объектом исследования.

В Новое время в Европе формируется новый взгляд на язык — вместо идеи о латыни как о единственном языке культуры возникла идея о нескольких примерно равных по значению и похожих друг на друга языках: французском, испанском, итальянском, немецком, английском и др. и о возможности их сопоставления. Позднесредневековая Европа не составляла единого государства, а представляла собой множество государств, где в большинстве случаев говорили на разных языках. При этом среди этих государств не было ни одного, которое бы могло претендовать на господство (как в прошлом Римская империя). Уже поэтому ни один язык не мог восприниматься как столь же универсальный, что и латынь. К тому же основные языки Западной Европы были генетически родственны, принадлежат к двум группам индоевропейской семьи — романской и германской, и типологически достаточно близки, обладая, допустим, сходными системами частей речи, грамматических категорий и т. д. Отсюда достаточно естественно возникала мысль о принципиальном сходстве языков, обладающих лишь частными отличиями друг от друга.

Позже в работах В. фон Гумбольдта (начало XIX в.) появится идея о «равноценности» всех языков. Владевший материалом многих языков, в том числе так называемых примитивных народов, Гумбольдт старался выявить общие закономерности исторического развития языков мира. Выделяя историю языков и их развитие, он четко осознавал, что «еще не было обнаружено ни одного языка, находящегося ниже предельной границы сложившегося грамматического строения. Никогда ни один язык не был достигнут в момент становления его форм» [1: с. 40]. Предостерегая против установления принципиальной пропасти между уровнями развития языков «культурных» и «примитивных», Гумбольдт писал, что «даже так называемые грубые и варварские диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления». Опыт перевода с различных языков, — отмечал он, — а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения показывают, что, пусть даже с различной точностью, но «каждая мысль может быть выражена в любом языке» [1: с. 46]. При этом он указывал, что язык и цивилизация не всегда находятся в одинаковом соотношении друг с другом, в частности, «так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства, и действительно имеют их, и не будет ничего удивительного, если окажется, что они превосходят в этом отношении языки более культурных народов» [1: с. 56].

К В. Гумбольдту восходит идея неразрывной связи и взаимовлияния языка и мышления. Овладевая языком, человек усваивает одновременно и тот способ «обращения» с предметами, который естественно предлагается языковой традицией. Изучение иностранного языка Гумбольдт уподоблял приобретению новых точек в прежнем понимании: «каждый язык описывает вокруг народа круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг... Только потому, что в чужой язык мы переносим в большей или меньшей степени своё миропонимание и своё языковое воззрение, данный процесс незаметен» [1: с. 58].

Он обращает, с одной стороны, внимание на неосознанную форму существования языка, с другой стороны, на интеллектуальную активность языка. «Язык есть орган, образующий мысль». Происходит это не абстрактно, в языке вообще, а в реальных конкретных языках. Мышление не просто зависит, как пишет Гумбольдт, от языка вообще, а в определённой степени обусловлено конкретным отдельным языком.

При сравнительном изучении языков, по мнению Гумбольдта, обнаруживается наличие в языках большого количество понятий, своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Сравнительный метод в языкознании позволял выявлять и своеобразие семантики языков, их самобытность, и общие элементы в их структуре.

Различие языков есть не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Сравнивая языки, мы сопоставляем языковые картины мира, создаваемые с их помощью. Аспиранты на вопрос «*Как, по-вашему, выражаются в языке национальные и индивидуальные картины мира*» отметили следующее. Ольга Ф. заметила, что «*в языке отражается и сохраняется вековой опыт народа. Особенно ярко это отражается в лексике. Например, русскому слову “дом” в английском соответствуют “home” и “house”, которые различаются по своему значению как “дом” и “очаг”, у северных народов есть масса слов для обозначения охоты — их основного вида деятельности, в китайском языке есть ряд обозначений для воды, что, вероятнее всего, отражает сакральное отношение народа к данной стихии*». Юлия К. указала, что «*национальная картина мира выражает через паремиологический фонд языка (половицы, поговорки и т. д.), через фразеологизмы, устное народное творчество и т. д., т. е. через “непереводимую лексику”*. А индивидуальная картина мира человека выражается через его язык. Слово является тем, что создает и показывает мир человека: его культуру, жизненный опыт, воспитание, образование и т. д. Мир человека — это то, как он понимает реальность и, соответственно, описывает ее». Несколько аспирантов вспомнили всем известные слова М. Ломоносова, подчеркивавшего связь языка с характером народа: «*Как говаривал Карл Пятый, римский император, испанским языком пристойно говорить с Богом, немецким — с врагами, французским — с друзьями, итальянским — с женским полом, а русским — “со всеми оными”*».

Следует отметить, что аспирантам-лингвистам легче, чем аспирантам или студентам других специальностей признать идею самодостаточности типологически и т. д. различающихся между собой существующих или существовавших культур (языков). Будучи погружены не только в родную языковую среду, но и профессионально изучая другие языки, они убеждаются в единстве и особенностях языковых картин мира. В частности, идея равноценности языков (культур) выделяется в лингвистике раньше, нежели в социально-политических исследованиях.

Человек не может ни мыслить, ни развиваться без языка. Именно В. Гумбольдт обратил внимание на то, что язык является условием духовного развития человека. «Создание языка, — писал он, — обусловлено внутренней потребностью человечества... Язык заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением» [1: с. 65].

Рассматривая язык как деятельность (*energeia*), а не как готовый уже продукт деятельности (*ergon*), В. фон Гумбольдт даст свое знаменитое определение языка: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли». Дать имя (акт именования) и определить понятие (акт

означивания) — разные семиотические операции, требующие интеллектуальных усилий и хорошего воображения. Гумбольдт отмечает, что звуковая форма связана со словообразованием так же, как обозначение понятия связано с его образованием. У понятия имеются свои внутренние признаки, для которых артикуляционное чувство находит обозначающие звуки. «Язык представляет, — писал он, — не предметы, а самодеятельно в языковом порождении духом образованные о них понятия, — об этом образовании, поскольку в нём приходится видеть нечто вполне внутреннее, как бы предшествующее артикуляционному чувству, идёт речь» [1: с. 70]. «Слон» — пример Гумбольдта — называется в санскрите то «дважды пьющим», то «двузубым», то «одноруким». Подразумевается один предмет, но обозначается он различными понятиями. Классификация одного и того же предмета через подведение его под различные понятия зависит от различных методов обозначения одного и того же понятия.

Вопросы, выделенные Гумбольдтом, стали определяющими для дальнейшего развития не только языкознания, но и философии языка в целом. Как соотносятся мышление и язык? Язык и бессознательное? Как в языке сказывается индивидуальность народа, создавшего язык, и как в свою очередь она развивается под его влиянием? Язык как источник познания мира и как условие духовного развития и т. д. При различии направлений, школ, выделяемых в последующих после Гумбольдта исследованиях языка, можно определить некую общую, идущую от него идею, согласно которой язык предназначен прежде всего для достижения взаимопонимания (*Verständigung*).

Аспиранты всегда хорошо принимают лекцию по Гумбольдту, с удовольствием читают его работы, в дальнейшем часто в своих рассуждениях обращаются к Гумбольдту, но за десять лет существования новой программы для аспирантов, только несколько человек взяли философию языка Гумбольдта как тему для реферата. Долго не могла понять, почему аспиранты пишут каждый год рефераты по Л. Витгенштейну, неопозитивизму, рассматривают понятие «концепт» в философии и лингвистике, даже синергетические принципы в лингвистике выделяют, но не рассматривают концепцию языка В. Гумбольдта. Ответ оказался прост: с Гумбольдтом студенты знакомятся на первом курсе университета. Как отмечали аспиранты, они заново открыли его в рамках наших занятий, но к тому времени темы рефератов уже определены, собран материал и некоторые даже написаны. Аспиранты подсказали или указали (можно и так определить) мне на необходимость внесения изменений в читаемый курс: целесообразно, видимо, сначала выделять философские вопросы языкознания, а затем общие вопросы по философии науки.

Лингвистика — одна из немногих наук, становление которых наглядно демонстрирует связь между науками с одной стороны, наукой и культурой (жизнью в целом), с другой. Исследования языка всегда требовали обращения к истории, антропологии, психологии, физиологии, другим наукам, и, конечно, к философии.

С другой стороны, выявляя специфику той или иной науки, всегда обращаются к принципам и категориям лингвистической эпистемологии, выявляя соответствующий язык и т. д. В рамках курса мы останавливались на позиции К.-О. Апеля, отмечавшего, что словом «язык» обозначается проблема оснований науки и философии, а не просто эмпирический предмет науки наряду с другими [5]. На вопрос: «Какие аргументы в поддержку или в опровержение этого тезиса можно привести?» большая часть аспирантов отметила, что без изучения языка невозможно исследование познания, мышления, культуры, но в то же время есть «науки о языке», объектом исследования которых выступает язык как эмпирический предмет.

На занятиях с аспирантами особое внимание уделяется вопросам методологии научного познания. Предмет лингвистики как специальной теории языка зависит от понимания языка. Если, например, рассматривать язык исключительно как систему знаков, то лингвистика выступает только частью семиотики. Но если допустить, что язык — это и действительная реальность мысли, форма сознания, то лингвистика выходит за рамки этого ограничения. Поэтому выделение предмета в теориях языка оказывается в значительной степени методологически зависимым. Хотя язык и остается главным и единственным объектом лингвистики, в теориях языка, целенаправленно изучающих структуру языка или внешние связи языка с обществом и с индивидуальным сознанием и т. д., решающую роль играет соответствующая предмету методология.

Применительно к лингвистике основными общеметодологическими положениями выступают следующие:

- язык — исторически развивающееся явление;
- язык — социальное явление;
- язык имеет собственные внутренние законы;
- язык — это своеобразная система систем (Н. Хомский);
- система языка не может быть абсолютно непротиворечивой и правильной системой и др.

На каждом этапе развития науки о языке выделяют, как правило, один господствующий метод, типичный для данного периода. С опорой на историю языкознания аспирантам легче понять, с одной стороны, общие проблемы философии науки, допустим, понятие парадигмы Т. Куна (смена компаративистики как лингвистической парадигмы в начале XX в. на структурализм и т. д.), а с другой — становится «понятной» история языкознания. Почему взгляды молодого Ф. де Соссюра, многообещающего, талантливого ученого, обучавшегося (другими словами, воспитанного профессионально) в Германии, не были здесь приняты? В возрасте 21 года Соссюр заканчивает «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (это была единственная книга Ф. де Соссюра, изданная при его жизни), в котором сделал принципиально новый вывод о системности языка. За видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов, — считал он, — скрывается вполне строгая и единообразная структура корня,

а выбор вариантов одного и того же корня подчинен единым, сравнительно простым правилам. В связи с этим он выдвинул гипотезу о существовании в праиндоевропейском языке так называемых ларингалов — особого типа сонантов, не сохранившихся в известных по текстам языках, вводившихся исключительно из соображений системности. Гипотеза Ф. де Соссюра противоречила методологическим принципам младограмматиков, работавших с изолированными историческими фактами, и не была признана. Уже после смерти ученого в 30-е гг. XX в. на основе исследований вновь открытого хеттского языка подтвердилась реальность одного из ларингалов, и гипотеза Ф. де Соссюра получила развитие в индоевропеистике. На этом примере можно рассмотреть не только понятия «парадигмы» и «научной революции», но и роль гипотез в научном познании, виды теорий (описательная и объяснительная), роль традиций в развитии науки и др.

Выделяя в рамках курса вопросы методологии (общей и специальной), важно отметить наличие общих идей, их взаимовлияние и взаимопроникновение, «обмен» не только между философией и лингвистикой, но и между лингвистикой и другими науками. Можно вспомнить, что Соссюр, рассматривая знак как единство двух сторон — означаемого и означающего — использовал в своей теории идею двух видов стоимости Адама Смита и позднейшей политэкономии (сам А. Смит начинал свою деятельность как лингвист). Как известно, товар может иметь конкретную потребительскую стоимость, определяемую качествами данного товара, и абстрактную меновую стоимость, связанную с его отношением к другим товарам. По аналогии Соссюр открыл два значения языкового знака: 1) его конкретное значение (определяемое в толковом словаре и т. д.) и 2) его абстрактное значение, определяемое относительно, т. е. отношением к другим словам языка.

История языкознания дает богатейший материал о связи познания и практики. Все лингвистические традиции (описания языка) создавались для решения конкретных практических задач, главной из которых была задача обучения, причем не родному, материнскому, языку, который усваивается в большей степени бессознательно, а языку, отличному от него, либо расходившемуся с разговорным.

Другой, не менее важной задачей, была задача толкования текстов на языке, отличном или расходившемся с разговорным. Изучение языка стимулировало также стихосложение и другие области практики.

В ходе работы с аспирантами было поднято и осмыслено немало вопросов, затрагивающих философские проблемы языкознания. Позволю себе сделать вывод, ссылаясь на отзывы аспирантов: курс по истории и философии науки (в рамках которого читается философия языка) по меньшей мере помогает структурировать, а иногда и приращивать, специальные знания по истории науки (языкознания), полученные в процессе университетского образования.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию / пер. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
2. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 860 с. С. 613–681.
3. Черенькая С.В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии: тезисы докладов (МГПУ, 27–29 октября 2015 г.). М.: МГПУ, ООО НИЦ «Инженер», 2015. С. 48–51.
4. Черенькая С.В. Традиции университетского образования в современном информационном пространстве // Университет в социокультурных реалиях современного общества» в рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге: материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29 октября – 01 ноября 2014 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 280–289.
5. *Apel Karl-Otto*. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik. Versuch einer Metakritik des 'kritischen Rationalismus' // *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt: Suhrkamp, 1998. S. 33–81.

Literatura

1. *Gumbol'dt V.* O razlichii stroeniya chelovecheskix yazy'kov i ego vliyani na duxovnoe razvitie chelovechestva // *Gumbol'dt V.* Izbr. trudy' po yazy'koznaniyu / per. G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1984. 400 s.
2. *Platon*. Kratil // *Platon*. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: My'sl', 1994. 860 s. S. 613–681.
3. *Chernen'kaya S.V.* Nekotory'e voprosy' prepodavaniya kursa po filosofii nauki v vuze // III Vserossijskaya konferenciya po naukovedeniyu i naukometrii: tezisy' dokladov (MGPU, 27–29 oktyabrya 2015 g.). M: MGPU, ООО NICz «Inzhener», 2015. S. 48–51.
4. *Chernen'kaya S.V.* Tradicii universitetskogo obrazovaniya v sovremennom informacionnom prostranstve // *Universitet v sociokul'turny'x realiyax sovremennogo obshhestva»* v ramkax «Dnej filosofii v Sankt-Peterburge: materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 29 oktyabrya – 01 noyabrya 2014 g.). SPb.: Izd-vo SPbGU, 2015. S. 280–289.
5. *Apel Karl-Otto*. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik. Versuch einer Metakritik des 'kritischen Rationalismus' // *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt: Suhrkamp, 1998. S. 33–81.

S.V. Chernenkaya

Philosophy of Language for Postgraduate Students

The article suggests a vision of a course on the philosophy of language for postgraduate students-linguists, that can be read in the framework of the history and philosophy of science and revealing the specifics of history and methodology of linguistics, communication between philosophical and specially scientific language studies. Particular attention in the framework of the course is paid to the language of science.

Keywords: language; thinking; methodology; philosophy of language; linguistics; semantics.

Е.В. Варганян

Формирование категории «экономическая деятельность» в трудах древних и средневековых мыслителей

В статье рассматривается специфика представлений о хозяйственной деятельности, возникавших в различных культурных, географических, политических и социальных условиях ранней Древности, Античности и Средневековья и послуживших основой для возникновения зрелых экономических концепций в эпоху Нового времени. На основе трудов древних и средневековых мыслителей прослеживается процесс формирования категории «экономическая деятельность».

Ключевые слова: экономическая деятельность; историческая ретроспектива; труд; собственность; деньги; торговля.

Анализируя эволюцию экономических отношений за прошедшие века, можно проследить ключевые особенности экономической деятельности, свойственные ей на различных этапах истории. Хозяйственная деятельность как самостоятельный предмет исследования выделяется в Новое время благодаря возникновению учения меркантилистов (А. Монкретьен, Ж.-Б. Кольбер, Т. Ман и др.). Тем не менее первые попытки формулирования базовых принципов ведения хозяйства (охрана собственности, финансовое и трудовое регулирование) уже имели место в таких цивилизациях Древнего мира, как Египет, Индия, Китай и Греция. Анализ сохранившихся текстов позволяет проследить формирование понятия «экономическая деятельность», или «хозяйствование», в терминологии того времени, являющегося важнейшей категорией в исследовании экономических отношений.

В Древности наиболее актуальными являлись проблемы выживания человека в зачастую неблагоприятных условиях окружающей среды. Становление цивилизации только начиналось, и хозяйство, соответственно, было подчинено единой цели: стабилизировать шаткое положение человечества в мире при отсутствии цивилизации в современном понимании термина. Ремесленничество,

натуральные промыслы, бартерная торговля — вот основные аспекты экономики Древности. С возникновением первых цивилизаций торговые отношения стали приобретать все более значимую роль, центром которых стало Средиземноморье, а наиболее активными участниками — Греция, Финикия, Ассирийское государство...

Одной из отличительных черт экономики Древнего мира являлось жесткое государственное регулирование хозяйственных отношений: торговля, налоговая система, ссуды и проч. непосредственно зависели от решений компетентных государственных структур. Так, один из древнеегипетских трактатов, «Речение Ипувера», посвящен регламентированию экономической деятельности в сфере долговых отношений. Основной его идеей являлось недопущение материального подъема представителей низших сословий на фоне кризиса власти: «Воистину: вельможи голодны и в отчаянии. Слуги обслуживаются... из-за жалоб... Тот, который не мог себе построить [даже] хижину, он стал [теперь] владельцем дома. Смотрите: придворные изгнаны из домов царя» [12: с. 21, 24]. Документ датирован XVIII в. до н. э. (Среднее царство, Египет); его содержание позволяет сделать вывод о наличии многих атрибутов полноценной экономической системы.

В ассирийской цивилизации действовал весьма строгий правовой кодекс, известный как «Свод законов Хаммурапи». Среди основных вопросов данного исторического документа стоит выделить предписания, касающиеся частной собственности, долгового регулирования («Если человек имеет на себе процентный долг, а Адад побил поле, или половодье унесло урожай, или же из-за безводья зерно не появилось на поле, то в этом году он не обязан вернуть зерно своему заимодавцу; он может переписать свою табличку и проценты за этот год не платить» [14: с. 173]) и т. д. Составление «Свода...» приходится ориентировочно на 1750 г. до н. э., что свидетельствует о развитии ассирийской экономики примерно теми же темпами, что и в древнеегипетском государстве.

Следует отметить, что непосредственные участники хозяйственных отношений того времени относились к низшим слоям социума, который, в свою очередь, отличался значительной дифференциацией. Наука, также переживавшая период становления, являлась сугубой прерогативой аристократии, контакты которой с широкими слоями населения были сведены к минимуму, что закрывало пути к возможному продуктивному взаимодействию практики и теории. Именно эта особенность общественной организации на протяжении многих веков была своего рода «камнем преткновения» для развития экономики, так как отсутствовала возможность построения надлежащей теоретической базы, необходимой для прогресса в данной области. При этом основная роль государства сводилась к установлению различного рода законодательных актов (например: «Если человек поймал в степи беглого раба или рабыню и привел его к его хозяину, то хозяин раба должен дать ему два сикля серебра. Если этот раб не назвал своего хозяина, то поимщик должен привести его

во дворец, дело его должно быть рассмотрено, а затем его должны вернуть его хозяину. Если же поимщик этого раба задержал в своем доме, а затем раб был схвачен в его руках, то этот человек должен быть убит» или «Если в доме человека разгорелся огонь, а другой человек, который пришел для тушения пожара, поднял свой взор на добро домохозяина и взял добро домохозяина, то этот человек должен быть брошен в этот огонь» [14: с. 173]), тогда как основополагающие принципы хозяйственных отношений на протяжении тысячелетий не претерпевали каких-либо существенных трансформаций.

Философия Древней Индии была связана в основном с проблематикой религиозного порядка, а также ролью человека в нем, тогда как окружающей реальности уделялось сравнительно мало внимания: «Пусть не будет привязан из чувственности ко всяким мирским утехам; чрезмерную привязанность к ним следует отвращать размышлением» [5: с. 138]. Зарождение экономической теории в Индии имело место в период нестабильности, когда возникла необходимость регулирования социально-экономических отношений. Законы Ману датированы приблизительно II в. до н. э. и посвящены принципам общественного разделения труда, а также — установлению предписаний, превращающих свободного человека в раба; в обязанности государства вменялось обеспечение доходов, регламентация хозяйственной деятельности, эксплуатация свободного населения и т. д. Например, относительно назначения на должности, в Законах Ману говорится: «Надо назначить также других служащих — честных, умных, твердых, собирающих богатства надлежащим образом и хорошо испытанных. Сколько человек нужно для надлежащего исполнения дел, столько способных, предусмотрительных и неутомимых и надо назначить. Из них следует назначить храбрых, способных, родовитых, честных в делах — в рудники и мастерские, робких — во внутренние покои дворца» [5: с. 238]. Вопросы труда, таким образом, решались исходя из индивидуальных качеств отдельных работников, что позволяет судить об ориентации хозяйственной деятельности на наиболее полную реализацию склонностей и способностей отдельно взятого человека.

Формирование экономической мысли в Древнем Китае также происходило в кризисный период, связанный с активным становлением рабовладельческого строя. Первые попытки осмысления социально-экономических отношений были предприняты Конфуцием. Рассматривая умственный и физический труд, философ выделял особо интеллектуальную деятельность как обладающую, по его мнению, более высоким статусом. Идеальное положение дел он видел в сильном государстве и богатом обществе, рассматривая человеколюбие и долг как основу «великого процветания». Также Конфуций на основе созданного им учения о естественном праве разделил общество на высшее сословие и низшее, уделом которого являлся физический труд.

Так называемый протофилософский период в странах Древнего Востока характеризуется разложением первобытно-общинного строя и возникновением

рабовладения, а также — государственности. Несмотря на заметные различия в географических условиях и временных рамках, для философско-экономической мысли в цивилизациях ранней Древности характерны общие атрибуты. Физический труд имел низкий статус и вменялся свободным представителям низших сословий и рабам, тогда как благородные сословия выполняли функцию управления. Социальное неравенство считалось естественным и подкреплялось законами и религиозными догматами. Особое внимание уделялось вопросам частной собственности, которые контролировались государством: законодательно поддерживалась справедливость в области долговых обязательств, а также существовали многочисленные меры, предназначенные для защиты собственности граждан.

Более полное развитие экономическая мысль получила в Древней Греции: в трудах великих философов Ксенофонта, Платона и Аристотеля прослеживаются первые попытки рассмотрения различных аспектов товарно-денежных отношений, материального благосостояния, социального равновесия и т. д.

Ксенофонт в своем сочинении «Домострой» выступал за рациональное земледельческое хозяйствование, которое могло бы обеспечить укрепление государства и получение прибыли. При этом практическая полезность результатов труда являлась основным критерием его целесообразности; философ приравнивал понятия «полезность» и «ценность», опираясь на строгие логические умозаключения. Кроме того, в «Домострое» рассматривались вопросы оплаты труда. Ксенофонт считал основополагающим принцип соразмерности выполненной работы и вознаграждения, поскольку его в несоблюдении он видел причины ослабления мотивации работников.

В другом труде «Киропедия» философ рассматривал вопросы ремесла и торговых отношений. Ксенофонт также отмечал, что разделение труда способствует повышению качества продукции: «...человеку, занимающемуся многими ремеслами, невозможно изготавливать все одинаково хорошо. Напротив, в крупных городах благодаря тому, что в каждом предмете нужду испытывают многие, каждому мастеру довольно для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части этого ремесла; так, один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую. А иногда даже человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что шьет заготовки для башмаков, другой — тем, что вырезает подошвы, третий — только тем, что выкраивает передки, а четвертый — не делая ничего из этого, а только сшивая все вместе. Разумеется, кто проводит время за столь ограниченной работой, тот и в состоянии выполнять ее наилучшим образом» [7: с. 89]. Такая форма организации производства была свойственна преимущественно крупным городам, в которых была сосредоточена интеллектуальная элита.

Ксенофонт отдавал предпочтение чисто интеллектуальному подходу к решению экономических проблем. Его учение рассматривает хозяйство с наиболее прагматической позиции без акцента на вопросах этики и справедливости.

Платон, напротив, выдвигал тезис о том, что распределение благ должно строиться на принципах справедливости, «по достоинству». Имущественное неравенство при этом сохраняется, но не допускается ни крайнего обогащения, ни обнищания. Средний достаток — идеал большинства. В принципе «распределения по достоинству» отразилось стремление идеологов античного мира закрепить сословия и классовые привилегии рабовладельцев.

Экономические идеи Платона известны по его трудам «Политика или государство» и «Законы». Философ акцентировал разделение общества на богатых и бедных в государстве и считал это естественным порядком. Основная государственная деятельность, по мнению Платона, заключалась в натуральном хозяйстве, главной отраслью которого он считал земледелие. Рабы рассматривались как ведущая производительная сила. Деление на свободных и рабов также оправдывалось, и свободными могли быть только граждане Греции. Организация «идеального государства» предусматривала деление свободного населения на сословия, включавшие политиков, солдат, землевладельцев и торговцев. Платон считал, что «наилучшим является первое государство, где у друзей все общее. Общие жены, дети, все имущество, частная собственность повсюду устранена из жизни» [10: с. 739].

Идеи Платона получили развитие в трудах его ученика, Аристотеля. Последний выделяет два вида хозяйственной деятельности. Первый вид — собственно «экономика» — натуральное хозяйство, включающее земледелие, ремесло и мелкую торговлю. Экономика связана с удовлетворением естественных потребностей людей и является оправданной с точки зрения моральной философии. Второй вид — так называемая хрематистика, включающая крупную торговлю и ростовщичество. Она связана с наживой, неограниченным накоплением богатства в денежной форме и является негативной с позиции этики. Происхождение денег философ трактовал следующим образом: «В силу необходимости, обусловленной меновой торговлей, возникли деньги» [9: с. 456]. Аристотель тем не менее считал, что чрезмерное богатство и сопутствующая ему расточительность могут трансформироваться в умеренный вариант владения благами, тогда как жадность не имеет перспектив «исправления» и является сугубым пороком. Оптимальный способ распоряжения собственностью Аристотель называл «щедростью», которая позволяла, по его мнению, наиболее полно удовлетворять потребности человека, тогда как накопление (преимущественно — денежных средств) в качестве самоцели влекло к превращению богатства из средства достижения благополучия в бесполезный груз, препятствующий проявлению свободы и развитию хозяйства в целом.

Аристотель писал, что «в каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и средние, стоящие посередине между теми и другими... Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним...

и так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности» [3: с. 508]. Оценивая труды Аристотеля современный философ, социолог, политолог и публицист Арон Р. писал, что труд Аристотеля «Политика» является эпохальным. В нем философ анализирует широкий спектр проблем — от философских до социологических, не ограничиваясь оценочными суждениями, но предлагая детальное и обоснованное рассмотрение реальных явлений [4: с. 62].

Аристотель всецело поддерживал идею естественного рабовладения. Он характеризовал рабов как «первый предмет владения». Сравнивая свободного человека и раба, философ отмечал: «У последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни» [3: с. 384].

Заметное влияние на экономические взгляды Аристотеля оказал его интерес к вопросам нравственности: философ впервые сформулировал понятие «этика» как научную категорию. По мнению мыслителя, деятельность человека должна быть полностью посвящена достижению блаженства, — только в таком случае он является морально зрелым. Аристотель писал, что счастье «...мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого» [3: с. 62]. Таким образом, мыслитель акцентировал внимание на человеке вместе с его потребностями и устремлениями как на одном из важнейших элементов экономической системы. Аристотель был первым мыслителем, выявившим функцию денег как средства получения дохода. В присвоении незаработанных денег Аристотель усматривал нарушение закона о справедливости. Естественным процессом экономической деятельности мыслитель считал деятельность, обеспечивающую удовлетворение потребностей личного хозяйства и государства. В таком случае деньги выполняли свои естественные функции как эквивалент обмена и средство платежа.

Таким образом, в Древней Греции имело место зарождение денежной системы, а также рыночной торговли. Мыслители пытались выявить наиболее общие закономерности этих феноменов, которые являлись сравнительно новыми для цивилизации той эпохи, однако выдвинутые ими постулаты получили развитие в последующие исторические периоды и во многом послужили основой для ценностного, трудового, социального и др. аспектов экономической деятельности. Также стоит отметить, что особое внимание уделялось вопросам собственности. В частности, в трудах Платона были впервые высказаны идеи всеобщего равенства, впоследствии нашедшие воплощение в коммунистической идеологии.

В отличие от Древней Греции, в Древнем Риме на первый план выходили чисто прагматические особенности ведения хозяйства. Важным направлением древнеримской экономической деятельности являлось рабовладение. Соответственно, научная мысль концентрировалась на улучшении результативности

невольничьего труда. Так, Марк Катон подробно анализировал вопросы ведения сельского хозяйства, рассматривая его в качестве основной сферы экономической деятельности. Мыслитель считал земледелие более предпочтительным в сравнении с торговлей и ростовщичеством: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. По этому можно судить, насколько ростовщика считали они худшим гражданином против вора... Я считаю купца человеком стойким и ревностным к наживе, только жизнь его... и опасна, и бедственна. А из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти...» [6: с. 7]. Его основной труд «Земледелие» содержит советы по выбору наиболее подходящего для возделывания участка земли, выращиванию различных культур, уходу за скотом, хранению и переработке урожая, контролю за рабами и т. п.

Другой мыслитель Древнего Рима Ю. Колумелла делал акцент на увеличении производительности рабского труда и считал приемлемым использовать любые — как поощрительные, так и карательные — средства ради достижения максимального эффекта.

Мыслители Античности заложили фундамент для философской науки, и их идеи во многом определили развитие как философии в целом, так и «философии хозяйства» в частности.

В Средние века, по мере укрепления феодального строя, активное участие в экономических отношениях стали принимать высшие слои общества, ставя перед собой новые цели: акцент сместился на личное обогащение и укрепление позиций правящего «класса». В отличие от экономической мысли древности, средневековая мысль более пристальное внимание уделяла физическому труду, который приобрел — вместе с этим — более высокий статус.

Одна из ключевых фигур данной эпохи — Августин Блаженный — подчеркивал особую роль труда, который из обязанности рабов трансформировался в род деятельности, присущий свободным гражданам. В то же время, Августин осуждал торговлю и ростовщичество, считая принцип достаточности в хозяйственной деятельности справедливым, а ориентир экономики на удовлетворение естественных потребностей людей единственно приемлемым. Ключевую роль во взглядах философа играло христианское мировоззрение, и религиозная этика главенствовала над всеми остальными сферами жизни человека: «...найдя превратное удовольствие в собственной свободе и отвергнув служение Богу, душа лишилась прежнего повиновения со стороны тела; и так как по собственной воле оставила высочайшего Господа, то не смогла удержать под своей волей низшего слугу и никоим образом не могла уже иметь плоть в подчинении себе, как всегда могла бы иметь ее, если бы сама осталась в подчинении Богу. Ибо тогда плоть начала противоборствовать духу» [1: с. 346–347].

Впоследствии Фома Аквинский, строя свою теорию на основе христианской теологии и этике, в значительной мере поспособствовал дальнейшему сближению

государства и субъектов экономической деятельности. Его основной работой является «Сумма теологии», содержащая экономические взгляды мыслителя. Признавая торговлю как необходимую часть хозяйственной деятельности государства, философ отмечает важность христианской этики как первоосновы экономических отношений. Касаясь вопроса ценностей, Ф. Аквинский закономерно осуждает получение прибыли ради стяжания богатства, равно как и ростовщичество: «получать проценты на данные займы деньги есть сама по себе несправедливость, ибо продается то, чего нет; и через это, очевидно, устанавливается неравенство, противное справедливости» [2: с. 340]. Однако философ видел и исключения в рассматриваемой ситуации: «...тот, кто дает займы деньги, переносит право собственности на деньги на того, кому дает; поэтому тот, кому даются займы деньги, держит их на свой страх и обязан возратить их в целостности, поэтому заимодавец не должен требовать большего. Но тот, кто ссужает свои деньги купцу или ремесленнику под видом какого-либо товарищества, не переносит на него право собственности на свои деньги, но оставляет его за собой; поэтому купец торгует на них или ремесленник работает под его ответственностью, и поэтому ему позволительно требовать себе часть получаемой от этого прибыли, как со своей собственностью» [2: с. 346–347]. Относительно вопросов труда Ф. Аквинский писал: «Труд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни» [2: с. 648–649]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в эпоху Средневековья «...труд не имел целью экономический прогресс — ни индивидуальный, ни коллективный. Он предполагал, помимо религиозных и моральных устремлений (избегать праздности, которая прямоком ведет к дьяволу; искупить, трудясь в поте лица, первородный грех; смирить плоть), в качестве экономических целей обеспечить как свое собственное существование, так и поддержать тех бедняков, которые неспособны сами позаботиться о себе» [8: с. 208].

Фома Аквинский разделял идеи Аристотеля о праведной и неправедной экономической деятельности, считая результатом первой продукцию натурального хозяйства, а второй — золото и серебро. Аналогично Аристотелю, мыслитель видит угрозу, исходящую от неправедного богатства, позволяющую производить деньги из денег.

В целом средневековые философы считали неприемлемым накопление богатства свыше необходимого, умеренность во всем позиционировалась как добродетель. Как следствие — имело место осуждение ростовщичества и ограничение торговых прибылей.

Физический труд был приравнен по статусу к труду интеллектуальному, за счет чего определенные преимущества обрели феодалы, получив действенный рычаг давления на своих подданных, занятых непосредственно производством товаров.

Так, в средневековой Европе под влиянием господствующей идеологии сформировалась достаточно развитая бюрократическая система, связывавшая представителей власти и простого народа. Эта особенность во многом определила развитие европейского менталитета вплоть до эпохи капитализма. По мнению Ф. Энгельса, средневековые мыслители «...сознавали уже несправедливость классовых противоположностей» [13: с. 156].

«Промежуточным звеном» между натуральным и индустриальным производством явилось мануфактурное хозяйство, которое позволяло среднестатистическому европейцу повысить, пусть и незначительно, свое материальное благосостояние за счет личного труда. Не стоит недооценивать также и роль христианской религии и идеологии в экономике Средневековья: ввиду того, что церковь получила значительные возможности в сфере управления государством, весомая часть ресурсов — как материальных, так и интеллектуальных — принадлежала именно ей. Однако в результате развития ремесел и отдельных видов промышленности социально-экономический уклад начал постепенно трансформироваться: «На исходе Средневековья, когда уже произошел поворот к новому духу, выбор в принципе возможен был по-прежнему лишь между мирским и небесным: или полное отвержение красоты и великолепия земной жизни — или безрассудное приятие всего этого, не сдерживаемое более страхом погубить свою душу» [11: с. 49]. Дальнейшее развитие экономической мысли происходило в русле экономических школ, которые возникали в процессе становления капитализма.

Таким образом, анализ возникновения и становления экономической деятельности в периоды ранней Древности, Античности и Средневековья позволяет осветить процесс формирования соответствующей категории. Первые документы, затрагивающие вопросы экономической деятельности, относятся к так называемому протофилософскому периоду, что позволяет судить о зарождении экономических отношений в цивилизациях ранней Древности.

Первые исследования в области экономической деятельности появились еще в античном мире, ведущую роль в которых играл Аристотель. Ученый впервые заострил внимание на двойственном характере экономической деятельности, направленной, одной стороны, на получение богатства и имеющей целью стяжание богатства как такового (хрематистика), а с другой — на обеспечение потребностей индивидуального хозяйства и государства (экономика).

В период Средневековья учение Аристотеля оказало существенное влияние на труды Августина Блаженного и Фомы Аквинского, сделавших акцент на этических аспектах экономической деятельности. По мере развития научно-технической сферы и смены представлений о мире, возникли предпосылки к систематизации и структурированию накопленных знаний об экономической деятельности человека.

Вступление европейской цивилизации в эпоху Нового времени сопровождалось возникновением ряда сравнительно зрелых экономических учений,

преследовавших цели обобщения и практического использования теоретического наследия мыслителей прошлого. В этой связи примечательно смещение акцентов в сторону прагматизма и рационалистического подхода к осмыслению экономической деятельности человека.

Литература

1. *Августин Блаженный*. О Граде Божием М.: Харвест, АСТ, 2000. 1296 с.
2. *Аквинский Ф.* Сумма теологии. Ч. 2. М.: Ника-центр, 2013. 736 с.
3. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
4. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
5. *Законы Ману* / перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.И. Ильиным. М.: Эксмо, 2002. 496 с.
6. *Катон М.* Земледелие. СПб.: Наука, 2008. 224 с.
7. *Ксенофонт*. Киропедия. М.: Наука, 1976. 333 с.
8. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа «Прогресс», Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
9. *Мыслители Греции. От мифа к логике* / сост. В.В. Шкода. Харьков: Фолио-Х; М.: Эксмо, 1998. 832 с.
10. *Платон*. Законы. М.: Мысль, 1999. 739 с.
11. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья // Хёйзинга Й. Соч.: в 3-х т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 416 с.
12. *Хрестоматия по истории Древнего мира* / под ред. В.Г. Боруховича, В.И. Кузицина. 2-е изд. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. 416 с.
13. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1977. 496 с.
14. *Якобсон В.А.* Законы Хаммурапи. История древнего мира: Ранняя древность. М.: Наука, 1982. 390 с.

Literatura

1. *Avgustin Blazhennyj*. O Grade Bozhiem M.: Harvest, AST, 2000. 1296 s.
2. *Akvinskij F.* Summa teologii. Ch. 2. M.: Nika-centr, 2013. 736 s.
3. *Aristotel'.* Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. 830 s.
4. *Aron R.* Demokratiya i totalitarizm. M.: Tekst, 1993. 303 s.
5. *Zakony' Manu* / perevod S.D. E'l'manovicha, proverenny'j i ispravlenny'j G.I. Il'iny'm. M.: E'ksmo, 2002. 496 s.
6. *Katon M.* Zemledelie. SPb.: Nauka, 2008. 224 s.
7. *Ksenofont.* Kiropediya. M.: Nauka, 1976. 333 s.
8. *Le Goff Zh.* Civilizaciya srednevekovogo Zapada. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», Progress-Akademiya, 1992. 376 s.
9. *My'sliteli Grecii. Ot mifa k logike* / sost. V.V. Shkoda. Har'kov: Folio-X; M.: E'ksmo, 1998. 832 s.
10. *Platon.* Zakony'. M.: My'sl', 1999. 739 s.
11. *Xyojzinga J.* Osen' Srednevekov'ya // Xyojzinga J. Soch.: v 3-x t. T. 1. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. 416 s.
12. *Xrestomatiya po istorii Drevnego mira* / pod red. V.G. Boruxovicha, V.I. Kuzishhina. 2-e izd. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1989. 416 s.
13. *E'ngel's F.* Anti-Dyuring. M.: Politizdat, 1977. 496 s.

---

14. *Yakobson V.A. Zakony' Хаммурapi. Istoriya drevnego mira: Rannyaya drevnost'*. М.: Nauka, 1982. 390 s.

E.V. Vartanian

**Formation of Category “Economic Activity”
in the Works of Ancient and Medieval Thinkers**

The article considers the specifics of concepts of economic activity that occurred in different cultural, geographic, political and social conditions of early antiquity, antiquity and the Middle Ages, and which served as the basis for the emergence of mature economic concepts in the era of modern times. Based on the works of ancient and medieval thinkers the author traces the process of formation of the category “economic activity”.

Keywords: economic activity; historical retrospective; labour; property; money; trade.

Г.Д. Чесноков

Эстетическая теория Н.Г. Чернышевского

В статье рассматривается процесс формирования эстетических идей Н.Г. Чернышевского в творческой полемике с философскими и эстетическими взглядами Гегеля. Н.Г. Чернышевский — последователь Фейербаха, чья философия в 60-е гг. XIX в. была недостаточно известна в России. В результате философские воззрения Н.Г. Чернышевского были плохо поняты современниками и неверно оценены.

Ключевые слова: философская антропология; материализм; идеализм; эстетика.

Часть 2

В советское время о Н.Г. Чернышевском, в том числе и о его эстетических воззрениях было сказано и написано немало. Тем не менее об эстетических взглядах автора говорилось так, что их истинная новизна ускользала от внимания читателей. А происходило это оттого, что к объяснению его эстетических взглядов подходили без четкого уяснения его философских взглядов. Ведь, как правильно отметил Г.В. Плеханов, у Чернышевского имеется всего одна собственно философская работа. Поэтому к Чернышевскому подходили как к революционеру, защитнику угнетенного крестьянства, литературному критику, вождю революционных демократов, жертве самодержавно-крепостнического режима и т. д., а вот то, что Чернышевский решительно выступил против идеалистической эстетики Гегеля в защиту противоположной ей материалистической эстетики с должной основательностью показано не было. Мы считаем это большим упущением, и причину случившегося видим в том, что авторы, занимавшиеся творчеством Чернышевского в полной мере, не оценили указания самого Чернышевского, что он, впервые познакомившись в конце 40-х гг. XIX в. со взглядами Л. Фейербаха, остался верен антропологическим взглядам этого великого мыслителя до конца своей жизни. Мы в нашей работе попытаемся устранить этот пробел. Начнем с указания на то, что Чернышевский — выходец из вполне благополучной религиозной семьи и даже первоначально начинавший получать образование в Саратовской духовной семинарии, к окончанию университета становится убежденным материалистом. Но ведь убежденными материалистами были и Спиноза, и тем более французские материалисты XVIII в.

Что же отличало материалиста Чернышевского от материалистов школы Гольбаха? То, что они совершенно по-разному смотрели на человека. Для французских материалистов XVIII в. природа — огромный механизм

и в этом механизме масса других мелких механизмов, одним из которых является человек. Механизм не обладает чувствами, он не любит, не ненавидит, не переживает, словом, он не живет. У механизма нет ни жизни, ни смерти. Его можно разложить на отдельные составляющие, а затем вновь собрать воедино. Л. Фейербах подобный взгляд применительно как к природе, так и тем более к человеку принять не может. Природа — это не механизм, а **организм**. В нем все взаимосвязано, и если какую-то часть организма удалить, то он просто перестанет существовать.

Итак, механизм природы не обладает ни чувствами, ни переживаниями. Следовательно, на базе природы эстетика не может появиться. Основой последней мог стать только дух. Отсюда понятно, что эстетика в XVIII–XIX вв. могла толковаться и действительно толковалась исключительно как сфера безусловного господства Разума. Фейербах смотрел на человека как на природное существо, но это природное существо для него обладает чувствами и разумом. Но если чувства и разум не существуют сами по себе, то это означало, что прекрасное, которое мы находим в произведениях искусства, должно существовать также и в действительности, и более того, если оно не существует в действительности, то исчезнет реальная основа существования искусства.

Сам Фейербах из всех областей общественного сознания более всего ценил и выделял мораль. Изучением искусства он не занимался, а потому тех выводов, которые вытекали из его антропологической философии, применительно к искусству он не делал. Но эти выводы сделал его ученик Чернышевский, ибо литература представляла для него область его профессиональных интересов.

Что составляет задачу искусства: уход от серой действительности в область прекрасного, как утверждала идеалистическая эстетика, или отображение действительности, как полагал В.Г. Белинский и его последователь в области литературной критики Н.Г. Чернышевский? Ответ Чернышевского сводится к тому (мы это слышали от него самого), что прекрасна **жизнь**, т. е. действительность.

Свою диссертацию Чернышевский озаглавил «Эстетические отношения искусства к действительности» и главное, что он хотел донести до общественного сознания страны — это то, что тезис о том, что прекрасное есть результат духовной деятельности художника ошибочен. Искусство порождает не некая необъяснимая для человеческого понимания **творческая деятельность** художника, а жизнь. Для обоснования этой материалистической мысли Чернышевский последовательно рассматривает все аргументы сторонников идеалистической эстетики, отвергавших возможность существования прекрасного в действительности. Напомним для начала читателям, как решала вопрос о существовании прекрасного в действительности гегелевская (читай, идеалистическая) эстетика. «Прекрасное в объективной действительности имеет недостатки, уничтожающие красоту его, и наша фантазия поэтому принуждена прекрасное, находимое в объективной действительности, переделывать

для того, чтобы, освободив его от недостатков, неразлучных с реальным его существованием, сделать его истинно прекрасным.

Фишер полнее и резче других эстетиков входит в анализ недостатков объективного прекрасного. Поэтому его анализ и должно подвергнуть критике» [2: с. 312]. Далее у Чернышевского следует длинная цитата из «Эстетики» Ф.Т. Фишера, из которой мы отметим лишь главный недостаток прекрасного в действительности. Там (в действительности) она, по словам Ф.Т. Фишера, если и возникает, то существует непродолжительно. «Проблески прекрасного редки в истории; редко вполне прекрасное и в природе вообще» [2: с. 312]. Окончательный вывод Ф.Т. Фишера в приведенном Чернышевским отрывке из его работы звучит следующим образом: «предмет, принадлежащий к редким явлениям красоты, как показывает ближайшее рассмотрение, не истинно прекрасен, а только ближе других к прекрасному, свободнее от искажающих случайностей» [2: с. 315]. В ответ на аргумент Ф.Т. Фишера, что в объективной действительности встречается слишком мало прекрасного, Чернышевский ему парирует, что здоровый человек, напротив, находит в действительности вполне достаточно того, чтобы себя удовлетворить. «Конечно, — признает Чернышевский, — праздная фантазия может о всем говорить: “здесь это не так, этого не достаёт, это лишнее”, но такое развитие фантазии, не довольствующейся ничем, надобно признать болезненным явлением. Здоровый человек встречает в действительности очень много таких продуктов и явлений, смотря на которые не приходит ему в голову желать, чтобы они были не так, как есть, или были лучше. Мнение, будто человеку непременно нужно “совершенство”, — мнение фантастическое, если под “совершенством” понимать такой вид предмета, который бы совмещал все возможные достоинства, и был чужд всех недостатков, какие от нечего делать может отыскать в предмете фантазии человека с холодным или пресыщенным сердцем. “Совершенство” для меня то, что для меня вполне удовлетворительно в своем роде. А таких явлений видит здоровый человек в действительности очень много. Когда у человека сердце пусто, — полагает Чернышевский, — он может давать волю своему воображению; но как скоро есть хотя сколько-нибудь удовлетворительная действительность, крылья фантазии связаны. Фантазия вообще овладевает нами только тогда, когда мы слишком скудны в действительности» [2: с. 315–316].

Итак, возвращаемся к вопросу о том, почему с точки зрения сторонников идеалистической эстетики «прекрасное» должно пребывать в подлинных произведениях искусства, тогда как в действительности оно представляет лишь слабый намек на то, что имеет право именоваться истинно прекрасным.

Упрек первый. Прекрасное в природе непреднамеренно; уже по этому одному не может быть оно так хорошо, как прекрасное в искусстве, создаваемое преднамеренно. Справедлив ли данный аргумент? На первый взгляд он может показаться и справедливым. В самом деле деревня покрывается летом зеленой листвой вовсе не для того, чтобы становиться благодаря этому удобным

убежищем утомленным путникам от лучей палящего июльского солнца. Природа непреднамеренна — это так. «Но, тем не менее, — возражает Чернышевский на аргумент эстетиков-идеалистов, — непреднамеренность последней препятствует проявлению в ней того, что позволяет называть многие явления природы прекрасным, — надобно признаться, что наше искусство до сих пор не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошных плодах тропических земель. Конечно, преднамеренное произведение будет по достоинству выше непреднамеренного, но только тогда, когда силы производителей равны. А сила человека, — замечает Чернышевский, — гораздо слабее сил природы, работа его чрезвычайно груба, неловка, неуклюжа в сравнении с работой природы. И потому в произведениях искусства превосходство со стороны преднамеренности перевешивается и далеко перевешивается слабостью их в исполнении. При том же непреднамеренна красота только в природе бесчувственной, мертвой: птица и животное, — напоминает Чернышевский, — уже заботятся о своей внешности, беспрестанно охорашиваются, почти все они любят опрятность. В человеке красота редко бывает совершенно непреднамеренною, забота о своей наружности чрезвычайно сильна у всех нас» [2: с. 319].

Из сказанного автор диссертации делает вывод, что «поставлять в недостаток прекрасному в действительности его непреднамеренность совершенно несправедливо» [2: с. 319].

Второй упрек против объективности прекрасного свелся к утверждению, что в объективной действительности прекрасное хоть и встречается, но слишком редко. Этот аргумент Чернышевский считает даже более неубедительным, нежели тот, который был рассмотрен нами выше (о непреднамеренности природы). «Малочисленность, — говорит Чернышевский, — была бы прискорбна только для нашего эстетического чувства, нисколько не уменьшая красоты этого малочисленного ряда явлений и предметов. Алмазы величиной в голубиное яйцо попадаются очень редко; любители бриллиантов могут справедливо желать о том, и все-таки они соглашаются, что эти очень редкие алмазы прекрасны. Но жалобы на редкость прекрасного не совершенно справедливы: несомненно, по крайней мере, что прекрасного в действительности вовсе не так мало, как утверждают немецкие эстетики» [2: с. 320]. В подтверждение своей мысли Чернышевский приводит пример, что прекрасные пейзажи встречаются почти во всех странах. Противники прекрасного в действительности пытались мысль о редкости прекрасного в действительности подтвердить ссылкой на жалобу Рафаэля, заявившего как-то о недостатке красавиц в Италии, классической стране красоты. Чернышевский не счел ссылку на слова Рафаэля убедительной. «Рафаэль, — объясняет Чернышевский, — искал наилучшей красавицы, а наилучшая красавица, конечно, одна в целом свете, — где же отыскать ее? Но в жизни красавицы встречаются едва ли не на каждом шагу. Любая молодая женщина в своем роде красавица. Убедиться в этом, —

считает Чернышевский, — очень легко: надобно только взять одного из людей, жалующихся на то, что красавиц мало и походить с ним на Невском, когда по Невскому гулянье. Вы услышите, что он будет постоянно толкать вас под руку, говоря: «Посмотрите, какая хорошенькая!... Ах вот еще какая хорошенькая!.. Ах, вот еще посмотрите, посмотрите — это решительно красавица!» и т. д. и т. д. — и в четверть часа он вам представит не менее пятидесяти или шестидесяти красавиц» [2: с. 321].

В жизни прекрасное встречается не просто часто, а едва ли не на каждом шагу. Отсюда Чернышевский делает вывод, что для определения особо выдающейся красоты должен использоваться иной термин не просто прекрасное, а **величественное**. Это окончательно сможет снять проблему того, что прекрасное не может характеризовать действительность по причине ее (красоты) якобы редкости.

Упрек третий идеалистической эстетики в пользу безусловной правильности ее позиции тот, что красота в действительности мимолетна. Подобное утверждение, казалось, не может быть опровергнуто, но чтобы признать его за основание считать прекрасное существующим только в фантазии и в искусстве, но не в действительности, надо признать его неменяющимся. Так ли это? Чернышевский подобное умозаключение считает ошибочным. «Природа, — замечает он, — не стареет, вместо увядших произведений своих она рождает новые; искусство лишено этой вечной способности воспроизведения, возобновления, а между тем время не без следа проходит и над его созданиями» [2: с. 332]. Искусство, — показывает Чернышевский, — стареет, поскольку стареет язык, меняется жизнь и быт людей, и прежние произведения уже не волнуют новые поколения так, как они волновали своих современников. Сказанное в полной мере относится к литературе, живописи, музыке. Старению искусства способствует также изменение нравов людей. «Мода, — замечает Чернышевский, — сделала половину каждой драмы Шекспира негодною для эстетического наслаждения в наше время; мода, отразившаяся на трагедиях Расина и Корнеля, заставляет нас не столько наслаждаться ими, сколько подсмеиваться над ними» [2: с. 332].

Упрек четвертый формируется так: прекрасное в действительности непостоянно в своей красоте. Это и в самом деле так. Однако Чернышевский указывает в свою очередь на то, что оригинал картины живет собственной жизнью. Картина — это лишь копия чужой жизни. «На живое лицо, — пишет Чернышевский, — можно смотреть по нескольку часов; картина надоедает через четверть часа, и редки примеры дилетантов, которые устояли бы час перед картиной» [2: с. 333].

Упрек пятый, который Чернышевский считает абсолютно не соответствующим действительности и который звучит так: красота в природу вносится только тем, что мы смотрим на нее с той, а не с другой точки зрения. На самом деле подобный упрек следовало бы адресовать красоте искусства, а не природы. «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации, —

утверждает Чернышевский, — непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которые создала их; иначе они покажутся нам непонятными, странными, но не прекрасными. «Фауст» Гете, — отмечает Чернышевский, — передает эпоху сомнений, а потому поведение указанного героя в наше время для подавляющего большинства людей выглядит не вполне адекватным. «Доказательство этого — беспрестанно повторяющаяся в наше время фраза, что Мефистофель довольно жалкий демон; в самом деле, — признает Чернышевский, — образованному человеку нашего времени жалки и смешны сомнения, от которых содрогается Фауст» [2: с. 333–334]. Число подобных примеров достаточно велико не только в литературе. Чернышевский демонстрирует высказанную выше мысль не только на произведениях литературы, но еще и музыки, живописи и т. д., но мы полагаем, что и того, что сказано, вполне достаточно, чтобы согласиться с автором диссертации, будто красота природы требует того, чтобы мы воспринимали ее непременно под нужным для того углом зрения.

Шестой упрек звучит следующим образом: «Прекрасное в действительности включает в себе много непрекрасных частей и подробностей». Это абсолютно верно, но если идеалисты полагают, что прекрасное в действительности не может иметь никаких даже самых слабых пятен, то разве это не относится в еще большей степени к искусству? «Укажите, — пишет Чернышевский, — произведение искусства, в котором нельзя было бы найти недостатков. Романы Вальтера Скотта слишком растянуты, романы Диккенса почти постоянно приторно-сентиментальны и очень часто растянуты, романы Теккерея иногда (или лучше сказать, очень часто) надоедают своею постоянной претензией на исторически злое простодушие» [2: с. 333–334].

Вывод из сказанного тот, что прекрасное в искусстве и в этом случае не может быть признано выше прекрасного в действительности.

Следующий, седьмой упрек формулируется так: «Живой предмет не может быть прекрасен уже и потому, что в нем совершается тяжелый, грубый процесс жизни». Данный аргумент более других противоречит материалистическим представлениям Чернышевского о природе прекрасного, а потому на критике последнего он останавливается особенно подробно. Многим может показаться, что к произведениям искусства названный выше упрек идеализма отнесен быть не может. Ведь произведения искусства мертвы. Они не ощущают, что вокруг них творится. Но такое заключение, по мнению Чернышевского, поверхностно. «Факты, — считает он, — противоречат ему. Произведение искусства, — поясняет автор, — создание жизненного процесса, создание живого человека, который произвел дело не без тяжелой борьбы, и на производстве отражается тяжелый, грубый след борьбы производства. Разве много таких поэтов и художников, — задается вопросом Чернышевский, — которые работают шутя, как шутя, без поправки писал, говорят, свои драмы Шекспир? А если произведение создано не без тяжелого труда, на нем будут «пятна

масляной лампы», при свете которой работал художник. Тяжеловатость можно найти во всех почти произведениях искусства, как бы легки не казались они с первого взгляда. А, если они, в самом деле, созданы без большого, тяжелого труда, — отметил Чернышевский, — то они будут страдать грубостью отделки. Отсюда следует вывод: одно из двух: или грубость, или тяжелая отделка — вот Сцилла и Харибда для произведений искусства» [2: с. 334–335].

Нам осталось рассмотреть последний упрек идеализма, которым сторонники идеалистической эстетики пытались отстоять свой тезис, что прекрасное может существовать только в искусстве, но никак не в действительности. Вот этот последний аргумент — «отдельный предмет не может быть прекрасен уже потому, что он не абсолютен, а прекрасное есть абсолютное». В данном случае за доказанное принимается то, что еще требует своего доказательства.

Откуда могла появиться такая уверенность, что красота должна быть непременно абсолютна? Только из той философии, которая не признает за истину никакого другого знания, кроме как знание Абсолюта, Чернышевский решительно отверг все претензии гегелевской философии на то, что она сумела постигнуть абсолютную истину. «В действительности, — решительно утверждает он, — мы не встречаем ничего абсолютного; потому не можем сказать по опыту, какое впечатление произвела бы на нас абсолютная красота; но то мы знаем, по крайней мере, что *simili gander* (подобное подобному радуется. — *лат.*), что поэтому нам, существам индивидуальным, не могущим перейти за границы нашей индивидуальности, очень нравится индивидуальная красота, не могущая перейти за границы своей индивидуальности (философия должна только объяснять опыт, не имея права отвергать его), и несомненный факт, — заключает Чернышевский, — что индивидуальная красота нравится человеку, кажется истинной красотой. Этим общим коренным фактом, обнимающим все явления здоровой эстетической жизни, совершенно отвергается мнение, будто бы истинная красота — только абсолютная красота» [2: с. 329].

Главная мысль диссертации Чернышевского — показать, что искусство ошибочно принимают за нечто такое, что будто бы стоит выше природы и выше жизни. Нова ли эта мысль? Применительно к эстетике — нова. Но за ней скрывается старый философский спор: что первичней — природа или дух? Л. Фейербах утверждал первичность природы и вторичность Бога. Это учение Чернышевский по существу только повторяет, правда, на сей раз применительно к теории искусства: действительность первична, искусство — вторично. «Наш (длинный) разбор показал, — резюмирует Чернышевский, — что произведение искусства может иметь преимущество перед действительностью разве только в двух-трех ничтожных отношениях и по необходимости остается далеко ниже ее в существенных ее качествах. Разбор этот можно упрекнуть в том, что он ограничивался самыми общими точками зрения, не входил в подробности, не ссылался на примеры. Действительно,

его краткость кажется недостатком, когда вспомним о том, до какой степени укоренилось мнение, будто бы красота произведений и искусства выше красоты действительных предметов, событий и людей; но когда помотришь на шаткость этого мнения, когда вспомнишь, как люди, его выставяющие, противоречат сами себе на каждом шагу (беспрестанно упоминая о том, что «в природе есть истинная красота» — когда припомнишь это), то покажется, что было бы довольно, изложив мнение о превосходстве искусства над действительностью, ограничиться прибавлением слов: это несправедливо, всякий чувствует, что красота действительной жизни выше красоты, созданной «творческой» фантазией» [2: с. 354].

Коль скоро идеалистическая эстетика отрицает наличие прекрасного в реальной действительности, то вполне понятно, что содержание категорий старой и новой (читай, идеалистической и материалистической. — Г. Ч.) эстетики не могут совпасть. «Существенное различие между господствующей и предлагаемой эстетическими системами, — пишет Чернышевский, — будем видеть постоянно; <...> новое воззрение **объясняет** (выделено мной. — Г. Ч.) важнейшие эстетические факты, которые выставялись на вид, но не объяснялись в прежней системе. Так, например, из определения «прекрасное есть жизнь» становится понятно, почему в области прекрасного нет отвлеченных мыслей, а есть только индивидуальные существа — жизнь мы видим только в действительных, живых существах, а отвлеченные общие мысли не входят в область жизни» [2: с. 292]. Существенное различие старой и новой эстетики, по словам Чернышевского, проявляются буквально на каждом шагу. Уже при определении категории прекрасного выясняется, что одного определения (прекрасное есть абсолютное) оказывается недостаточно. Приходится прибегнуть к еще одному определению: прекрасное есть единство формы и содержания. Далее. Поскольку категория «прекрасного» есть основополагающая категория эстетики, то другие категории должны так или иначе быть обусловлены этой исходной категорией, т. е. быть несамостоятельными. «Первое доказательство этого (существенного различия идеалистической и материалистической эстетики. — Г. Ч.), — читаем мы у Чернышевского, — представляется нам в понятиях об отношении к прекрасному возвышенного и комического, которые в господствующей эстетической системе признаются соподчиненными видоизменениями прекрасного, проистекающими от различного отношения между двумя его факторами, идеею и образом. [По гегелевской системе] чистое единство идеи и образа есть то, что называется собственно прекрасным; но не всегда бывает равновесие между образом и идеею: иногда идея берет перевес над образом, являясь нам в своей всеобщности, бесконечности, переносит нас в область абсолютной идеи, в область бесконечного — это называется возвышенным; иногда образ подавляет, искажает идею — это называется комическим. Возвышенное и комическое, — констатирует Чернышевский, — составляют, таким образом, два односторонних проявления прекрасного» [2: с. 292].

Еще серьезней расходится Чернышевский с господствующей, как он выражается, идеалистической эстетикой в вопросе трактовки категории трагического. Для Гегеля трагическое — это то, чем заканчивает свою жизнь каждая великая личность. Последняя, согласно Гегелю, не может быть счастлива в личной жизни. Счастье — это не ее идея. Причину трагического конца в жизни подобных людей Гегель объяснял тем, что истинное назначение великой личности — реализация не своих личных целей, а хода развития Мирового Духа. «Герои в истории (выдающиеся личности), — писал Гегель, — появлялись не для спокойного наслаждения. Вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают как Наполеона на остров св. Елены» [1: с. 30].

Чернышевский, разумеется, не мог принять гегелевский идеалистический тезис о том, что природа великой личности обрекает последнюю к концу жизни непременно погибнуть. Трагическое, согласно Чернышевскому, возможно в жизни любого человека, и причина трагизма заключается не в человеке, а в обстоятельствах, в которые попадает человек. Господствовавшая эстетика достаточно просто объясняла причины трагедии великих личностей. Стремление человека к свободе непременно наталкивается на сопротивление природы. Природа всегда действует по своим неизменным законам, и всякое отступление от них наказывается. Словом, случай, судьба достаточно часто не позволяют человеку реализовывать намеченные им планы. Борьба с препятствиями природного характера требует от человека невероятного напряжения сил. Это, однако, не означает, что Природа нам враг. «Природа, — возражает Чернышевский, — бесстрашна к человеку; она не враг и не друг ему; она — то удобное, то неудобное поприще для его деятельности. Наивно возлагать ответственность за трагическое на природу. На каждого утонувшего во время купания найдется тысяча людей, которые с пользой для себя проделали подобную процедуру. Но, может, причиной трагедии великих личностей, — задается вопросом Чернышевский, — оказывается борьба не с природой, а с обществом?» [1: с. 305]. На этот вопрос Чернышевский также отвечает отрицательно. «Надобно сказать, что не всегда сопряжены с тяжелою борьбою великие события истории, но что мы, по злоупотреблению языка, привыкли называть великими событиями только те, которые были сопряжены с тяжелою борьбою. Крещение франков было великим событием; но где же при нем тяжелая борьба? Не было тяжелой борьбы и при крещении русских. Трагична ли судьба великих людей? Иногда трагична, иногда не трагична, как и участь мелких людей; необходимости тут никакой. И даже надобно вообще сказать, что участь великих людей обыкновенно бывает легче участи замечательных людей; впрочем, опять не от особенного расположения судьбы к замечательным или нерасположения к незамечательным людям, а просто потому, что у первых больше сил, ума, энергии, что другие больше питают

к ним уважение, сочувствие, скорее готовы содействовать им» [2: с. 306]. Среди великих личностей было совсем немного тех, кто закончил свою деятельность вполне успешно. Чернышевский ссылается, в частности, на Нуму Помпилия, Мария, Августа, Карла Великого, Петра Великого, Лютера, Вольтера.

Чернышевский отвергает мысль сторонников идеалистической эстетики, будто в основе трагического должна непременно лежать необходимость. Для него смысл трагического в другом, в том, что тут под угрозу ставится самая жизнь человека. А поскольку подобная угроза постоянно сохраняется, возникает возможность появления трагедии и в жизни, и в искусстве.

Отвергнув мысль, что искусство выше действительности, ведь, если следовать логике тех, кто придерживался подобного взгляда, то получится, что искусство требует безусловного ухода от действительности в свой особый мир, потому что мир искусства — это мир только тех людей, которые только этим и занимаются, Чернышевский дает собственный ответ на вопрос: что есть искусство. Искусство, с его точки зрения, не порождает некую новую, особую жизнь. Последняя существует сама по себе, даже без искусства. Все, что искусство способно сделать — это запечатлеть существующую жизнь в художественных образах. Следовательно, основное назначение искусства — отражать объективно существующую жизнь. И чем правдивее будет отражена жизнь человека, по мысли Чернышевского, тем выше и уровень искусства. Чернышевский здесь теоретически формулирует те требования к искусству и к писателям, которые до него в отечественной литературной критике защищал В.Г. Белинский. Вспомним хотя бы известное письмо Белинского к Гоголю. Содержанием искусства может и должна оставаться действительность.

Итак, первый вывод автора «Эстетических отношений искусства к действительности» заключается в утверждении, что искусство всего лишь отражает действительность. Следовательно, действительность для Чернышевского первична, а искусство вторично. Означает ли этот вывод недооценки роли и значения искусства в жизни человека? Ни в коем случае. Чернышевский был социалистом. Как и все утописты, он полагал, что путь к новому обществу пролегает через **просвещение** людей. И эту задачу решительный последователь Белинского, естественно, отводил искусству. Искусство, — полагал Чернышевский, — должно сделаться учебником жизни. И он не только в теории ставил перед произведениями искусства задачу просвещать массы как необходимую предпосылку перехода к справедливому обществу. Чернышевский и сам показывал пример того, как это следовало делать. Будучи брошенным сначала в Петропавловскую крепость, а позднее еще и сосланным в Сибирь, он своими литературными произведениями («Что делать?», «Пролог прологов») учил писателей тому, что должен «делать» каждый из них во имя великой цели — просвещения людей. Таков второй важный вывод автора относительно задачи искусства в обществе.

Наконец, третий вывод Чернышевского, в котором в концентрированной форме он выразил суть своей натуры, натуры революционера-демократа.

Искусство должно не просто существовать, дабы удовлетворять вкусам читающей публики, оно должно активно способствовать улучшению существующей действительности. Эту мысль он выразил следующими словами: искусство должно выносить приговор, насколько существующая действительность отвечает потребностям живущих в данном обществе людей.

Мы рассмотрели эстетическую теорию Чернышевского. Свою теорию он начал осмысливать еще в студенческие годы. Это удивляет, но одновременно еще и поражает. Удивляет, поскольку совсем молодой человек решает избрать темой своей магистерской диссертации проблему отношения искусства к действительности, которую он намерен был решать, так как она даже не ставилась в эстетической литературе. Поражает, потому что автор магистерской диссертации вполне отдавал себе отчет в том, что ему придется вступить в настоящий бой с рецензентами и членами ученого Совета Петербургского университета уже на этапе принятия его магистерской работы к защите. Все произошло именно так, как и предвидел Н.Г. Чернышевский. Защита состоялась спустя лишь два года после того, как Чернышевский завершил учебу в университете. Поступком следует считать выбор темы диссертации. Успешная ее защита, с нашей точки зрения, — это своего рода научный подвиг автора диссертации.

Как в свете всего вышесказанного мы должны оценить эстетическую концепцию Чернышевского, обоснованную им в его диссертации? Диссертация, безусловно, стала новым словом в эстетической науке. Совершить подобное в России было особенно нелегко, что мы и постарались показать в нашей работе.

Однако мы вновь заостряем внимание наших читателей на том, что философскую основу эстетической теории Чернышевского составила антропологическая философия Фейербаха. Человек для Фейербаха, также как и для Чернышевского, есть природное (чувствующее) существо. Как мы знаем, есть еще и социальное существо. Этой особенности человеческой личности Чернышевский до конца жизни осознать не сумел, о чем наглядно свидетельствует его предисловие к третьему, последнему прижизненному изданию «Эстетических отношений искусства к действительности», вышедших за год до смерти автора. Содержанием искусства является не жизнь вообще, как считал Чернышевский, а **социальная жизнь**, искусство, как одна из форм общественного сознания, отражающая общественное бытие людей своими специфическими средствами.

Специфичность искусства Чернышевский достаточно хорошо себе представлял. Стоит заметить, что собственные романы автор не считал произведением художественного искусства. Между тем эти романы получили безусловное общественное признание, так как в них автор ставил те проблемы, которые более всего интересовали общество.

В диссертации Чернышевского встречаются высказывания, которые можно было бы вполне интерпретировать в духе теории исторического материализма.

Говоря это, мы имеем в виду интересные размышления Чернышевского на тему того, что думают по поводу «хорошей жизни» крестьяне и дворяне, каков идеал женской красоты для одних и каков для других. Впрочем, аналогичные высказывания встречались, как отметил еще Ф. Энгельс, и у Фейербаха, что не мешало последнему оставаться сторонником домарксова (читай, недиалектического. — Г. Ч.) материализма.

Задачи создания диалектико-материалистической теории искусства Н.Г. Чернышевский перед собой не ставил. Время для этого еще не наступило. Более высокая эстетическая концепция могла появиться на принципиально иной философско-методологической основе. В России того времени (50-е годы XIX в.) таковая еще отсутствовала.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Москва – Ленинград: Государственное социально-экономическое изд., 1935. 470 с.
2. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. М.: Государственное социально-экономическое изд., 1938. 586 с.

Literatura

1. Gegel' G.V.F. Filosofiya istorii // Gegel' G.V.F. Sobr. soch.: v 12 t. T. 8. Moskva – Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izd., 1935. 470 s.
2. Cherny'shevskij N.G. Izbranny'e filosofskie sochineniya. M.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izd., 1938. 586 s.

G.D. Chesnokov

N.G. Chernyshevsky's Aesthetic Theory. Part 2

The article considers the process of formation of N.G. Chernyshevsky's aesthetic ideas in creative polemics with Hegel's philosophical and aesthetic views. N.G. Chernyshevsky is a follower of Feuerbach, whose philosophy in the 60-s of XIX century was known in Russia insufficiently. As a result, N.G. Chernyshevsky's philosophical views were poorly understood by his contemporaries and incorrectly assessed.

Keywords: philosophical anthropology; materialism; idealism; aesthetics.

Б.Н. Бессонов

Николай Александрович Бердяев: жизнь и творчество

Статья посвящена исследованию жизни и творчества русского философа Н.А. Бердяева, рассматривавшего историю философии, русской в том числе, как путь Духа, устремленного к вечности. С его точки зрения, жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом. В этом причина нелюбви философа к классицизму, который создает иллюзию совершенства в конечном. Совершенство достижимо лишь в бесконечном.

Ключевые слова: антропология; гуманизм; диалектика; экзистенциализм; жизнь; творчество; философия; свобода.

Часть 2

Противопоставляя Россию и Запад, Бердяев апеллирует к идее противопоставления цивилизации и культуры. По его мнению, западная культура деградирует в цивилизации. Подтверждение этому он видит в судьбе Фауста Гете. Душе Фауста присуща исключительная динамичность, неведомая, в частности, душе античной. Для осуществления своих бесконечных устремлений Фауст вступает в союз с Мефистофелем, злым духом земли. Постепенно мефистофелевское начало изъело душу Фауста. Материальное господство над миром он предпочел духовному совершенству; отказавшись от религиозной культуры, он пришел к безрелигиозной цивилизации.

Н.А. Бердяев считает, что в сфере философии окончательный переход культуры в цивилизацию возвестил О. Шпенглер. Как утверждает О. Шпенглер, культура — религиозна, цивилизация — безрелигиозна, культура — национальна, цивилизация — интернациональна; культура — органична, цивилизация — механична, культура аристократична, она основана на качествах; цивилизация пронизана стремлением к равенству, количеству, она — демократична. Цивилизация — это мировой город, это воля к мировому могуществу, к устройению поверхности земли. Цивилизация — это духовное мещанство, духовная буржуазность. Именно цивилизация утвердилась, во всяком случае — утверждается сегодня на Западе. Это вывод и О. Шпенглера, и самого Н.А. Бердяева [2: т. 1, с. 378]. Н. Бердяев отмечает при этом, что точка зрения Шпенглера напоминает точку зрения Н.Я. Данилевского, развитую в его книге «Россия и Европа», и К.Н. Леонтьева, который ненавидел цивилизацию Запада за угашение духа и смерть творчества в ней. Спасение от варварства цивилизации, заключается, по мнению Н. Бердяева, в наступлении нового Средневековья, которое спасет духовную культуру, возродит волю к творческому преобразованию жизни, не только личной, но и общественной, но и мира в целом.

Продолжая тему «Запад – Восток», обращаясь к анализу истории духа отдельных народов Запада и Востока, философ приходит к выводу, что, в частности, «германская раса» не имеет преемственной связи с античным миром. Лютер и Кант — великие варвары. Германский индивидуализм и германский критицизм порывают со всяким преданием; между тем всякая культура покоится на предании, на традиции. Н.А. Бердяев соглашается с утверждением, что варварская германская мысль создала глубокие формы религиозного и философского критицизма, в которых объективный мир воссоздается из погружения в субъект, в глубины духа. Однако великая и чистая, но варварская германская культура остается по преимуществу культурой отвлеченной духовности, чуждой всему пластическому, воплощенному, конкретному. Она порвала с солнечностью, естественным источником света, излучаемым античностью. При этом, бесспорно, германская раса, германская культура имеют великую и провиденциальную миссию в западном мире [2: т. 1, с. 303–304]. В германской культуре есть глубина, но нет утонченности и изящества, констатирует Н.А. Бердяев. Напротив, утонченность и изящество есть исключительное достояние культуры французской. Тем более что утонченность и изящество и есть культурность по преимуществу. Недаром Ницше писал, что культура есть лишь во Франции [2: т. 1, с. 305].

Что касается славянской культуры, славянской мистики — то, по мнению Н.А. Бердяева, она по преимуществу апокалиптическая, связанная с временами и сроками всемирной истории, с конкретным воплощением, с эсхатологией. Славянская культура, признает философ, в обыденном смысле этого слова гораздо ниже культуры германской. Но славянская раса приняла в свою плоть и кровь преемственность культуры греческой и византийской.

Да, подчеркивает Бердяев, весь характер русской культуры, русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы противоположен Западу, противоположен радостному духу Ренессанса и гуманизма. Он несет в себе что-то мучительное. Примечательно, что и О. Шпенглер в своей книге «Пруссачество и социализм» также отмечал, что Россия принадлежит к иной культуре, нежели Запад; Россия — это таинственный мир, непостижимый для западного сознания. Россия — религиозна и нигилистична. Великая русская литература XIX века — вся в муках и страдании, в боли о мировом спасении, в ней точно совершается искупление какой-то вины. «В русской культуре, — продолжает Бердяев, — был лишь один момент, когда ярко блеснула возможность радостного духа Ренессанса, — это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Но в целом в основе нашей великой литературы лежали великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Таково творчество русских гениев XIX века — Гоголя, Толстого и Достоевского. И более всего тайна России открывается в Достоевском и его творчестве» [2: т. 2, с. 20].

В начале XX века Россия еще раз пережила своеобразный культурный ренессанс, полагает мыслитель. Одним из источников русского ренессанса

были, по мнению Н. Бердяева, немецкая философия и русская религиозная философия XIX века. Из немецких философов наиболее влиятельным в это время был Шеллинг. «В 30–40-е годы XIX века он имел огромное влияние на славянофилов, позднее на Вл. Соловьева, философия которого была в линии Шеллинга. Переработанное шеллингианство вошло в русскую религиозно-философскую мысль. Особенное значение имел Шеллинг последнего периода, периода «философии мифологии и откровения». Стремление русской религиозно-философской мысли к органической целостности, к преодолению рационалистической рассеченности очень родственно Шеллингу» [2: т. 2, с. 309]. Поэтому нужно без всяких оговорок признать, что славянофилы получили сильные прививки от немецкого романтизма и идеализма, от Шеллинга, а также и от Гегеля. Идея «органичности» была по преимуществу идеей немецкого романтизма.

В начале XX века русские вновь вернулись к темам творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, Н. Федорова и Вл. Соловьева. Исследователи признали, что Вл. Соловьев оказал большое влияние на философию и на богословие, а также и на поэтов-символистов: А. Блока, В. Иванова, А. Белого.

Примечательно, отмечает Н. Бердяев, что некоторые последующие течения европейской мысли были предвосхищены в России. Много из того, что впоследствии утверждали М. Шелер, Н. Гартман и экзистенциальная философия, раньше высказывалось русскими философами начала XX в. Например, поворот Н. Гартмана к онтологическому реализму в теории познания был предвосхищен С. Франком. Н. Лосский также раньше, чем это произошло в Германии, преодолел неокантианство. «Русская философская мысль, — полагал Н.А. Бердяев, — сознавала себя существенно онтологической. Она размышляла не столько о познании, сколько о бытии. Она хотела понять познание как соучастие в бытии, бытие же понимала как конкретное сущее» [2: т. 2, с. 313]. Религиозная философия, по его мнению, в начале XX века была самым оригинальным порождением русского духа. На ее создание наибольшее влияние оказали идеи А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева.

А.С. Хомяков, считал Н. Бердяев, был выдающимся новатором. В его учение о соборности вошел по-русски и по-православному преобразованный европейский гуманизм, в его учение о свободе, в его радикальное отрицание авторитета в религиозной жизни вошло и учение об автономии германского идеализма. Хомяков был своеобразным анархистом, и это делало его характерно русским мыслителем [2: т. 2, с. 310, 311].

Однако, отмечает Н. Бердяев, между реформаторскими идеями Хомякова и русской религиозной философией начала XX в. наметилась глубокая пропасть. В начале XX в. не было уже устойчивого органического быта, Россия и в духовном и в социальном смысле жила в предреволюционную эпоху. И это, конечно же, усиливало апокалиптическую и эсхатологическую окраску русской религиозной философии. В то же время русские мыслители отклоняли трансцендентализм, связывали Космос с софийностью, с преображением и обожением тварного мира.

Н.А. Бердяев утверждает, что в данном случае ему особенно была близка позиция П. Флоренского. «Тут я сходиллся с П. Флоренским, — пишет он. — Мы были панентеистами (не пантеистами). Мы признавали существование соизмеримости между человеком и Богом». Причем в наших построениях «несомненно преобладала идея преображения над идеей спасения» [2: т. 2, с. 315]. Вместе с тем, отмечает Н. Бердяев, «моя позиция все-таки отличалась от позиции П. Флоренского. Моя философия всегда была ориентирована антропологически, а не космически, и я всегда был ближе к тому типу мысли, который сейчас называют экзистенциальной философией. Основными проблемами для меня были проблемы человека, первичности его свободы и творчества. Проблема же космоса представлялась мне производной от проблемы человека» [2: т. 2, с. 20].

В целом, констатирует Н.А. Бердяев, русская религиозная мысль начала XX в. была несомненным модернизмом на православной почве. Русским религиозным течениям разных оттенков был свойственен пневмоцентризм — ожидание нового излияния Духа Святого в мире.

Начало XX века — русский культурный ренессанс, — Н. Бердяев считает одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры. Это была эпоха творческого подъема поэзии и философии после периода упадка. Это была вместе с тем эпоха появления новых душ, новой чувствительности. Души раскрывались для всякого рода мистических веяний: и положительных, и отрицательных.

Русскими душами овладели в то время предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты А. Блок, А. Белый видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир в целом. Религиозные мыслители прониклись апокалиптическими настроениями. Все это проистекало из того, что наш культурный ренессанс произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции, отмечал Н.А. Бердяев. Ничего устойчивого более не было. И не только Россия, но весь мир переходил в «жидкое» состояние. В то же время апокалиптическое настроение, ожидание грядущих катастроф у русских всегда было связано с великой надеждой. «Русский народ, подобно народу еврейскому, — народ мессианский. В лучшей своей части он ждет Царства Божия, ищет правды и уповает, что не только день Божия суда, но и день торжествующей Божьей правды наступит после катастроф. Это есть своеобразный русский хилиазм. Он был и в дехристианизированном русском сознании. Но, к сожалению, эти идеи, эти настроения в культурном ренессансе России носили характер слишком литературный и оторванный от народных движений» [1: с. 164, 165], — указывает Н.А. Бердяев.

Узость социальной базы, тот факт, что культурная элита, интеллигенция была оторвана от широких социальных течений того времени — стало трагедией нашего культурного ренессанса начала XX века. Это имело в конечном счете роковые последствия, приведшие к тому, что революция начала уничтожать этот культурный ренессанс и преследовать творцов культуры, подчеркивает философ [1: с. 165].

Вообще, по мнению Бердяева, революция есть рок и стихия. Её нельзя ни направить, ни остановить. Идеалисты, мечтатели, те, кто начинает революцию, в ней, как правило, сгорают, погибают. Умеренные в ней тоже не господствуют. В революции господствуют реалисты. В русской революции реалистами были большевики; они действовали в полном согласии с волеизъявлениями крестьян, рабочих и солдат, жаждавших мира, земли и хлеба. Утопистами были те (кадеты), кто хотел продолжать войну в то время, когда она уже внутренне разложилась, кто вешал о правах и свободах, в то время, когда русский народ голодал и ни о каком правовом, конституционном государстве и слушать не хотел [2: т. 1, с. 439, 440].

Русский народ вообще не хочет никакого правового государства в европейском смысле, утверждает Н. Бердяев. Это — аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к Царству Божию. У русских, в отличие от западных народов, нет привязанности к земным вещам, к собственности, государству, к своим правам, к внешнему бытовому укладу. То, что европейцам представляется добродетелью, русскому человеку представляется грехом. Буржуазный строй в России, в сущности, почти все считали грехом, — не только революционеры, но и религиозные люди. Православие всегда внушало русским идею обязанности, а не идею права. Право не считалось добродетелью, обязанности же не исполнялись по греховности. Сама русская буржуазия чувствовала себя нравственно униженной, ущербной. И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по праву владеет своей землей. И русский купец думал, что нажился он нечистыми способами и раньше или позже должен покаяться. Поэтому, полагает мыслитель, революция в России была неизбежной и справедливой. За неё более ответственны реакционные и «командующие» силы старого режима. Они держали народ в рабстве и тьме. Революция была не только не преждевременной, а, напротив, запоздалой. Самодержавие не столько было свергнуто, сколько разложилось и само пало. Жестокость революции в немалой степени была порождена жестокостью правящего класса, а также тем, что она была порождением войны. Н.А. Бердяев, пишет, что «осознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, экзистенциальная её диалектика» [2: т. 1, с. 453]. Русским людям, полагает Бердяев, присущи другие ценности, нежели западным. Равенство — это пустая идея. Это — зло, когда во имя равенства отвергается величие индивидуальности. Социальная правда зиждется на достоинстве каждой личности, а не на равенстве. Демократия? Она формальна, механически уравнивает все качественное и индивидуальное, отрицает все абсолютное, утверждает релятивизм. Она ведет к утрате индивидуальности, нивелировке, атомизации людей. Демократия отнюдь не формирует общей, органической воли народа. Она истребляет внутреннего человека во имя внешнего. Она не знает истины; истина сакральна, она не результат решения большинства.

Свобода? Лозунг формальной свободы, свободы хотеть того, чего захочешь, — пустой. Он приводит либо к произволу, либо к отрицанию, игнорированию реальной свободы. Подлинная свобода, уверен философ, противна произволу. Она имеет космическое содержание. Право? Оно защищает и хранит свободу, особенно в эпоху разобщения людей. Оно необходимо, но оно не может принудить к «органическому», но может заставить людей любить друг друга.

В целом, считает Н.А. Бердяев, «западная культура, нацеленная на внешние действия, есть неудача творчества; она не может творчески преобразить бытие; западная философия и наука есть неудача в творческом познании истины; искусство и литература — неудача в творчестве любви; мораль и право — неудача в творчестве человеческих отношений; хозяйство и техника — неудача в творческой власти человека над природой. Все достижения современной западной культуры — символические, а не реалистические. Кризис культуры — это отражение стремления человека к переходу от символически условных достижений к достижениям реально абсолютным» [2: т. 1, с. 272].

Русская же душа, по мнению Бердяева, противостоит дурно-бесконечной, буржуазной срединной культуре, которая фатально истощается и склоняется к упадку, отрывается от истоков бытия, от жизненных корней. В ней наступает исчерпанность и декаданс. Конкретное бытие переходит в отвлеченное и призрачное [2: т. 1, с. 372]. Русской же душе присуща жажда творчества новой жизни и нового мира. Она стремится сохранить целостное единство субъекта и объекта. Ей не свойствен культ абстрактных чистых ценностей: культ чистой красоты, культ чистой истины... она хочет не меньшего, чем полного преобразования жизни.

С этой чертой связано самое великое и истинно оригинальное в русской жизни и культуре, а именно — русская душа берет на себя бремя мировой ответственности. Именно это-то и не позволяет нам жить радостной культурной жизнью, утверждает Бердяев.

Ярким примером русской души, по Бердяеву, является Ф.М. Достоевский, отразивший все противоречия русского духа, всю его антиномичность. По Достоевскому можно изучать наше своеобразное духовное строение. В его творчестве «жизнь идей протекает в раскаленной, огненной атмосфере, — охлажденных идей у Достоевского нет... Поистине в Достоевском есть что-то от Гераклитова духа; все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе» [2: т. 2, с. 13, 14]. Русские люди, утверждает Н.А. Бердяев, не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры; их дух устремлен к конечному и предельному. Если немцы — мистики или критицисты, французы — догматики или скептики, то русские — апокалиптики или нигилисты. Более того, в русской душе нигилизм совмещается с апокалиптикой, с религиозной устремленностью к концу света, к новому откровению.

Такая духовная настроенность, по мнению Н.А. Бердяева, «затрудняет творчество культурных ценностей; она не благоприятствует духовной дисциплине.

Это имел в виду К. Леонтьев, когда говорил, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность — нравственная середина, она не интересна для нигилистов и апокалиптиков» [2: т. 2, с. 13].

«Русские мальчишки (излюбленное выражение Достоевского) всегда поглощены решением мировых вопросов, или о Боге и бессмертии, или об устройении человечества; они — атеисты, социалисты и анархисты; культура представляется им помехой в их стремительном движении к концу. Отсюда у русских и вырастает вражда к форме, к формальному началу в праве, государстве, нравственности, искусстве, философии, религии. Форма сдерживает, ставит границы... Саморазрушение и саможигательство — русская национальная черта», — подчеркивает Н.А. Бердяев [2: т. 2, с. 13].

В Достоевском, считает он, отразились все антиномии, все противоречия, все болезни русского национального самосознания: смирение и самомнение, всечеловечность и национальная исключительность. Русский народ в одно и то же время — народ смиренный и «народ — богоносец», в нем воскресает древнее самочувствие народа еврейского. Русская душа отражает особенности русской земли, русской равнины с бесконечными далями. На лице русской земли нет резко очерченных форм, нет границ, русская стихия уходит в бесконечность. Именно поэтому русская душа не превращена в крепость, как душа европейского человека, не забронирована религиозной и культурной дисциплиной. «Вот почему Достоевский мыслил только в России и только русская душа может быть материалом, над которым он совершал свои эксперименты и открытия», — считает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 104, 105].

По его мнению, роковые последствия для русской нравственной культуры имело также отсутствие в нашей истории рыцарства. Именно поэтому нашему национальному духу присущи неразвитость личного начала, личной ответственности и личной чести. Неспособные к духовной самостоятельности, русские люди искали правду не в себе, а вне себя. У русских замечательных людей нет пафоса гордого высокомерия. Они боятся одиночества, покинутости, ищут тепла коллективной народной жизни. «Народничество — порождение русского духа. Только в России можно встретить эту идеализацию «народа», это искание в народе правды и Бога» [2: т. 2, с. 107].

В действительности, по Бердяеву, коллективизм и соборность — это отнюдь не свидетельство великого преимущества русского народа над народами Европы, а свидетельство того, что личность, личный дух недостаточно еще пробудились в русском народе, что личность еще слишком погружена в природную стихию народной жизни. Поэтому-то народническое сознание чувствовало правду и Бога не в личности, а в народе.

Именно это нашло свое отражение в славянофильстве, творчестве Достоевского и Толстого, которые капитулировали перед мужицким царством. Они сбились на путь понимания «народа» как простонародья, противоположного культурному слою. В результате национальное сознание сделалось

невозможным; возможным оказалась только народническое сознание. Вера в «народ», полагает Н. Бердяев, в сущности «свидетельство малодушия и бессилия русских мыслящих людей, их боязни взять на себя ответственность и самим решать, где истина и правда, отсутствия в них сознания собственного духовного достоинства [2: т. 2 с. 110, 111].

И все же в конечном счете противоположение России Европе, было формой духовной борьбы с тенденциями европейской цивилизации, угашающей дух. «Прикованность к земным благам закрывает небо» Поэтому славянофильство, восточничество приобрели «защитный свет», — подчеркивает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 115, 116]. «Борьба двух типов культуры, религиозной и безрелигиозной цивилизации в сущности всегда велась на европейской почве. Французские романтики, французские символисты, французские католики XIX века всем существом своим противились “цивилизации”, которая ранила их не менее, чем славянофилов, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, Л. Толстого», — пишет Н.А. Бердяев [2: т. 2, с. 115, 116].

Явление Ницше — это, по Бердяеву, также страстный и болезненный протест против нарастающей бездуховности европейской механической цивилизации. В конечном счете тема эта — мировая; она не может быть понята только как тема о противоположении России и Европы, Востока и Запада. Это — тема о противоположении двух духов, двух типов культуры и внутри Европы и внутри России, на Западе, как и на Востоке, подчеркивает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 116].

Достоевский и Ницше — оба — глашатаи нового откровения о человеке, у обоих антропология — апокалиптическая; и то, что говорит Достоевский о человекобоге и Ницше о сверхчеловеке, есть апокалиптическая мысль о человеке, отмечает Бердяев. Кириллов в «Бесах» олицетворяет идею Достоевского о человекобоге. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх смерти, тот сам станет Богом. Тогда утверждается новая жизнь, новый человек. «Кто смеет убить себя, тот Бог». Этот новый человек придет «и имя ему будет человекобог». «Богочеловек?» — переспросил Ставрогин. — «Человекобог, в этом разница», — подчеркнул Кириллов. Богочеловек и человекобог, по Достоевскому, полярности человеческой природы; прежде всего, природы русского человека, природы русского духа. Богочеловек — Христос. Человекобог — это сверхчеловек, это смерть человека. «Как отличается в своих исканиях и противоречиях русский дух от монизма духа европейского, в частности, германского! — восклицает Н.А. Бердяев и делает следующий вывод: «Когда германец погружается в глубину своего духа, он в глубине находит божественность, все полярности и противоречия там снимаются. И потому это так, что для германца человек существует лишь на периферии, лишь в явлении, а не в сущности. Русский человек более противоречив и антиномичен, чем западный, в нем соединяется душа Азии и душа Европы. Русский человек сложнее и богаче в своей глубине, во внутренней своей жизни» [2: т. 2, с. 175].

Отщепенство, скитальчество и странничество — русские черты. Западный человек более верен традициям и более подчинен норме. «Широк русский человек.

Ширь, необъятность, безграничность — не только материальное свойство русской природы, но и ее метафизическое, духовное свойство, ее внутреннее измерение», — считает Бердяев [2: т. 2, с. 175]. «Метафизические терзания русского духа, которые исследовал Достоевский, есть следствие неформленности русского духа, его неподчиненности пределу и норме. Но если в строе западной жизни есть беспощадность, связанная с подчиненностью человека дисциплине и норме, то русский человек всегда нуждается в пощаде и сам щадит. Русский человек человечнее западного», — утверждает философ [2: т. 2, с. 175].

Но в любом случае, русские — максималисты, подчеркивает Бердяев, и продолжает: «Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими. Именно поэтому революция в России могла быть только социалистической и никакой другой. Социализм прав перед лицом буржуазно-капиталистического мира. Все буржуазные аргументы против социализма лицемерны и порочны. Социализм есть последняя правда и последняя справедливость. Однако в марксистском социализме, в коммунизме есть не только своя правда, но и своя ложь. Правда — раскрытие возможностей братства людей и народов, преодоление классов, ложь уже — в духовных основах, которые приводят к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания. Коммунизм есть русское явление на основе марксистской идеологии. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней свободы народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма. Но освобожденная от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромную силу русского народа. В этом ее главный смысл» [3: с. 125].

И все же, по Бердяеву, антиномия свободы и рабства разрешается на пути личного духовного подвига. Именно он противостоит коммунизму, который абсолютизирует общественное устройство, экономику, государство, персонализм, персоналистский социализм, с точки зрения которого общественное устройство в конечном счете зависит от разрешения противоречий как во внутренней духовной жизни человека, так и в духовной жизни общества в целом.

В этой связи Н.А. Бердяев отвергает некий бесконечный исторический прогресс. Бесконечный исторический прогресс невозможен и неприемлем потому, что означал бы превращение всех живших и ныне живущего поколения в средство для будущих поколений. Если универсальный смысл не есть вместе с тем и личный, персональный, смысл, то он бессмыслен. Бесконечен лишь Бог. Все остальное: и человек, и история — конечны. Вся наша жизнь, вся наша история движется через противоречия конечного и бесконечного, временного и вечного. Человек есть конечное существо, заключающее в себе в то же время бесконечность, он есть временное существо, заключающее в себе вечность. Поэтому метафизика неизбежно должна стать эсхатологией.

Н.А. Бердяев подчеркивает, что именно поэтому для него смысл конца мира и истории означает конец объективного бытия, преодоление объективации. Это

есть вместе с тем снятие противоположности между субъектом и объектом. Субъект с его духовным миром выше объекта.

Конец означает также победу экзистенциального времени над временем историческим и космическим. Только в экзистенциальном времени, измеряемом напряженностью духовно-нравственных субъектов, может открыться выход к вечности. В конце есть неотвратимый момент суда совести, которая есть как бы голос Божий в человеке. Но в конце есть и наступление Царства Божьего. Н.А. Бердяев считает важным прозрение Н. Федорова: если не будет христианского «общего дела», дела свободы в осуществлении Царства Божия, то будет одно — телесный страшный конец; если же будет «общее дело», творческое соборное общение людей, то будет — воскресение всего живущего. Он подчеркивает: в таком случае конец воспринимается не как фатум, а как свобода. Это есть преобразование мира, в котором человек участвует как творец.

Философ считает неправомерным столкновение в европейском сознании двух вер — веры в Бога и веры в человека. Это лишь — момент диалектики сознания. На более высокой ступени сознания человек должен понять, что вера в Бога предполагает веру в человека и вера в человека — веру в Бога. Бог нуждается в человеке, в ответе человека, в творчестве человека. Любящий Бог не может существовать без любимого человека. Сама идея откровения бессмысленна, если тот, кому открывается Бог, не соответствует открываемому.

Источник свободы, творчества, познание истины — в самом человеке. Именно поэтому, утверждает Н.А. Бердяев, и возможна эсхатологическая перспектива преобразования мира. Он утверждает, что нельзя мыслить Бога в категориях объективации, в категориях науки. Бог есть дух, свобода, любовь, вечное творчество. Рай нельзя представлять в виде сублимированного чувственного земного царства. В таком случае возникает желание предпочесть ему земную жизнь с ее неудовлетворенными бесконечными стремлениями, противоречиями и страданиями. По мнению Н.А. Бердяева, Достоевский глубоко раскрыл подлинную суть идеи рая. Во «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевский отмечает: «Люди познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что истина достигается лишь мучениями. Тогда у них появились казни. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обозначения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы... Утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав ее сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь и опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же “желанию”, в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его. И, однако, если бы только могло так случиться, что они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если бы кто-нибудь вдруг им показал его вновь

и спросил их: Хотят ли они возвратиться к нему? — то они, наверное бы, отказались». Достоевский продолжает: виновник утери рая говорит: «Они воспевали страдания в песнях своих. Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на их лицах еще не было страдания, и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней явилось горем».

Царство Божие, считает Н.А. Бердяев, Небесное Царство должно быть и на земле, хотя оно в то же время и прежде всего Небесное Царство. Пассивное понимание апокалипсиса как претерпевание конца и суда, как отрицание всякого творчества человека есть выражение рабства человека. Человек всегда стремится к свободе, даже к безмерной свободе. Свобода мучит человека и может погубить его. Но человек дорожит этой мукой. Ф. Достоевский показал падение человека, который проходит через эту свободу.

«Конец мира есть дело богочеловеческое, в него входит творчество человека, человек не только претерпевает конец, но и уготовляет его. Конец есть не только разрушение мира и суд, но также просветление и преображение мира. На путях человекобожества человек погибает. Истинные жизни, свобода и творчество возможны только во Христе, на пути Богочеловеческом» [2: т. 2, с. 34].

В это связи Н.А. Бердяев критикует Церковь, официальное богословие, которые больше верят в силу Божию, нежели в пришествие Царства Божия. Они освещают насилие, царящее в мире феноменальном, в обществе, государстве, но подлинная вера в Бога есть вера эсхатологическая, то есть вера в грядущее Царство Божие. Поэтому человеку нужно не столько ставить себе цели и реализовать их в предметном мире, сколько воплощать свою творческую энергию в сознании, в любви, в общении, в свободе, в красоте, определяя себя эсхатологически. Бог не управляет миром, Он открывается миру; именно поэтому Он имеет нужду в ответном творческом акте человека. Этим обусловлено то, почему Иисус не ответил на вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» Истина — открытие смысла, творимая самим человеком ценность.

Что касается непосредственно России и ее судьбы, то Бердяев, вслед за Вл. Соловьевым, считал, что русская идея — категория трансцендентная, надэмпирическая. Это не то, что думает о России тот или иной мыслитель, тот или иной человек, а то, что думает о ней Бог, поставивший русскому народу свои провиденциальные цели. Человеческий разум не в состоянии непосредственно схватить содержание такой идеи, он вынужден идти к ней через ряд сменяющих друг друга социально-философских реконструкций. Объективно такими реконструкциями, по мнению Н. Бердяева, были и славянофильство, и народничество, и взгляды эсеров, и марксизм.

Переходя конкретно к содержанию русской идеи, Н. Бердяев подчеркивает, что специфическая роль России в мировой истории носит духовный характер и отнюдь не ориентирована на внешнее государственное могущество. Мистическое

призвание России состоит не в осуществлении великой империи, а в религиозном путеводительстве. И хотя Бердяеву присуща тенденция противопоставления России Западу, тем не менее он видит ее задачу в соединении восточного созерцания божества и охранения божественной святости православия с активностью западного человека и исторической динамикой культуры. Но в любом случае реализовать это призвание Россия сможет не сама по себе, а в единении с другими народами, каждый из которых вносит свой вклад в общее дело преодоления бездуховности, охватившей сегодня человечество.

Бездуховность — одна из самых серьезных угроз человечеству. Сегодня жизнь человеческих обществ стоит под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма. Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Человек все более становится рабом.

Что изменилось сегодня? Все мыслящие люди сегодня безоговорочно присоединяются к Н.А. Бердяеву, к его предостережению об упадке духовности, тем более что угроза ее утраты еще более возросла. Справится ли Россия с возложенной на нее миссией? В конечном счете справится, верил Н. Бердяев. Но судьба России — трудная. В силу ряда причин (одна из них — татаро-монгольское иго) развитие России замедлилось, но затем приобрело ускоренный характер. В результате картина ее развития оказалась прерывистой и как бы «смазанной»: современное переплеталось с прошлым.

Россия Киевская, Россия татарского периода, Московская Русь, Петровская, императорская, советская Россия — все они противостояли друг другу, и тем не менее каждая последующая Россия воспринимала наследие предшествующих [3: с. 7]. И все это сказалось на русском характере. Русский характер приобрел антиномичные черты [3: с. 15]. Эта антиномичность, двойственность усугубляется вследствие того, что в своих устремлениях русские не знают ограничений. Их характер столь бесконечен, как и русская равнина [2: с. 105].

В чем конкретно проявляется антиномичность русского характера? В русских, утверждает Бердяев, глубина и высота духа сочетаются с отсутствием личного достоинства. Бесконечная любовь к людям сочетается с равнодушием и ненавистью к ним. Жажда абсолютной свободы мирится с рабской покорностью. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа — женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. В русском народе не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано также недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. В русском есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Не случайно, Платон Каратаев у Толстого — круглый. Гений

формы — не русский гений. Это — с одной стороны. С другой стороны, Россия — самая государственная, самая бюрократическая страна в мире. Все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, но истощил свои силы. Вся кровь, весь дух шли и ушли на укрепление государства. Это придавило личность.

Далее Бердяев отмечает вторую антиномичность в русском характере. Россия — самая нешовинистическая страна в мире. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек — всечеловек, что дух России — вселенский дух. Россия призвана быть освободительницей народов. Вместе с тем — необычное русское самомнение. Русский народ — самый великий, самый призванный. Русское — значит праведное, истинное. Россия — «святая Русь». Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека, проповедовал и самый грубый национализм, травил поляков и евреев.

Третья антиномия: Россия — самая небуржуазная страна. Русский легко уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни, от давящей власти буржуазных условностей.

Тип странника так характерен для России. Странник — самый свободный человек на земле. Его стихия воздушная, он свободен от мира, вся тяжесть земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Странники града своего не имеют, они ищут град грядущий. Духовные странники — все эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версиловы, князь Андрей Болконский и Пьер Безухов. Вл. Соловьев чувствовал себя странником, и Сковорода также. Духовное странствование есть в Лермонтове, Гоголе, в Толстом и Достоевском; русским анархистам и революционерам также было присуще это чувство.

Россия — фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, она ищет невидимый град Китеж, незримый дом. Русская душа горит в пламени искания абсолютной правды, разрешения вопросов о смысле жизни. Россия — страна неограниченной свободы и духовных далей, страна мятежная и жуткая в своей стихии, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы. Но рядом же: Россия — страна, лишенная сознания прав личности, страна имперского консерватизма, замкнутого бюрократического царства. В России никто не любит восхождения, все предпочитают быть «как все». Русская революционно-демократическая интеллигенция была захвачена скорее идеей механического равенства, чем свободой.

Русские любят силу, упиваются силой, подчиняются ей. В своей «Судьбе России» Н.А. Бердяев цитирует В. Розанова, который о войне 1914 г. писал следующее: «Сила — вот одна красота в мире... Сила — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще “слабые” — “мы”, вот “я” на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Голова ясна, а сердце билось... как у женщины. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...» [2: т. 2, с. 293]. Верное, конечно, с психологической точки зрения, наблюдение. И вместе с тем (это уже слова

Бердяева): «с позиции русского, с русской точки зрения, душа человеческая стоит больше, чем все царства и все миры...» [2: т. 2, с. 293].

Бердяев отмечал также исключительную склонность русских морализовать историю, т. е. применять к ней моральные категории, взятые к тому же часто из личной жизни. В то же время для русского лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Если европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большего совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели, то русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели. Весьма опасной чертой русского характера, русского мышления — предостерегал Н.А. Бердяев — является то, что они слишком монистичны, слишком поглощены единым и враждебны множественности, закрыты для конкретного многообразия. Серьезной болезнью русского нравственного сознания является отрицание личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, слабое развитие чувства долга и чувства чести, отсутствие сознания нравственной ценности подбора личных качеств, считал Бердяев. Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, он утопает в безответственном коллективизме. Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам — кузнец своей судьбы.

Во многом Н.А. Бердяев, безусловно, прав. Нам, русским, надо освободиться от всякого идолопоклонства: перед Европой, деспотичным государством, отказаться от анархизма, от нигилизма, от обезличенности, от внутреннего рабства. Нам надо полюбить созидательную свободу, свободу для творчества и взять на себя нравственную ответственность за свои поступки и за все происходящее в мире. Не ссылаться на внешние обстоятельства и внешние силы, а прежде всего самим быть ответственными и действовать; действовать, а не созерцать.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 510 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. 222 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
5. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон 1998. 400 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2002. 616 с.
7. Бердяев Н.А. О русской философии. М.: Издательство русского университета, 1991. Ч. 1. 288 с.; Ч. 2. 240 с.

Literatura

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie. M.: Kniga, 1991. 446 s.
2. Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury' i iskusstva: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. 542 s.; T. 2. 510 s.
3. Berdyaev N.A. Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. M., Nauka, 1990. 222 s.

4. *Berdyayev N.A.* *Filosofiya svobody*. Smy'sl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 607 s.
5. *Berdyayev N.A.* *Dухovny'j krizis intelligencii*. M.: Kanon 1998. 400 s.
6. *Berdyayev N.A.* *Russkaya ideya*. M.: AST, 2002. 616 s.
7. *Berdyayev N.A.* *O russkoj filosofii*. M.: Izdatel'stvo russkogo universiteta, 1991. Ch. 1. 288 s.; Ch. 2. 240 s.

B.N. Bessonov

Nikolai Aleksandrovich Berdyayev: life and work. Part 2

The article is devoted to the study of the life and work of Russian philosopher N.A. Berdyayev, who considered the history of philosophy, including Russian one, as the way of the Spirit, aspiring to eternity. From his point of view, the life in this world is struck by a deep tragic element. This is the reason of the philosopher's dislike of classicism, which creates the illusion of perfection in the finite reality. Perfection is achieved only in the infinite.

Keywords: anthropology; humanism; dialectics; existentialism; life; creation; philosophy; freedom.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2016, № 2 (18)**

Бессонов Борис Николаевич — заведующий общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения МГПУ, профессор, доктор философских наук.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Вартанян Евгений Варданович — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: indulgence490@gmail.com

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Мамедова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: natmam_5@mail.ru

Матренина Лилия Федоровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Московский технологический университет».

E-mail: lmatronina@gmail.com

Понизовкина Ирина Федоровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Сахарова Мария Викторовна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: smarvik@mail.ru

Черненькая Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: schernenkaja@yandex.ru

Черноземова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии филологического факультета, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

E-mail: chernozem888@yandex.ru

Чесноков Григорий Дмитриевич — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: greche@mail.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik». Series «Philosophical Sciences», 2016, № 2 (18)

Bessonov Boris Nikolayevich — Head of a university-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University, Professor, Doctor of Philosophy.

E-mail: Philos-mgpu @ mail. ru

Vartanian Eugeniy Vardanovich — postgraduate student of university-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University.

E-mail: indulgence490@gmail.com

Zhukotskaya Alexandra Vasilievna — Doctor of Philosophy, Professor of a University-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Mamedova Natalia Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, G.V. Plekhanov Russian Economic University.

E-mail: natmam_5@mail.ru

Matronina Lilia Fyodorovna — Ph.D. (Philosophy), docent of Department of Philosophy, Sociology and Political Science, “Moscow Technological University”.

E-mail: lmatronina@gmail.com

Ponizovkina Irina Fyodorovna — Ph.D. (Philosophy), docent of Department of Philosophy, “G.V. Plekhanov Russian Economic University”.

E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Sakharova Maria Victorovna — Ph.D. (Philosophy), docent of a University-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University.

E-mail: smarvik@mail.ru

Chernenkaya Svetlana Vasilievna — Ph.D. (Philosophy), docent of a University-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University.

E-mail: schernenkaja@yandex.ru

Chernozemova Elena Nikolaevna — doctor of philological sciences, professor of the Department of Foreign Philology, Faculty of Philology, “Moscow Teachers’ Training State University”.

E-mail: chernozem888 @ yandex.ru

Chesnokov Grigoriy Dmitrievich — Doctor of Philosophy, professor of a University-wide Department of Philosophy and Religious Studies, Moscow City University.

E-mail: greche@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Бирич Инне Алексеевне*.

Телефон редакции (499) 181-66-29.

E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
2016, № 2 (18)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62498 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *Б.Н. Бессонов*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 21.06.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.